B-93

БИБЛІОТЕКА
ОБЩЕСТВА ДЛЯ ДОСТАВЛЕНІЯ СРЕДСТВЪ
ВЫСШИМЪ
ЖЕНСКИМЪ КУРСАМЪ.
Шкафъ ~~XXXVIII~~ XXIV Ze I
Полка ~~4~~ 1 1
№ ~~64~~ 5. 29 s. 1-2

Б-93

СТО ЛѢТЪ

АВСТРІЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

ВЪ

ВОСТОЧНОМЪ ВОПРОСѢ.

СОСТАВИЛЪ

Я. Н. БУТКОВСКІЙ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

1108

БИБЛІОТЕКА Егора Егоровича ЗАМЫСЛОВСКАГО

БИБЛІОТЕКА О-ва для достав. средствъ В. Ж. КУРСАМЪ.

194/97

Ген. 1 ос. уч-т НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА им. Горького

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ „С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ИЗДАТЕЛЬСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА“
(ГЕНРИ ХАНКОВСКІЙ и К°).

1888.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ былые годы вопросы политики составляли дипломатическую тайну и были секретомъ боговъ, простые же смертные довольствовались догадками и узнавали кое что лишь тогда, какъ гроза событій разражалась надъ ихъ кровомъ.

Въ наше время дипломатія усвоила болѣе откровенный языкъ, многіе государственные архивы сдѣлались доступны, кропотливые изслѣдователи роются въ международныхъ договорахъ и въ письмахъ прежнихъ правителей, а печатные сборники знакомятъ съ ними публику, которая въ былыхъ урокахъ исторіи ищетъ объясненія настоящихъ событій и разгадки будущаго.

Всякому гражданину, любящему свое отечество, свойственно интересоваться его судьбами; каждый членъ государства болѣе или менѣе выноситъ на себѣ результаты дурной политики и отвѣчаетъ за ея послѣдствія, а потому обязанъ быть до нѣкоторой степени посвященъ въ ея тайны; современная исторія есть наука, которую не преподаютъ на школьной скамьѣ потому, что она слагается ежедневно; съ нею оправдывается изрѣченіе: „вѣкъ живи вѣкъ учись“.

Въ числѣ международныхъ вопросовъ самымъ жизненнымъ является для Россіи вопросъ славянскій и наши отношенія къ юго-западу, гдѣ живутъ разнородные представители великой единокровной и единовѣрной семьи. Вопросъ славянскій, или, какъ его называютъ, восточный,

быть можетъ еще долго дремалъ бы, если бы политика Екатерины II и побѣды русскихъ полководцевъ не отрыли его изъ подъ обломковъ византійской имперіи, подобно Геркулануму или древней Трои, съ тою разницею, что подъ наноснымъ гнетомъ лежали живые народы.

Благодаря вѣковому гнету, славянство осталось въ младенчествѣ и вотъ, съ возрожденіемъ его, у него оказались двѣ матери, предъявляющія на него свои права: Австрія и Россія. Обѣ считаются славянскими державами, обѣ манятъ къ себѣ ребенка; явится-ли Соломонъ для рѣшенія ихъ спора?

Предлагаемый мною вниманію публики трудъ есть исторія этого спора, отъ славныхъ временъ великой Екатерины до нашихъ дней. Въ немъ желалъ я ознакомить русскихъ читателей со взглядомъ на восточный вопросъ нашей вѣковой соперницы. При составленіи книги я пользовался малоизвѣстными въ Россіи компиляціямя, составленными по австрійскимъ архивнымъ документамъ. Знакомство съ ними дастъ намъ возможность на основаніи прошедшаго судить о томъ, что на этомъ пути ожидаетъ насъ въ будущемъ.

До 1774 года политическая дѣятельность Австріи и Россіи въ отношеніи Балканскаго полуострова составляетъ какъ бы прологъ, а Кучукъ-Кайнарджскій миръ эпоху, когда два двуглавыхъ орла встрѣтились на одномъ полѣ. Это соперничество двухъ великихъ имперій, продолжающееся болѣе ста лѣтъ можно подраздѣлить на семь періодовъ:

1) Восточная политика Іосифа II.
2) Времена революціи и Наполеона I.
3) Возстаніе Сербіи.
4) Греческое возстаніе.
5) Послѣ Адріанопольскаго мира.
6) Крымская война.
7) Берлинскій трактатъ, или до нашихъ дней.

До Кучукъ-Кайнарджскаго мира.

Почти два столѣтія длилась въ Европѣ борьба креста съ полумѣсяцемъ, закончившаяся разбитіемъ турокъ подъ стѣнами Вѣны во время ихъ послѣдняго грознаго нашествія. Офенъ, издавна находившійся во власти мусульманъ и большая часть Венгріи перешли въ руки императоровъ, войска которыхъ, подвигаясь впередъ, овладѣли одною изъ важнѣйшихъ крѣпостей того времени,—Бѣлградомъ.

Протекло болѣе полутораста лѣтъ съ того дня, когда Габсбургамъ досталась корона святаго Стефана, но самостоятельная политика Австріи на востокѣ сдѣлалась впервые возможною лишь послѣ того, какъ имперскій орелъ вырвалъ области Дуная и Тейсы изъ подъ власти полумѣсяца. До того же главною заботою австрійскихъ государственныхъ людей было изгнаніе турокъ изъ Венгріи; желанія ихъ не шли далѣе освобожденія этихъ земель отъ мусульманскаго владычества.

Съ этой поры для дѣятельности ихъ открылся новый горизонтъ: вмѣстѣ съ Венгріей Габсбурги пріобрѣли нѣкоторыя права на земли Балканскаго полуострова. При коронованіи короли Венгріи произносили клятву возвратить всѣ утраченныя земли короны и съ изгнаніемъ невѣрныхъ соединялись блестящія надежды на будущее. Мечтали перенести военныя дѣйствія на берега болгарской Моравы; хотя благоразумные голоса склонялись на миръ, который предлагала Турція, но въ совѣтѣ императора взяло верхъ убѣжденіе въ разслабленности турокъ

и возможности въ скорости дойти до воротъ Константинополя. Баденскій маркграфъ напрасно настаивалъ на невозможности для арміи предпринять наступательныя дѣйствія, прежде чѣмъ будутъ закрѣплены сдѣланныя завоеванія. Онъ совѣтовалъ принять за основаніе мирнаго договора теченіе рѣкъ Унны, Савы и Дуная съ семиградскими Карпатами, которыми бы опредѣлялась граница, указывая, что миръ былъ бы и тогда выгоденъ, если бы Бѣлградъ со срытыми укрѣпленіями былъ оставленъ Турціи, а крѣпости Каница, Темешваръ и Гросвардейнъ въ разоруженномъ видѣ достались Австріи. Но въ Вѣнѣ рѣшили продолжать войну и маркграфъ получилъ приказаніе занять не только Боснію, но и Герцеговину съ Далмаціей, чтобы предупредить венеціанцевъ, также объявившихъ войну Турціи. Императоръ высказалъ рѣшительное намѣреніе распространить свою власть до Адріатическаго моря и освободить Молдавію и Валахію.

Западно-европейское равновѣсіе воспрепятствовало, однако, побѣдному шествію императорскихъ войскъ, часть которыхъ должна была изъ Венгріи отправиться на Рейнъ противъ французовъ. Баденскій маркграфъ успѣлъ еще одержать знаменитую побѣду надъ турками при Цалонкеменѣ, но затѣмъ въ его отсутствіи война тянулась вяло и австрійцы съ трудомъ удерживали напоръ турокъ. Цѣлый годъ вели съ ними безрезультатную войну, пока наконецъ главное начальство надъ войсками не принялъ Савойскій принцъ Евгеній. Близъ Зенты онъ далъ блистательное сраженіе, въ которомъ было уничтожено почти все оттоманское войско; остатки его спаслись бѣгствомъ.

До этого времени представители Англіи и Голландіи тщетно предлагали въ Константинополѣ свое посредничество, но теперь оно было принято. Переговоры протянулись еще съ мѣсяцъ и предварительныя условія мира бы-

ли, наконецъ, подписаны въ Софіи. Порта настаивала на независимости Семиградіи и сдачи занятыхъ земель въ Босніи и Молдавіи; но въ Вѣнѣ энергично отстаивали занятыя позиціи, тѣмъ болѣе, что въ это время рисвикскій миръ положилъ конецъ войнѣ съ Франціей и явилась возможность усилить войска въ Венгріи. 13 ноября 1698 года состоялись окончательные переговоры въ Карловицѣ, которые привели „волею Божіею“, какъ говорится въ трактатѣ, къ заключенію мира 26 января 1699 года.

Результаты для Австріи были блистательные: она пріобрѣла Семиградію, Тейса до впаденія ея въ Дунай составляла границу, отсюда шла линія, перерѣзывавшая Спрмію до Савы, затѣмъ, вдоль по этой рѣкѣ, до устья Унны, которая и служила окончательнымъ рубежемъ. Темешваръ остался, однако, за Портою, но земли, лежащія на западъ отъ Тейсы въ Венгріи и Славоніи, перешли къ Австріи.

Двадцать лѣтъ спустя, благодаря воинскимъ талантамъ Евгенія Савойскаго, австрійская монархія значительно расширилась въ юго–восточномъ направленіи. При заключеніи карловицкаго мира Венеція, какъ союзница Австріи, выговорила въ свою пользу Морею, Коринѳскій перешеекъ, въ Архипѣлагѣ Эгину, въ Іоническомъ морѣ Санта-Мора а также цѣлую полосу земли между Керкой и Нарентой и горный хребетъ, отдѣляющій Далмацію отъ Босніи. За Портой осталась лишь незначительная полоса, соединяющая ея владѣнія съ Рагузой. Чтобы отвоевать Морею, турки снова взялись за оружіе и 9 декабря 1714 года послѣдовало объявленіе ими войны. Мусульманскія полчища двинулись чрезъ Адріанополь, Сересъ, Салонику и Лариссу; Морея была раздавлена, Коринѳъ сдался, палъ и Наполи-ди-Романо. Венеція не была приготовлена къ войнѣ, ея оборонительныя средства находились въ самомъ жалкомъ состояніи, только въ Мальвазіи, да въ нѣсколькихъ укрѣпленныхъ пунктахъ

Кандіи удержались венеціанцы. Черигo перешелъ въ руки турокъ, которые направили тогда всѣ свои силы противъ Іоническихъ острововъ и венеціанской Далмаціи.

Извѣстіе о войнѣ Турціи съ Венеціей пришло въ Вѣну очень не кстати; еще за годъ до того, слухи о большихъ приготовленіяхъ Порты достигли столицы Австріи и стало извѣстнымъ, что Морея была намѣченною цѣлью. Со времени заключенія мира между Россіей и Портой и удаленія Карла XII на берега Босфора, венеціанскій посолъ въ Вѣнѣ сталъ получать подробныя свѣдѣнія о военномъ настроеніи, возникшемъ въ Константинополѣ; побѣда надъ Петромъ подняла духъ турокъ. Въ своихъ разговорахъ съ австрійскими министрами представитель Венеціи указывалъ на опасность, грозившую со стороны Турціи; онъ усиленно просилъ заявить великому визирю чрезъ австрійскаго посланника въ Константинополѣ, что Австрія твердо держится всѣхъ постановленій Карловицкаго мира и не потерпитъ нарушенія его относительно Венеціи. Въ Вѣнѣ были готовы удовлетворить требованія посла на томъ основаніи, что по дошедшимъ слухамъ турецкія войска собирались и на австрійскихъ границахъ; но тутъ явились новыя усложненія.

Когда турки двинулись къ венеціанскимъ владѣніямъ, на западѣ война за испанское наслѣдство хотя и приходила къ концу, но все-же нельзя было разсчитывать на продолжительное спокойствіе, потому что Людовикъ XIV могъ снова возбудить войну, если бы австрійскія силы были заняты на востокѣ. Въ виду начала Турціей военныхъ дѣйствій, венеціанскій посолъ Гримани неустанно убѣждалъ Австрію къ быстрому нападенію, но его успокаивали одними обѣщаніями, что всѣ договорныя статьи будутъ сохранены.

„Подобныя серьезныя дѣла требуютъ времени, отвѣчалъ императоръ на аудіенціи послу, и тотъ же отвѣтъ

былъ данъ папскому нунцію, имѣвшему изъ Рима порученіе возбудить въ кесарѣ ревность къ вѣрѣ. Впрочемъ, хотя при вѣнскомъ дворѣ Траутсонъ и Евгеній Савойскій стояли за энергическое наступленіе на турокъ, но разстроенные финансы Австріи препятствовали этому.

Однако въ февралѣ 1715 года принцъ Евгеній получилъ отъ императора порученіе выработать планъ кампаніи для 80 т. арміи, при чемъ государственная казна отпускала только шесть милліоновъ гульденовъ, но по совѣту графа Зинцендорфа предполагалось привлечь Россію и Польшу къ священному союзу на защиту договоровъ.

Надежды на содѣйствіе этихъ державъ оказались, однако, напрасными, такъ какъ Карлъ XII отвлекъ силы ихъ на сѣверъ. Кромѣ того, въ Вѣнѣ преобладало опасеніе, чтобы въ случаѣ войны съ Турціей, Испанія при помощи Франціи не затѣяла чего-либо противъ только что пріобрѣтенныхъ Австріею итальянскихъ земель и благоразумные совѣтники короны были того мнѣнія, что Имперія не въ состояніи одновременно воевать съ Испаніей и Турціей, а потому слѣдовало прежде или договориться съ герцогомъ Анжуйскимъ, или обезпечить себя въ Италіи англійскимъ флотомъ. Но Англія противилась миру съ Испаніей и настоятельно совѣтовала Австріи отложить на годъ войну съ Турціей.

Переговоры о заключеніи оборонительнаго и наступательнаго союза съ Венеціей затянулись; несговорчивость венеціанцевъ по вопросу о передвиженіи австрійскихъ войскъ чрезъ венеціанскія владѣнія едва не разстроили союза; наконецъ, послѣ долгихъ совѣщаній, 13 апрѣля состоялся договоръ съ Венеціей и папа съ своей стороны уступилъ императору на три года десятую часть всѣхъ доходовъ съ духовныхъ имѣній, находящихся въ имперскихъ земляхъ, а имперію освободилъ на пятьдесятъ мѣсяцевъ отъ лепты святаго Петра.

Австрійцы выступили въ походъ и сраженія, данныя Евгеніемъ подъ Петервардейномъ и Бѣлградомъ были убійственны для османлисовъ; они запросили мира.

Морскія державы Англія и Голландія снова взяли посредничество въ свои руки и хотя въ Вѣнѣ были расположены вести переговоры безъ посторонняго вмѣшательства, противъ котораго особенно высказывался Евгеній, но все-же сочтено было благоразумнымъ принять его, такъ какъ и прежде держались той же системы. Въ виду имѣлся разрывъ съ Испаніей, которая, пользуясь замѣшательствомъ востока, готовилась привести въ исполненіе свои виды на австрійскія владѣнія въ Италіи, а потому приходилось относиться къ предложеніямъ Англіи внимательно.

Въ Пасаровицахъ открыты были 5 іюня 1718 года переговоры. Представители Австріи требовали уступки Сербіи съ Нишемъ и Виддиномъ, Молдавіи и Валахіи, такъ какъ со стороны жителей этихъ областей было прошеніе о полномъ освобожденіи отъ турецкаго владычества и императоръ успокоилъ ихъ увѣреніями въ этомъ смыслѣ. Въ Босніи требовалась рѣка Уннъ съ Бихацемъ.

Порта нашла такія требованія непомѣрными и возобновленіе военныхъ дѣйствій казалось неизбѣжнымъ; но опасенія западно-европейскихъ усложненій заставили Австрію уменьшить свои требованія. Испанія готовилась напасть на Сицилію и жадная политика Альберони спасла мусульманъ. 21 іюня 1718 года миръ былъ подписанъ, Австрія получила такъ называемую малую Валахію между Алутой и Дунаемъ, остальная часть этой области, также какъ и Молдавія, остались подъ властью турокъ.

Чрезъ нѣсколько дней состоялся торговый трактатъ, къ заключенію котораго было приложено особое попеченіе изъ опасенія, чтобы въ этомъ вопросѣ Англія не сдѣлалась помѣхой. Трактатъ обезпечивалъ интересы австрійской торговли и предоставлялъ свободное плаваніе по Ду-

наю, но устья его остались запертыми для австрійскихъ судовъ и выходъ въ Черное море былъ воспрещенъ.

Хотя пасаровицкій миръ доставилъ Австріи рѣшающій голосъ на Балканахъ и дальнѣйшее поступательное движеніе ея составляло лишь вопросъ времени, но онъ убилъ упованія балканскихъ народностей на Австрію; до этого времени взоры христіанскихъ населеній полуострова были устремлены на Вѣну, откуда чаяли спасенія; разсчеты министровъ Леопольда, имѣвшихъ конечною цѣлью Константинополь также сбивали впослѣдствіи съ толку многихъ государственныхъ людей Австріи.

Со времени этихъ событій габсбурская политика значительно измѣнила свои виды и обратила свое вниманіе на западъ, гдѣ имперскія владѣнія требовали присутствія легіоновъ Дуная; для Австріи какъ бы воскресли времена всесвѣтнаго воителя Карла V, орлы котораго летали отъ Атлантики до Дуная.

Но въ это самое время на сѣверѣ росло и развивалось государство, которому суждено было стать соперникомъ Австріи во всѣхъ славянскихъ вопросахъ. Многозначительное роковое положеніе Дунайскихъ княжествъ на рубежѣ запада съ востокомъ стало первымъ яблокомъ раздора между двумя могущественными сосѣдями.

Еще при заключеніи союза императора Леопольда съ королемъ Польши Іоанномъ Собіескимъ, шла рѣчь о привлеченіи къ участію Россіи; а когда венеціанская республика въ 1684 году устраивала союзъ противъ Турціи, то снова обратились къ этой мысли. Цесарское посольство появилось въ Москвѣ въ маѣ того же года, убѣждая царя завоевать „правую руку султана—Крымъ“. Это желаніе Австріи было сто лѣтъ спустя удовлетворено Екатериною. Собіескій писалъ, что наступилъ часъ изгнать турокъ изъ Европы, а два года спустя, Россія входила въ соглашеніе съ Польшей для нападенія на Крымъ, но оба похода, сна-

ряженные на завоеваніе полуострова, были неудачны. Военные сборы тянулись нѣсколько лѣтъ, изъ Вѣны настаивали на всеобщемъ ополченіи противъ варваровъ, но много протекло времени, прежде чѣмъ Россія рѣшилась на это. Русскій походъ 1695 года затянулся и только въ слѣдующемъ году посчастливилось царю взять Азовъ и стать твердою ногою при Черномъ морѣ.

Не въ одной Россіи торжествовали это событіе; въ Голландіи и Италіи оно вызвало необыкновенное сочувствіе, въ Польшѣ радость была чрезвычайна, въ самой Вѣнѣ іезуитъ Вольфъ проповѣдывалъ о предназначеніи великаго Петра: „будемъ уповать,—говорилъ онъ—что Богъ дастъ царю, носителю имени святаго апостола Петра, ключи къ открытію дверей въ царство невѣрныхъ“.

Напрасно, однако, русскій царь старался помѣшать мирнымъ переговорамъ съ Турціею; Англія и Голландія, взявшіяся за умиротвореніе востока и смущавшія Австрію призракомъ войны съ Испаніей, остановили борьбу и Россія, послѣ неудачныхъ попытокъ воспрепятствовать миру, увидѣла себя принужденною принять участіе въ Карловицкомъ договорѣ, согласиться на тридцатилѣтнее замиреніе и удовольствоваться пріобрѣтеніемъ Азова.

Со времени участія Россіи въ войнѣ противъ Турціи, но еще болѣе съ начала русско-шведскаго соперничества, Австрія обратила особенное вниманіе на сѣверное государство, тѣмъ болѣе, что близость войны въ Польшѣ могла привести ее къ необходимости принять въ ней прямое или косвенное участіе, и это опасеніе увеличилось, когда Порта какъ бы выказала готовность вмѣшаться въ борьбу Карла XII съ Петромъ.

Въ теченіи первыхъ двадцати лѣтъ прошлаго столѣтія у государственныхъ людей Австріи часто приходила мысль о заключеніи союза съ царемъ; они придавали большую цѣну юному государству, вступавшему въ европейскій кон-

цертъ и старались стать съ нимъ въ хорошія отношенія, чтобы имѣть опору въ случаѣ войны съ Турціей или замѣшательствъ въ Венгерскихъ областяхъ, гдѣ турецкія симпатіи еще были живы. Но различныя предложенія Петра Вѣнскому двору объ заключеніи договоровъ были отклоняемы и только послѣ его смерти эта мысль получила примѣненіе, такъ какъ для Имперіи нужно было участіе Россіи въ ея трактатѣ съ Испаніей.

Шестаго Августа 1726 года Россія присоединилась къ австро-испанскому трактату отъ 30 Апрѣля 1725 года, въ которомъ торжественно признавались права женской линіи на австрійскій престолъ, а Австрія приняла на себя гарантію европейскихъ владѣній Россіи. Секретнымъ пунктомъ договаривавшіяся стороны взаимно обязывались въ случаѣ войны выставить помощь въ размѣрѣ 30.000 чел., въ томъ числѣ 10.000 кавалеріи.

Императоръ давалъ эту помощь въ случаѣ, ежели Порта нарушитъ недавно заключенный мирный договоръ и европейскимъ владѣніямъ Россіи будетъ угрожать опасность.

Съ этой поры союзу съ Россіей стали придавать значеніе; съ большими подробностями упоминалось въ протоколахъ конференцъ-совѣта о внутреннемъ состояніи сѣверной державы, дѣлались критическія оцѣнки вліятельныхъ лицъ, назначались средства на пріобрѣтеніе ихъ расположенія и не упускались изъ виду семейныя отношенія царствующей фамиліи. Вліятельнымъ личностямъ, въ родѣ, напримѣръ, Долгорукова, жаловали титулъ князя имперіи, посылали портретъ императора. Посланникамъ поручали вступать въ переговоры съ царскимъ семействомъ о заключеніи брачныхъ союзовъ или давать благоразумные совѣты. Старались избѣгать всего, что могло вызвать нерасположеніе къ Австріи, всего, что могло оскорбить тщеславіе министра или фаворита. Бывали случаи, когда представители цесаря чувствовали себя обиженными рѣзкими поступ-

ками лицъ, близкихъ ко двору, но имъ не давали этого чувствовать, памятуя, что имѣютъ дѣло съ варварами.(*)

Большіе военные успѣхи турокъ въ Персіи вызвали въ Петербургѣ тревогу и, по мнѣнію русскихъ министровъ, слѣдовало употребить всѣ средства, чтобы воспрепятствовать покоренію Персіи. Событіе это казалось возможнымъ и потому рѣшено было просить содѣйствія Австріи для начатія войны.

Въ ноябрѣ 1731 года прибылъ въ Вѣну графъ Левенвольдъ и 2 Декабря состоялось по этому дѣлу засѣданіе, на которомъ участвовалъ русскій посланникъ при вѣнскомъ дворѣ Лещинскій.

Русскіе уполномоченные желали прежде всего выяснить, на какую помощь можно расчитывать отъ Австріи; петербургскій кабинетъ заявлялъ, что имъ будутъ употреблены всѣ усилія для спасенія Персіи отъ гибели, не прибѣгая къ открытому разрыву съ Портой; что хотя до сего дня Россія оставляла безъ послѣдствій многія нарушенія договора со стороны турокъ, но это дѣлалось для того, чтобы при европейскихъ усложненіяхъ быть готовою во всякое время оказать дѣйствительную помощь императору. Болѣе, однако, терпѣть оказывается невозможнымъ, такъ какъ русскій союзъ сдѣлался-бы для Австріи вовсе безполезнымъ, если-бы Персія была окончательно порабощена Турціей.

По смыслу австро-русскаго соглашенія, Австрія должна

(*) При предстоявшей въ Москвѣ коронаціи царицы Анны возбужденъ былъ вопросъ, долженъ-ли представитель Австріи присутствовать на торжествѣ, такъ какъ царица принимала титулъ императрицы и присутствіе Вратислава, бывшаго тогда посломъ при русскомъ дворѣ, могло быть истолковано, какъ бы признаніе Австріи за Анною не принадлежащаго ей титула. По мнѣнію конференцъ-совѣта, императоръ не могъ допустить этого безъ униженія собственнаго достоинства, но затѣмъ пришли къ заключенію, что присутствіе на церемоніи не составляетъ оффиціальнаго признанія; Императоръ согласился съ этимъ доводомъ, но высказалъ желаніе, чтобы Вратиславъ, ежели это возможно, не былъ на церемоніи подъ предлогомъ подагры.

была оказывать поддержку Россіи лишь въ случаѣ войны ея въ Европѣ и съ конца 1726 года всѣ старанія вѣнскаго кабинета были направлены на то чтобы взаимное обязательство обоихъ государствъ было точно опредѣлено и введено въ возможно тѣсныя рамки, тогда какъ желанія русскаго кабинета стремились втянуть Австрію въ дальнѣйшую общую политическую дѣятельность.

Австрійскіе политики были далеки отъ желанія заключать новыя обязательства прежде, нежели вопросъ о наслѣдствѣ престола будетъ порѣшенъ съ нѣкоторыми дворами; поэтому, отклоняя войну съ Турціей, они хотѣли лишь такъ согласить обстоятельства, чтобы вопросы христіанства шли неразрывно съ интересами монархіи. Но осторожность совѣтовала дать русскому послу удовлетворительный отвѣтъ. Турція часто могла имѣть враждебныя намѣренія противъ христіанства и если она бы замыслила что-либо противъ Россіи, то невѣроятно, чтобы война ограничилась одной Азіей. Австрійскій кабинетъ къ тому же смотрѣлъ на вопросы, возникавшіе на востокѣ, не исключительно съ точки зрѣнія своихъ интересовъ на западѣ, но включалъ и Азію въ кругъ своихъ соображеній, поэтому послу было опредѣлительно высказано, что для всего христіанства, а въ особенности для Австріи и Россіи нежелательно, чтобы Турція завоевала всю Персію, что поэтому не только нельзя спокойно выжидать событій, но слѣдуетъ имъ противудѣйствовать и идти на встрѣчу.

Въ 1734 году въ Россіи предвидѣли войну съ Турціей; въ это время шла война за польское престолонаслѣдіе и войска Австріи и Россіи дѣйствовали сообща противъ Франціи для низверженія Лещинскаго. Петербургскій кабинетъ настаивалъ на немедленномъ объявленіи войны султану, не смотря на увѣщанія Австріи. Когда же 18 Мая 1735 года со стороны Турціи послѣдовало объявленіе войны Россіи, имперскія войска направлялись на Рейнъ и въ

Италію противъ коалиціи и Австрія не въ состояніи была исполнить свое обязательство и двинуть одновременно свои силы также противъ Порты, какъ это было условлено въ договорѣ 1726 года *). Съ полнымъ основаніемъ высказывали въ Вѣнѣ жалобы, что Россія въ неудобный моментъ вызвала войну съ Портой, не условившись о томъ съ Австріей. Затѣмъ, хотя 3 Октября 1735 года и были подписаны въ Вѣнѣ предварительныя статьи мира, которымъ заканчивалась война за польскій престолъ, но австрійцы не могли идти на турокъ, такъ какъ Австріи приходилось быть наготовѣ противъ Франціи и ея соперниковъ до окончательнаго заключенія мира, изъ опасенія дать противникамъ возможность увеличить свои требованія, еслибы они увидѣли, что имперія ввязалась въ войну снова, да и финансы государства находились къ тому времени въ полномъ истощеніи. Съ другой стороны, однако, было принято во вниманіе то, что Россія могла безъ участія Австріи остаться побѣдительницею и завладѣть Молдавіею и Валахіею; это грозило новою опасностью имперіи, тѣмъ болѣе, что къ Вѣнѣ знали о соглашеніи, состоявшемся еще при Петрѣ съ южными славянами, съ цѣлью привлеченія ихъ симпатій на сторону Россіи.

Со стороны Австріи сдѣлана была попытка предложить вооруженное посредничество, но эта надежда не осуществилась; поэтому въ Вѣнѣ немедленно озаботились принять участіе въ войнѣ; къ этому побуждало не только опасеніе лишиться единственнаго союзника, котораго имѣла въ то время Австрія, но и надежда на расширеніе владѣній на югъ отъ Савы и по Адріатическому побережью до Дульциньо. Это вознаградило бы Австрію за потери, понесенныя ею въ Италіи и доставило бы выгодное положеніе на случай войны съ Неаполемъ. Слѣдуетъ прибавить,

*) Мысли высказываются съ точки зрѣнія австрійской дипломатіи.

что разсчеты на пріобрѣтеніе Молдавіи и Валахіи также входили въ соображеніе вѣнскаго кабинета: изъ проэкта, составленнаго австрійскимъ посланникомъ въ Августѣ 1736 года видно, что въ Вѣнѣ имѣли въ виду Боснію и Албанію до устьевъ Дрины, Валахію до Браилова и Молдавію до рѣки Прута.

Широкіе замыслы союзниковъ выяснились на конгресѣ въ Немировѣ; 16 Августа происходилъ обмѣнъ первыхъ объясненій, причемъ со стороны Австріи находились Тальманъ и Остейнъ, а съ русской Шафировъ, Нефедевъ и Волынскій. Россія требовала уничтоженія всѣхъ прежде заключенныхъ договоровъ съ Портою и составленія новаго трактата, уступки ей Крыма и Кубани, признанія Молдавіи и Валахіи независимыми княжествами подъ покровительствомъ Россіи и свободнаго плаванія по Черному морю, Босфору и Геллеспонту.

Австрія же со своей стороны настаивала на расширеніи своихъ границъ въ Молдавіи и Валахіи до Дубовицы, въ Сербіи до Ломбы съ Виддиномъ включительно, наконецъ Бихака и Нови въ Босніи.

Сопоставленіе желаній Россіи и Австріи въ первый разъ рѣзко выказало соперничество двухъ державъ; обѣ онѣ ополчились противъ врага христіанства прежде, нежели договорились о своихъ взаимныхъ интересахъ; тутъ явно обнаружилась ихъ несовмѣстимость и русскіе уполномоченные протестовали противъ желанія Австріи расшириться до Дубовицы. Турки рѣшительно отвергли подобныя требованія и французскій посланникъ принялъ сторону Порты, совѣтуя ей лучше рѣшиться на борьбу до крайности, нежели исполнить требованія Россіи, открывавшія ей путь къ Константинополю. Франція видѣла опасность въ предоставленіи Россіи свободы плаванія въ Черномъ морѣ, предчувствуя себѣ новаго соперника въ Средиземномъ морѣ. По совѣту

Виленева Порта на мѣсяцъ затянула переговоры и затѣмъ внезапно прервала ихъ, возобновивъ войну въ Октябрѣ.

Состоявшимся за тѣмъ бѣлградскимъ миромъ всѣ выгоды, пріобрѣтенныя мечемъ Савойскаго принца по Пасаровицкому трактату, были утрачены. Страхъ предъ заклятымъ врагомъ Австріи Фридрихомъ II былъ новымъ поводомъ желать окончанія войны, которая въ союзѣ съ Россіей принесла Австріи только неудачи. Въ Вѣнѣ согласились на всѣ уступки, и даже спустя десять лѣтъ Кауницъ былъ совершенно правъ, называя Пруссію и Турцію самыми опасными и рѣшительными врагами Габсбургско-Лотарингскаго дома.

„Политика Порты, говорилъ онъ, не поддается никакимъ разсчетамъ; не государственныя соображенія руководятъ ея дѣйствіями, но случай; съ Турціи не слѣдуетъ спускать глазъ, всегда быть на готовѣ и не давать ей ни малѣйшаго повода къ нарушенію мира“.

До столкновенія съ Фридрихомъ II политика имперіи стремилась къ расширенію австрійскихъ границъ на юго-востокъ по направленію къ Дунаю, но всѣ эти соображенія отошли на задній планъ, когда въ ближайшемъ сосѣдствѣ Пруссія явилась опаснѣйшимъ противникомъ имперіи кесарей; соперничество съ нею въ теченіи десяти лѣтъ стояло на первомъ планѣ и всѣ другіе интересы Австріи стушевывались предъ необходимостью отстаивать свое существованіе.

Ежели прежніе года въ Вѣнѣ старались поддерживать хорошія отношенія къ Россіи, то со времени войны съ Фридрихомъ дружба ея пріобрѣла громадное значеніе; необходимость дружбы съ сѣверною державою сдѣлалась аксіомой австрійской политики. Однако только съ 1746 года удалось заключить договоръ, который до смерти Елисаветы приковывалъ Россію къ Австріи. Важнѣйшіе вопросы были обусловлены въ секретныхъ статьяхъ; одинъ изъ нихъ касался

Порты и содержалъ обязательство, въ случаѣ столкновенія съ нею, къ взаимной помощи державъ, другой былъ направленъ противъ Пруссіи и гарантировалъ Австріи помощь Россіи въ случаѣ нападеній Фридриха II.

До самой кончины Елисаветы прилагались вѣнскимъ дворомъ особыя старанія къ сохраненію добрыхъ отношеній къ Россіи; въ политическихъ кружкахъ царствовало убѣжденіе, что Фридрихъ II только ждалъ случая вновь напасть на Австрію и тѣмъ выше цѣнилась дружба Россіи. Неустанно старались вселить въ русскихъ министрахъ убѣжденіе, какъ важно для обоихъ государствъ униженіе могущества Пруссіи; доказывали, что политическія стремленія относительно Польши и Турціи тогда только увѣнчаются успѣхомъ, когда выдающееся положеніе Фридриха II будетъ подорвано; когда въ Петербургѣ заговаривали о войнѣ съ Турціей, то въ Вѣнѣ старались отсрочить этотъ планъ до болѣе благопріятнаго времени.

Разрывъ этого союза Петромъ III глубоко поразилъ Австрію и восшествіе на престолъ Екатерины II было привѣтствовано величайшею радостью, такъ какъ отъ новой правительницы ожидали поворота политики на прежній путь. Еще въ 1755 году въ Вѣнѣ понимали значеніе Цербской принцессы и, пользуясь ея денежными затрудненіями, старались пріобрѣсти на нее вліяніе, при чемъ выказались высокія душевныя свойства великой княгини. Извѣстно, однако, что и теперь надежды Австріи не вполнѣ оправдались; Екатерина, принимая во вниманіе внутреннее состояніе Россіи, отозвала войска, посланныя ея супругомъ въ распоряженіе Фридриха II, но не обратила ихъ на помощь Австріи.

Прекращеніе прежнихъ отношеній къ Россіи тяжело отозвалось на Австріи; Фридрихъ II съ величайшимъ искуствомъ провелъ договоръ между Берлиномъ и Петербургомъ и съ первыхъ же дней политическое значеніе его отоз-

Ген. Гос. Ун-т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

валось въ Вѣнѣ: на польскій престолъ посаженъ былъ король по выбору Екатерины, а изъ польскихъ смутъ возникла турецкая война.

Въ первыя минуты полученія въ Вѣнѣ извѣстія о началѣ войны, у канцлера возникла мысль извлечь изъ этого нѣкоторыя выгоды. „Кажется, пришло время“, писалъ къ Мерси князь Кауницъ въ Ноябрѣ 1768 года „показать свѣту, что значитъ искусная политическая комбинація“ и нѣсколько недѣль спустя представилъ императору проэктъ, въ превосходствѣ котораго былъ вполнѣ убѣжденъ. Комбинація эта заключалась въ слѣдующемъ: „постоянное соперничество Франціи съ Австріей слѣдовало превратить въ грозную коалицію противъ глубоко-ненавидимыхъ сосѣдей; при содѣйствіи Порты Австрія должна была возвратить себя Силезію, предоставивъ Пруссіи въ вознагражденіе Курляндію и восточную Пруссію“. Планъ этотъ, однако, вслѣдствіе критическихъ замѣчаній императора Іосифа, остался безъ послѣдствій.

Еще до войны Россіи съ Турціей Кауницъ предвидѣлъ ее вслѣдствіе грознаго положенія русскихъ въ польской столицѣ и у него возникла надежда на измѣненіе политики петербургскаго кабинета въ томъ разсчетѣ, что на берегахъ Невы пожелаютъ извлечь выгоды изъ соглашенія съ Австріей. Онъ еще болѣе утвердился въ своихъ предположеніяхъ, когда русскій посланникъ князь Голицынъ сдѣлалъ ему оффиціальный запросъ: считаетъ ли себя Австрія связанною договоромъ 1726 года относительно общаго дѣйствія противъ Турціи? Кауницъ почти навѣрное разсчитывалъ на неудачи русскаго оружія и сообразно съ этимъ далъ отрицательный отвѣтъ. Такимъ образомъ война началась безъ сближенія между обоими дворами, но Екатерина, благодаря союзу съ Пруссіей, чувствовала себя достаточно обезпеченною отъ австрійскаго нападенія и ей удалось приковать побѣду къ своимъ знаменамъ; благодаря неловъ-

кому шагу Кауница, сильное положеніе сѣверной державы на востокѣ и въ Польшѣ укрѣпилось на долго.

Дѣйствительно, война приняла на нижнемъ Дунаѣ такой оборотъ, какого не ожидали ни въ Берлинѣ, ни въ Вѣнѣ: Хотинъ взятъ былъ русскими войсками осенью 1768 года и послѣдовало занятіе Молдавіи, въ Яссахъ превозносили имя царицы. Со времени Пасаровицкаго мира христіанскіе народы полуострова убѣдились, что всѣ ихъ надежды на Австрію, какъ освободительницу отъ турецкаго ига, будутъ напрасны и они возложили свои упованія на Россію; теперь они осуществлялись. Духовенство Валахіи молилось въ церквахъ о пришествіи русскихъ войскъ. У Екатерины создался планъ освободить православное населеніе изъ подъ власти полумѣсяца. Лѣтомъ 1769 года Морея отправила въ Петербургъ депутатовъ умолять царицу о помощи. Въ Февралѣ 1770 года въ греческихъ водахъ появился флотъ подъ начальствомъ Алексѣя Орлова; на Дунаѣ русскія войска одерживали значительные успѣхи; турецкій флотъ у острова Хіоса былъ разбитъ и окончательно сожженъ въ Чесменской бухтѣ, куда укрылся; Румянцовъ разбилъ подъ Ларгой войска крымскаго хана и затѣмъ подъ Кагуломъ уничтожилъ армію великаго визиря.

Австрія была сильно встревожена этими событіями; въ Польшѣ Россія въ союзѣ съ Пруссіей распоряжалась самовластно и прежнее вліяніе имперіи кесарей было окончательно утрачено. Екатерина пожинала плоды своего союза съ берлинскимъ дворомъ; взаимное враждебное настроеніе обоихъ нѣмецкихъ государствъ доставило Россіи преобладающую роль въ Варшавѣ. Впрочемъ успѣхи русскихъ на востокѣ мало тревожили Фридриха II; въ противоположность Австріи, они не касались жизненныхъ интересовъ Пруссіи.

Тѣмъ живѣе чувствовалъ австрійскій министръ желаніе какимъ нибудь ловкимъ маневромъ задержать успѣхи Россіи

въ этомъ представлялась крайняя необходимость, такъ какъ искреннее согласіе Фридриха II съ Екатериной было для Австріи чрезвычайно стѣснительно. Одно время Кауницъ полагалъ, что союзъ съ Франціей есть единственное средство избавить имперію отъ всѣхъ случайностей, но оказалось, что и этотъ путь не достигаетъ цѣли. Чтобы не оставить Екатерину полновластною распорядительницею на Дунаѣ, представлялись два средства: соглашеніе съ Россіей или энергическая война, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ надо было имѣть ручательство, что Пруссія будетъ сохранять строжайшій нейтралитетъ. Взглядъ Австріи на Турцію измѣнился: со времени семилѣтней войны Порта, въ противность своихъ выгодъ и представлявшихся случаевъ, ни разу не вышла изъ своего апатичнаго состоянія и въ Вѣнѣ начали считать ея сосѣдство вовсе не опаснымъ; мало того, пришли къ убѣжденію, что она можетъ быть полезною для австрійскихъ интересовъ. Примѣрами служили какъ Франція, которая, благодаря своимъ дружескимъ отношеніямъ къ Портѣ, успѣла настроить ее противъ Австріи, такъ и Фридрихъ II, пытавшійся во время третьей силезской войны заключить союзъ съ оттоманами.

Восточная политика этого времени носила, такъ сказать, отрицательный характеръ: слѣдовало препятствовать Россіи укрѣпиться на Дунаѣ, но не предлагалось способовъ, усилить на востокѣ вліяніе Австріи; путеводною мыслью имперской политики оставался западъ, гдѣ Австрія желала возвратить понесенныя утраты и стремилась подрѣзать силу Пруссіи.

Достойно вниманія, что въ Петербургѣ замѣтили это настроеніе и вслѣдствіе того, готовы были вступить въ соглашеніе съ Вѣной; безъ сомнѣнія, Екатериной были намѣчены дунайскія княжества, которымъ Австрія придавала гораздо большее значеніе, нежели полвѣка спустя; но Кауницъ держался мнѣнія, что миръ между Россіей и Портой на условіяхъ самостоятельности Молдавіи и Валахіи и сво-

боды крымскихъ татаръ составитъ слишкомъ крупный переворотъ и поведетъ за собою опасное измѣненіе равновѣсія.

Этимъ событіямъ канцлеръ хотѣлъ помѣшать во что бы то ни стало и пытался достигнуть цѣли, добившись даже соглашенія съ Пруссіей; въ Нейштадтѣ онъ краснорѣчиво доказывалъ Фридриху необходимость устройства равновѣсія на востокѣ. Порту убѣдили продолжать сопротивленіе, обнадеживая ее поддержкой. Довѣрчивую Марію Терезію онъ упросилъ заключить союзъ съ невѣрными. Кауницъ доказывалъ, что Порта, видя намѣренія Екатерины разрушить турецкую имперію, съ отчаянія отвергнетъ всѣ предложенія и рѣшится погибнуть или сломить врага; что, слѣдовательно, нужно воспрепятствовать катастрофѣ. Получивъ отъ своего талантливаго ученика Тугута изъ Константинополя извѣстіе, что 6 Іюля 1771 года подписанъ союзный договоръ, Кауницъ былъ въ восторгѣ; этимъ договоромъ Австрія обязывалась содѣйствовать Портѣ къ заключенію выгоднаго мира съ Россіей и въ награду ей была обѣщана часть Валахіи до Алуты.

Но всѣ розовыя надежды австрійскаго министра на легкое пріобрѣтеніе выгодъ разлетѣлись въ прахъ, когда вполнѣ выяснилось, что предстояло вести войну не только съ Россіей, но одновременно и съ Пруссіей; русскому кабинету удалось перетянуть на свою сторону Фридриха на случай, если бы пришлось обнажить мечь противъ Австріи и канцлеръ еще разъ убѣдился, что ему не удастся сломить пруско-русскій союзъ.

Отношенія къ Россіи грозили разразиться кризисомъ, но столкновеніе было отклонено первымъ раздѣломъ Польши. Чтобы убѣдить Австрію принять участіе въ раздѣлѣ, ей указали на необходимость увеличить свое населеніе и пространство для поддержанія равновѣсія между тремя сосѣдними державами. Взоры вѣнскаго кабинета охотнѣе об-

ращались къ Сербіи, Босніи, Македоніи и Албаніи, но ими можно было воспользоваться лишь на счетъ Турціи. Тутъ же выдвинули надежду на возвратъ Силезіи, о чемъ болѣе всего мечталъ Іосифъ; на второмъ планѣ для него былъ Бѣлградъ съ частью Босніи до залива Дрины, а затѣмъ уже тѣ части турецкой имперіи, которыя имѣлись въ виду при началѣ послѣдней войны съ Турціей при Карлѣ VI.

Всѣ эти пріобрѣтенія мелькали въ перспективѣ послѣ раздѣла Польши, при которомъ, однако, Россія получила львиную долю: она не только увеличила свои владѣнія землями, отошедшими отъ Польши, но и по мирному договору съ Турціей закрѣпила за собой Азовъ, Кинбурнъ, Керчь и Еникале. Дальнѣйшимъ завоевательнымъ планамъ Екатерины представлялось открытое поле въ Крыму, который былъ освобожденъ отъ зависимости Порты. Этимъ договоромъ воспользовалась между прочимъ и Австрія, выставя себя покровительницею Турціи и выговоривъ у нея себѣ Буковину, которая связала имперскія владѣнія съ новоприобрѣтенными Галиціей и Семиградіей.

Кучукъ-Кайнарджскій миръ не только доставилъ Россіи все, чего она желала, но еще повелъ за собою тѣ важныя послѣдствія, которыя были намѣчены Петербургскимъ кабинетомъ. Всякій, кто слѣдилъ за развитіемъ русско-турецкаго столкновенія, могъ придти къ заключенію, что оно должно быть гибельно для Турціи, составляя какъ бы начало ея конца. Босфорская политика наводила на грустныя размышленія о послѣдствіяхъ успѣховъ Россіи; всѣ видѣли, что Порта потрясена до основанія.

Тугутъ, ловкій австрійскій уполномоченный, который въ эти года впервые примѣнялъ свои дипломатическія способности, сомнѣвался въ возможности спасти Порту.—Кто помѣшаетъ Россіи—писалъ онъ въ своемъ донесеніи „владѣя Кинбурномъ, Еникале, Азовомъ, Таганрогомъ и прекрасной Керченской гаванью, выстроитъ тамъ себѣ флотъ,

который при первомъ сигналѣ изъ Петербурга въ 24 часа появится подъ стѣнами Константинополя? За этимъ, конечно, послѣдуетъ всеобщее возстаніе схизматическихъ грековъ и султану останется только спасаться бѣгствомъ въ Азію. Тронъ восточной имперіи достанется въ наиболѣе ловкія руки; Архипелагъ, берега Азіи, вся Греція и области до Адріатическаго моря подпадутъ подъ власть Россіи".

Эту темную картину будущности Тугутъ окрашивалъ патріотическимъ замѣчаніемъ, что Россія не пойдетъ далѣе Дуная и Днѣстра, потому что при предстоящемъ раздѣлѣ Турціи Боснія, Сербія, Молдавія съ Валахіей достанутся Австріи, такъ такъ эти области не представляютъ никакого интереса для новой Россійско-Восточной Имперіи.

Въ чемъ же, однако, заключались наибольшія выгоды Россіи? Она обогнала Австрію въ ея вліяніи на востокѣ: отнынѣ только изъ Петербурга стали христіанскія населенія ожидать улучшенія своей несчастной доли. Петръ Великій, обративъ свое оружіе противъ Турціи, тотчасъ завязалъ сношенія съ единовѣрнымъ населеніемъ Балканскаго полуострова и когда въ 1711 году началась война, онъ расчитывалъ на возстаніе румынъ, южныхъ славянъ и грековъ, страдавшихъ подъ игомъ мусульманъ. При ихъ содѣйствіи по Божьему произволенію, подъ сѣнью животворящаго креста освобождалась отъ рабства православная церковь. Даже между венгерскими сербами проявилось воинственное движеніе въ надеждѣ на многозначущія обѣщанія русскаго царя. Но походъ Петра былъ несчастливъ, Прутскій договоръ уничтожилъ всѣ чаянія восточныхъ христіанъ и послѣ побѣднаго шествія талантливаго австрійскаго военачальника Евгенія Савойскаго казалось, что симпатіи населеній балканскаго полуострова направились къ Вѣнѣ, откуда ожидали полнаго возстановленія всего европейскаго юга-востока.

Пасаровицкій миръ разбилъ эти ожиданія и Россія осталось Меккой, къ которой стали стремиться всѣ помыслы славянъ. Въ преданіяхъ, пѣсняхъ и письменахъ прославляли они всѣ дѣянія Петра, отъ него и его наслѣдниковъ ожидали они истребленія турокъ и освобожденія христіанства біографія великаго царя бѣлаго составляла любимѣйшее чтеніе поселянъ.

Екатерина II явилась преемницей великихъ дѣлъ и повсюду сложилась убѣжденіе, что Петръ I обязалъ своихъ наслѣдниковъ продолжать начатое имъ дѣло. О завѣщаніи Петра заговорили уже сто лѣтъ послѣ его смерти.

ГЛАВА I.

Восточная политика Іосифа II.

Переговоры по поводу раздѣла Польши и ущербъ, нанесенный Портѣ одновременно Россіей и Австріей, привели оба кабинета къ лучшимъ отношеніямъ и пробудили въ Кауницѣ надежду снова занять въ Петербургѣ положеніе, утраченное съ возшествіемъ на престолъ Петра III. Канцлеръ готовъ былъ воспользоваться представлявшимися случаями, чтобы возстановить союзъ обоихъ государствъ на основаніи прежняго взгляда, что интересы ихъ идутъ параллельно.

Слабость Турціи, выказавшаяся во время послѣдней войны и наступательныя движенія сосѣдей на Австрію могли грозить опасностью. Ясно было, что въ Петербургѣ задались мыслью разрушить Порту и потому надо было приложить стараніе, чтобы изъ замѣшательствъ, которыя возбудитъ этотъ планъ, имперія извлекла выгоды, принявъ въ немъ участіе. Паденіе Турціи было несомнѣнно, еслибъ обѣ имперіи сообща принялись за дѣло, а пріобрѣтеніе желаемыхъ областей турецкой Далмаціи и Кроаціи, Босніи, Сербіи, Молдавіи, Валахіи и другихъ пограничныхъ земель могло служить Австріи вознагражденіемъ.

Но даже эти намѣченныя пріобрѣтенія, при всей ихъ заманчивости, не могли успокоить австрійскаго канцлера. Ему казалось, что содѣйствіе Россіи не только не послужитъ въ пользу, но принесетъ вредъ и поведетъ впослѣдствіи къ паденію Габсбурскаго дома. Не безъ ужаса думалъ

онъ, что Австрію ждетъ грустный конецъ, ежели угроза со стороны Пруссіи останется прежняя; если же послѣдуетъ соглашеніе Австріи съ Россіи на раздѣлъ Турціи, то тогда придется дать Пруссіи вознагражденіе въ Польшѣ, которое по достоинству перетянетъ долю Австріи въ дѣлежѣ. Имѣлось также въ виду, что и Франція не будетъ равнодушно смотрѣть на гибель Турціи; поэтому въ умѣ канцлера снова являлась мысль объ австро-французскомъ союзѣ, который, какъ извѣстно, составлялъ его первоначальный планъ.

Въ сущности, не разрушеніе оттоманской имперіи занимало умъ Кауница, такъ какъ онъ далъ себѣ слово держаться съ нею въ добрыхъ сосѣдскихъ отношеніяхъ, но низложеніе Пруссіи, и только при этомъ условіи готовъ онъ былъ протянуть руку Россіи для раздѣла Турціи. По мнѣнію Кауница, востокъ для Австріи, въ политической системѣ, шелъ послѣ значенія ея на западѣ, и возвращеніе ей первенства въ Германіи стоило всѣхъ возможныхъ даровъ востока.

Хотя канцлеръ предвидѣлъ желанную цѣль въ далекомъ будущемъ, такъ какъ Россія казалась на столько истощенною войною, что не ранѣе двадцати лѣтъ могла нанести Турціи послѣдующіе удары, но все же онъ желалъ выяснить, какія области должна Австрія имѣть въ виду, когда наступитъ великая эпоха паденія Порты, и сондировать Францію, готова ли она помочь этому событію. Преобладаніе въ Средиземномъ морѣ было краеугольнымъ камнемъ французской политики и казалось, что пріобрѣтеніе Египта будетъ достаточной приманкой для ея министровъ.

Между тѣмъ Кауницъ вскорѣ увидѣлъ себя принужденнымъ принять опредѣлительное положеніе. Разногласія, возникшія между Россіей и Портой съ 1776 года относительно Крыма, сдѣлались серьезные; старанія Дивана привести татаръ снова въ полную зависимость и возбужденіе

съ этой цѣлью движенія среди мусульманъ Крыма, стояли въ противурѣчіи съ Кучукъ-Кайнарджскимъ договоромъ. Плаваніе по Черному морю и отношенія къ Дунайскимъ княжествамъ вызывали раздоры; Порта стѣсняла русскую торговлю и противилась требованію Екатерины пожизненно назначать господарей. Все предвѣщало грозу.

Къ концу 1776 года въ Петербургѣ принято было рѣшеніе завладѣть Перекопомъ и сильная армія была сосредоточена на югѣ. Въ декларації, переданной Стахѣевымъ Рейсъ - Ефенди, это рѣшеніе было объяснено тѣмъ, что Порта пыталась возвратить утраченное господство надъ татарами полуострова и предъявляла Россіи требованіе объ очищеніи Керчи, Еникале и Кинбурна, вслѣдствіе чего Петербургскій кабинетъ принужденъ прибѣгнуть къ репресаліямъ и овладѣть мѣстомъ, не принадлежащимъ, впрочемъ, ни которой изъ обѣихъ сторонъ.

Симпатіи Австріи склонялись на сторону турокъ, но только что возстановленная дружба съ Россіей мѣшала имъ высказаться. Король Фридрихъ одобрялъ движеніе русскихъ впередъ, раздувалъ вражду всѣми средствами и поставилъ въ турецкомъ вопросѣ Австрію въ затруднительное положеніе. Петербургскій кабинетъ, какъ бы въ видѣ испытанія, поручилъ своему посланнику въ Вѣнѣ передать меморію, въ которой просилъ Австрію въ видѣ услуги порѣшить это недоразумѣніе. Кауницъ былъ достаточно проницателенъ, чтобы угадать тайную цѣль Екатерины; ему было извѣстно, что прусскій король сообщилъ Панину о томъ, что Австрія вмѣстѣ съ Франціей уговариваютъ Турцію не дѣлать уступокъ; поэтому канцлеръ сталъ убѣждать свою государыню удовлетворить желаніе Россіи, которая не сдѣлала малѣйшаго возраженія, когда въ Константинополѣ шли переговоры объ уступкѣ Буковины и даже настаивала въ Польшѣ на утвержденіи договора, выгоднаго для Австріи. Что хотя считается противнымъ австрійскимъ

интересамъ дѣйствовать противъ Турціи; но тутъ предстоялъ вопросъ: долженъ ли Габсбурскій домъ идти рука объ руку съ Россіей или, опасаясь ея, удаляться отъ опасной сосѣдки. Многое зависитъ отъ того, удастся ли австрійской политикѣ расшатать дружбу Россіи съ Пруссіей и не составляетъ ли ихъ союзъ прямой угрозы Австріи. До тѣхъ поръ, пока не выяснятся эти вопросы, по мнѣнію канцлера слѣдовало поддерживать доброе расположеніе Россіи.

Этотъ взглядъ удостоился одобренія правительницы и русская меморія, подкрѣпленная согласіемъ Австріи, была отправлена въ Константинополь съ настоятельнымъ совѣтомъ. Такимъ образомъ намѣреніе Фридриха II вызвать распрю между Россіей и Австріей было предусмотрѣно вѣнскимъ кабинетомъ и не достигло своей цѣли. Правда, новый дипломатическій шагъ Екатерины произвелъ впечатлѣніе въ Версалѣ, но Петербургъ этимъ не тревожился, будучи увѣренъ, что австрійскій интернунцій поддержитъ русское требованіе. Кауницъ приложилъ даже свое стараніе, чтобы Франція, какъ союзница Турціи, убѣдила ее добровольно исполнить желаніе Россіи и тѣмъ отклонить ея дальнѣйшія притязанія.

Французскій кабинетъ также не могъ дѣйствовать рѣшительно, потому что видѣлъ Австрію въ тискахъ между Пруссіей и Россіей. Кауницъ къ тому же, въ настоящее время былъ занятъ серьезнымъ проэктомъ укрѣпленія положенія Австріи въ Германіи посредствомъ присоединенія Баваріи и надѣялся благосклонной политикой на Босфорѣ склонить въ свою пользу русскій кабинетъ. Это былъ жгучій вопросъ и въ то время, какъ войска Австріи и Пруссіи стояли другъ противъ друга въ Богеміи, Россіи удалось при содѣйствіи французской дипломатіи добиться желаемаго успѣха: по конвенціи въ Айнали-Кавакъ, служившей какъ бы дополненіемъ Кучукъ-Кайнарджскаго договора, было опредѣлено поло-

е татаръ въ Крыму, обезпечено свободное судоходство

въ Черномъ морѣ и обусловлены отношенія къ Турціи Дунайскихъ княжествъ и грековъ въ Мореѣ.

Съ окончаніемъ спора о баварскомъ престолонаслѣдіи австрійская политика снова обратила вниманіе на заключеніе союза съ Россіей. Панинъ, сильный сторонникъ прусско-русскаго союза, все еще стоялъ во главѣ дѣлъ, но вліятельная партія въ Петербургѣ ратовала за соглашеніе съ Австріей, содѣйствіемъ которой желали заручиться, такъ какъ замышлялось вторичное нападеніе на Порту.

Въ Вѣнѣ предстояло назначеніе къ русскому двору новаго посланника и на этотъ постъ былъ намѣченъ графъ Людовикъ Кобенцель. Въ данной ему инструкціи широкое мѣсто занималъ восточный вопросъ и изложенные въ ней взгляды могутъ быть разсматриваемы, какъ результатъ многолѣтнихъ соображеній. Сущность ихъ заключалась въ слѣдующемъ.

„Вліятельнѣйшій военный авторитетъ Австріи, фельдмаршалъ Ласси, полагаетъ, что завоеваніе и полное низложеніе Турціи не представляетъ особыхъ затрудненій и русскіе могутъ въ одну кампанію овладѣть Константинополемъ; что же касается до областей на которыя должна мѣтить Австрія, то Ласси полагаетъ, что кратчайшая и выгоднѣйшая линія была бы отъ Алуты на Дунай и оттуда чрезъ Никополь и Софію до залива Контесса; такимъ образомъ Австрія можетъ захватить Валахію, ближнюю часть Болгаріи, всю Грецію, Сербію и Боснію“.

Кауницъ раздѣлялъ воззрѣнія графа Ласси: „Безъ сомнѣнія—замѣчалъ онъ—пріобрѣтеніе областей лежащихъ предъ нами не доставитъ эрцгерцогскому дому желаемаго округленія и только удлиннитъ монархію, но всѣ земли Турціи не представляютъ хорошаго выбора; къ тому же укрѣпленіе ихъ за нами не зависитъ единственно отъ желанія и выбора вѣнскаго двора, но также отъ Россіи и

другихъ державъ, отъ всемірныхъ событій и отношеній дворовъ. Въ настоящее время трудно и преждевременно было бы излагать справедливый планъ раздѣла; но для удовлетворенія высшихъ интересовъ слѣдуетъ зрѣло обдумать современныя обстоятельства, чтобы при наступленіи событій можно было бы все быстро сообразить и привести въ исполненіе."

„Турецкая имперія есть самое надежное, миролюбивое, а потому и наилучшее сосѣдство и содѣйствовать сохраненію его составляетъ нашъ долгъ, на сколько это согласно съ нашимъ собственнымъ благополучіемъ; но Россія можетъ предпринять одна исполненіе своего великаго плана, слѣдовательно, надо поставить такого рода затрудненія, чтобы захватъ ею Турціи былъ невозможенъ и чтобы Екатерина искала австрійскаго содѣйствія. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ Петербургѣ серьезно заняты низверженіемъ Турецкой имперіи и, къ несчастью, успѣхъ этого предпріятія неоспоримъ".

Что касается до земель, которыя Австріи пришлось бы уступить на долю Пруссіи, то Кауницъ не высказывалъ ничего опредѣлительнаго, но сознавая, что нельзя дѣлать соображеній объ исключеніи прусскаго короля отъ участія въ будущихъ выгодахъ при раздѣлѣ Турціи, онъ полагалъ предоставить ему нѣкоторыя польскія области.

Канцлеръ оставлялъ безъ объясненія, какія державы должны получить острова Архипелага и не слѣдуетъ ли Австріи взять нѣкоторые изъ нихъ. „При существующемъ въ наше время политическомъ строѣ,—говорилось въ инструкціи „всѣ ходятъ въ потемкахъ и никакія рѣшенія невозможны. Можетъ случиться, что при невозможности спасти Турцію придется и Францію привлечь къ участію и тогда слѣдуетъ выяснить, чего пожелаетъ она; Англія и другія державы могутъ также вмѣшаться и принять участіе въ дѣлежѣ и вообще возможны такія политическія

комбинаціи, которыя потребуютъ величайшей осмотрительности; въ особенности Египетъ и судоходство въ Красномъ морѣ привлекутъ вниманіе европейскихъ державъ".

Въ ожиданіи событій Кауницъ счелъ необходимымъ, не жалѣя расходовъ, добыть подробныя свѣдѣнія о турецкихъ земляхъ, и для этого на мѣста были имъ посланы довѣренныя личности, которымъ предписана была величайшая тайна и осмотрительность; лица эти за свѣдѣніями должны были обращаться преимущественно къ духовенству и купечеству, какъ сословіямъ, ближе всего стоящимъ къ населенію.

Изо всѣхъ вліятельныхъ личностей Вѣны, одна императрица была противницей какихъ бы то ни было пріобрѣтеній на юго-востокѣ. „Раздѣлъ Турецкой имперіи"—писала она 31 іюля 1777 года своему посланнику въ Парижѣ, графу Мерси—„былъ бы самымъ дерзкимъ и опаснымъ предпріятіемъ. Что выгадали бы мы, еслибъ наши завоеванія довели насъ даже до воротъ Константинополя? Климатъ тамъ нездоровъ, земли необработаны, необитаемы или населены коварными греками; они не увеличатъ силъ имперіи, но разстроятъ ихъ. Это событіе было бы бо́льшимъ несчастіемъ, нежели раздѣлъ Польши. Никогда не буду я просить вашего содѣйствія къ уничтоженію Турціи и надѣюсь, что ваши внуки увидятъ еще Турокъ въ Европѣ".

Въ другой памятной запискѣ, авторомъ которой называютъ Кобенцеля, широко развитъ взглядъ на восточный вопросъ. Изложенныя въ ней воззрѣнія часто встрѣчаются въ австрійскихъ государственныхъ актахъ слѣдовавшаго за тѣмъ десятилѣтія и какъ бы выражаютъ направленіе политики того времени.

„Пусть Австрія внесетъ,—говорится въ запискѣ,—благосклонную пассивность во всѣ видоизмѣненія, которыя развиваются въ Европѣ. Низверженіе Порты задѣнетъ большинство интересовъ имперіи, такъ какъ бывшіе опыты

доказали, что завоеваніе турецкихъ областей не вознаградитъ за потерю такого сосѣда, какъ Турція".

„Если бы Австрія стала на сторону Турціи, то возникла бы всеобщая война и въ этомъ случаѣ оказался бы на одной сторонѣ нашъ союзъ съ Франціей, Портой, католической Германіей и Швеціей, а противной стороной была бы Россія съ Пруссіей и протестантскими государствами, къ которымъ послѣ присоединилась бы Англія. Слѣдовательно, Австрія могла бы стоять за Порту, если бы не предвидѣлось войны; но такъ какъ мало надежды обойтись безъ нея, то слѣдуетъ готовиться къ раздѣлу Турціи, когда того потребуютъ обстоятельства".

„Для раздѣла имѣются два проэкта: одинъ изъ нихъ проводитъ линію отъ Семиградіи чрезъ Валахію вдоль Алуты и затѣмъ далѣе въ прямомъ направленіи до Архипелага. Боснія, Сербія, Албанія, Греція, Морея, часть Валахіи, Болгарія и Румелія достаются Австріи, а остальное на долю Россіи. Такимъ образомъ, надѣлъ Австріи кажется выгоднѣе; но надо имѣть въ виду, что Россія, владѣя Чернымъ моремъ и устьями Дуная, будетъ имѣть вліяніе на торговлю въ областяхъ Австріи. Кромѣ того окажется, что пріобрѣтеніе столькихъ областей растянетъ границы имперіи, которая чрезъ то будетъ поставлена между двумя страшными сосѣдями, Пруссіей и Россіей".

„Другой проэктъ предлагаетъ изгнаніе турокъ не только изъ Европы, но также изъ Азіи. Тогда Австрія получила бы Сербію, Боснію, Болгарію, Валахію и Дунай до Чернаго моря. Молдавія и, на опредѣленныхъ условіяхъ, Буковина были бы предоставлены Польшѣ, которая за то отдала бы нѣкоторыя области Прусскому королю. Россія получила бы остальныя части Турціи въ Европѣ; азіатскія владѣнія составили бы новое государство, а Константинополь былъ бы объявленъ свободнымъ портомъ".

Составитель записки рекомендуетъ этотъ второй проэктъ, ссылаясь на большія коммерческія и военныя преимущества въ будущемъ. Обладая вышеназванными областями и имѣя съ одной стороны Тріестъ, а съ другой истоки Дуная, Австрія заняла бы положеніе, подобное прежней Венеціи. При этомъ слѣдуетъ стараться, чтобы Египетъ достался на долю державы, которая бы не могла возбуждать смутъ, но всего лучше было бы предоставить его Мальтійскому ордену.

Проэкты эти, составляя поверхностный абрисъ, подлежали совокупному разсмотрѣнію петербургскаго кабинета съ австрійскимъ посланникомъ при предстоящихъ объясненіяхъ. Кобенцелю предписывалось дать понять, что Австрія не стремится къ завоеваніямъ, довольствуясь своими владѣніями, но не отклоняетъ соглашенія съ Россіей, если найдетъ въ томъ удобство.

„Слѣдуетъ зорко слѣдить за событіями—говорилось въ инструкціи—выждать начала новой войны, заставить Россію сдѣлать первый шагъ, требуя содѣйствія Австріи и тогда предложить ей условія“.

Болѣе всего лежало у канцлера на сердцѣ добиться искренныхъ отношеній между обѣими имперіями и инструкція поясняла, что это было не только въ австрійскихъ, но и въ русскихъ интересахъ. Если бы въ Петербургѣ безъ предубѣжденія и пристрастія взвѣсили нынѣшнюю связь съ Пруссіей, то увидѣли бы, что она не отвѣчаетъ истиннымъ политическимъ видамъ Россіи. Ея союзъ съ Фридрихомъ лишилъ ее прежняго рѣшающаго голоса въ Польшѣ, а дальнѣйшій ростъ прусскаго государства ослабитъ значеніе Россіи на сѣверѣ, гдѣ сама природа указала ей роль повелительницы. При союзѣ же съ Австріей преобладаніе Россіи на сѣверѣ сдѣлается безспорнымъ и связь обѣихъ имперій тѣмъ естественнѣе, что по географическому ихъ положенію каждая изъ нихъ можетъ развиваться

безъ взаимной помѣхи. Но если бы Екатерина захотѣла безъ Австріи повести дѣло, то вѣнскій дворъ употребитъ всѣ усилія воспрепятствовать этому.

Трудно было бы подыскать человѣка болѣе ловкаго, чтобы устроить на берегахъ Невы сердечный союзъ обѣихъ имперій, и вѣра, которую имѣлъ Кауницъ въ способности Кобенцеля, была вполнѣ заслуженная. Этотъ остроумный и подвижной дипломатъ очутился въ путаницѣ интригъ различныхъ партій, желавшихъ всѣми путями поставить восточныя дѣла согласно своимъ видамъ. Панинъ, конечно, не годился для Австрійскихъ плановъ; Потемкинъ же, вліяніе котораго на Екатерину II было извѣстно, считался прусскимъ кліентомъ, но по всѣмъ признакамъ могъ быть перетянутъ на сторону Австріи. Мечты о возстановленіи восточной имперіи въ кругу приближенныхъ царицы стояли на очереди дня и Потемкинъ былъ душею этого вопроса.

Въ своемъ разговорѣ съ посланникомъ, всемогущій фаворитъ припомнилъ старую дружбу обѣихъ Императрицъ, на основаніи которой народъ считалъ ихъ сестрами. Онъ тоже коснулся русской восточной политики и извѣстнаго проэкта Фридриха Великаго о союзѣ между Пруссіей, Портой и Россіей.

„Но царица никогда не вступитъ въ союзъ съ Турціей, замѣтилъ Потемкинъ; она войдетъ въ соглашеніе со всякимъ для изгнанія оттомановъ изъ Европы, но ни съ кѣмъ, чтобы подержать ихъ.“

Кобенцель жадно вслушивался въ рѣчь любимца. „Австрія—возразилъ онъ—убѣждена въ торжественности интересовъ обѣихъ имперій. Не легко найти двѣ державы, которыхъ положеніе и взаимныя отношенія могли бы быть столь полезны другъ другу. Если бы проэктъ Фридриха состоялся, то онъ заставилъ бы Австрію быть на сторожѣ и, надо признаться, что изъ за него началось взаимное охлажденіе обѣихъ имперій.“

Потемкинъ оправдывалъ союзъ съ Пруссіей, замѣтивъ, что онъ сдѣлался такъ тѣсенъ лишь вслѣдствіе поведенія Австріи въ дѣлахъ, касающихся Порты. Тогда Кобенцель пустилъ въ ходъ преподанное ему Кауницомъ изустное наставленіе и далъ понять Потемкину, что безъ Австріи невозможно привести въ исполненіе планы на востокѣ, но что съ нею очень возможно войти въ соглашеніе.

Вскорѣ по отправленіи посланника въ Петербургъ, въ Вѣнѣ возникла мысль о свиданіи Іосифа съ Екатериной. Императоръ принялъ починъ и объяснился объ этомъ съ русскимъ посломъ безъ вѣдома матери, а затѣмъ, заручившись и ея согласіемъ, поставилъ о томъ въ извѣстность Кауница, который одобрилъ эту мысль. Царица была несказанно польщена любезнымъ намѣреніемъ Іосифа лично познакомиться съ нею; казалось, что она желала вызвать его критическія замѣчанія о своей особѣ: она придавала особое значеніе его отзывамъ о ея талантахъ. Кобенцель въ донесеніи своемъ отъ 20 Апрѣля 1780 года выразился такъ:

„Ничто не могло ей быть болѣе лестно, какъ желаніе императора съ нею познакомиться; она хочетъ доказать ему, что вовсе не гордится приписываемыми ей достоинствами. Объ Фридрихѣ II царица замѣтила, что онъ уже не тотъ человѣкъ и что прежняя сила духа его оставляетъ.“

Памятная записка, которую выработалъ Кауницъ предъ самымъ путешествіемъ императора, вѣроятно служила инструкціею, которую Іосифъ взялъ съ собою. Относительно восточнаго вопроса встрѣчаются тѣже воззрѣнія, которыя были сообщены Кобенцелю. Императоръ долженъ былъ отстранить нѣкоторыя затрудненія, высказать готовность войти въ соглашеніе и дать понять, что въ Вѣнѣ не прочь открыть переговоры на основаніи полной взаимности какъ въ средствахъ, такъ и въ выгодахъ.

Свиданіе коронованныхъ особъ достигло своей цѣли. Радостно извѣщалъ Кобенцель, что довѣріе между императоромъ и царицей росло изо дня въ день; Іосифъ дивился величію духа Екатерины и ея познаніямъ; Потемкинъ говорилъ о сердечномъ, дружественномъ настроеніи царицы къ повелителю Австріи. „Ежели мы воспользуемся удобнымъ мгновеніемъ—прибавлялъ Кобенцель—то можемъ сдѣлать много добраго, но только ледъ надо топить, пока жарко“.

Императоръ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы внушить царицѣ точное понятіе о своемъ образѣ мыслей и устранить ложное мнѣніе о его жадности, которое могъ внушить ей Фридрихъ. Съ искреннымъ удовольствіемъ выслушалъ Іосифъ отвѣтъ царицы, что прусскіе навѣты не находятъ у ней вѣры. Она упоминала объ Италіи, въ которой, по ея словамъ, для Австріи представлялся полный просторъ. Императоръ осторожно замѣтилъ, что многія державы заинтересованы подержаніемъ тамъ statu quo.

Почти тѣже мысли были высказаны въ бесѣдѣ Потемкина съ Кобенцелемъ, при чемъ разница политики обѣихъ имперій рѣзко выступила наружу. Екатерина жила своими восточными планами; изъ ея словъ и брошенныхъ намековъ опредѣлительно выяснилось, что она придавала значеніе искреннему согласію съ Австріей съ заднею мыслью отстранить ее. Въ то время, какъ императоръ указывалъ на возможность соглашенія въ Турецкомъ вопросѣ, русскіе давали понять, что Австрія можетъ получить вознагражденіе только насчетъ Германіи и Польши; всего охотнѣе ей предоставили бы захватить себѣ что либо въ Италіи, но большая часть турецкихъ земель должна была остаться въ распоряженіи Россіи.

Кауницъ былъ доволенъ хотя тѣмъ, что путешествіе Іосифа установило добрыя отношенія къ Россіи: 20 Августа императоръ уже вернулся въ Вѣну и императрицу Те-

резію убѣдили послать Екатеринѣ благодарственное письмо за дружественный пріемъ, оказанный ея сыну. Два дня спустя, Кобенцелю были посланы нужныя наставленія, какъ вести себя при новомъ положеніи дѣлъ.

22 Августа 1780 года Кауницъ писалъ:

„Сразу нельзя достигнуть всего желаемаго; государственная система не можетъ измѣняться мгновенно и укоренившіяся убѣжденія могутъ быть исправляемы мало по малу. Потемкинъ высказалъ, что основаніе русской политики заключается въ поддержаніи полнаго равновѣсія между Австріей и Пруссіей. Въ былое время въ Петербургѣ думали иначе и въ основаніи договоровъ лежала мысль, что прусскій король общій и равно опасный врагъ обоихъ дворовъ и что желательно уменьшить его силу, возвративъ королевство въ прежнія границы. Въ Вѣнѣ взглядъ этотъ не измѣнился и старанія Австріи будутъ и впредь направлены къ той же цѣли; но было бы теперь преждевременно, безполезно и даже вредно выступать съ этими взглядами. Пока слѣдуетъ только подготовлять почву въ Петербургѣ, пользуясь завоеваннымъ положеніемъ, укрѣплять дружескія отношенія и прокладывать дорогу къ дальнѣйшимъ объясненіямъ, чтобы при первомъ представившемся случаѣ попробовать достигнуть главной цѣли. Въ Россіи настаиваютъ на паденіи Порты и созданіи восточной имперіи, открывая за то Австріи перспективу въ Италіи и Римѣ; это очевидно химера; невозможно предполагать, чтобы русскій дворъ серьезно думалъ, что Австрія приметъ пустой народъ за находку.“

Не настаивая на вознагражденіи и не выказывая отвращенія къ планамъ раздѣла, Кобенцель долженъ былъ только объяснять Потемкину трудности дѣла и необходимость равнаго участія обѣихъ державъ. Ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало посвящать Фридриха въ тайну переговоровъ, пока оба двора не порѣшатъ всего между собою.

Кобенцель въ своемъ нетерпѣніи не могъ дождаться начала переговоровъ, но Потемкинъ обнадежилъ его, совѣтуя выждать отъѣзда прусскаго принца, который немедленно по отбытіи императора Іосифа пріѣхалъ въ русскую столицу. Къ концу года русскіе предложили Кобенцелю проэктъ оборонительнаго договора, мысль о которомъ была высказана съ одобренія Екатерины еще императору въ его бытность въ Петербургѣ. По силѣ договора съ Пруссіей, Россія сохранила право на заключеніе такихъ актовъ съ другими державами. Хотя это предложеніе не вызвало особаго удовольствія въ Вѣнѣ, потому что предлагалось какъ бы возобновленіе договора 1746 года, но оно было принято Австріей въ надеждѣ впослѣдствіи еще болѣе закрѣпить связь съ Россіей.

Въ проэктѣ договора, состоящаго изъ 22 статей, Россія предлагала опредѣлить взаимную помощь 12.000 войска; существующіе союзные договоры Россіи съ Пруссіей и Даніей, а Австріи съ Франціей новымъ договоромъ не нарушались. Постановленія, касающіяся Ольденбурга и Дельменгорста и гарантія польской конституціи составляли содержаніе секретныхъ статей. Особымъ пунктомъ Австрія признавала постановленія Кучукъ-Кайнарджскаго мира, а Россія условія мира Бѣлградскаго.

Въ запискѣ, составленной Кобенцелемъ противъ проэкта высказано, что вся выгода договора клонится въ пользу Россіи, потому что ей скорѣй придется требовать помощи Австріи противъ Порты, нежели Австріи искать поддержки противъ Пруссіи; что Австрія не можетъ гарантировать договоровъ съ Пруссіей и Даніей потому, что они ей неизвѣстны. Предложенный осьмилѣтній срокъ союза также казался Кобенцелю короткимъ и онъ настаивалъ на двадцатипятилѣтнемъ, какъ это было въ договорѣ 1746 года.

Для заключенія союза представлялось еще затрудненіе въ формѣ. Екатерина требовала въ трактатѣ права равен-

ства съ императоромъ, то есть, говоря дипломатическимъ языкомъ, le droit d'alternative. Самъ Іосифъ не придавалъ этому никакой цѣны, но Кауницъ, строгій охранитель прерогативовъ монархіи, находилъ, что глава священной имперіи не могъ безъ униженія своего достоинства допустить равенства. Были изыскиваемы различные способы обойти это затрудненіе, пока Екатерина не предложила условія союза утвердить въ формѣ письма. Императоръ тѣмъ охотнѣе согласился на это, что такимъ способомъ сохранялась тайна сдѣлки.

Іосифъ и Екатерина гарантировали другъ другу владѣнія и обязывались взаимной помощью въ случаѣ нападенія; Австрія должна была выставить 10,000 пѣхоты, 2,000 кавалеріи и соотвѣтственное количество артиллеріи; чрезъ три мѣсяца по востребованіи войско должно было выступить въ походъ. Обязательство на азіятскія владѣнія не распространялось; въ случаѣ нападенія Швеціи на Россію императоръ обязывался выплачивать субсидію по 400,000 рублей въ годъ. Если бы въ теченіи войны потребовались войска для защиты германскаго союза, то императоръ имѣлъ право вернуть вспомогательный отрядъ. Если бы выставленная Россіи помощь оказалась недостаточною, то Австрія должна была прислать дополнительное войско и не заключать ни мира, ни перемирія, въ которомъ бы не участвовала Россія. Относительно Польши обѣ державы обязались идти рука объ руку и сдѣлку 1773 года по раздѣлу сохранять въ силѣ. Условія, касавшіяся Порты, были изложены въ особомъ письмѣ: Австрія обезпечивала Россіи обладаніе завоеванными областями; при нарушеніи турками договора обязывалась предложить свои добрыя услуги для отстраненія несогласія, а если бы онѣ остались безъ послѣдствій или произошло нападеніе на русскія владѣнія, то объявить Турціи войну и выставить достаточныя силы въ поле. При посылкѣ Россіей флота въ Черное или Азов-

ское море на подкрѣпленіе сухопутныхъ силъ, Австрія должна была соотвѣтственно этому также увеличить свои силы. На счетъ вознагражденія за участіе въ войнѣ должно было послѣдовать особое соглашеніе.

Россія приняла относительно Австріи подобныя же обязательства: при войнѣ въ Нидерландахъ слѣдовала вмѣсто военной помощи денежная, а относительно Порты Россія гарантировала Австріи ея договоры.

Отправляя свое письмо императору, Екатерина высказала, что она ничего не писала съ бо́льшимъ удовольствіемъ и съ каждымъ словомъ, излагаемымъ на бумагѣ, чувствовала, сколько эти обязательства были согласны съ ея истинными намѣреніями.

Какъ монархъ, такъ и министръ были очень довольны, что доплыли до пристани союза съ Россіей, и съ особеннымъ удовольствіемъ въ Вѣнѣ привѣтствовали многозначительное измѣненіе, послѣдовавшее въ Петербургѣ по управленію дѣлами: Остерманъ замѣнилъ Панина.

Во время своего пребыванія въ Петербургѣ Іосифъ надѣялся было переманить послѣдняго изъ нихъ на сторону Австріи, но русскій государственный дѣятель остался вѣренъ своей десятилѣтней политикѣ. Съ отстраненіемъ Панина прусское вліяніе теряло свою силу; оживленная задушевная переписка Екатерины съ Фридрихомъ II уже давно ослабѣла, а теперь отстраняли отъ дѣлъ человѣка, чрезъ котораго прусскій король въ продолженіи ряда годовъ имѣлъ значительное вліяніе на берегахъ Невы. Немедленно послѣ свиданія императора съ Екатериной, Панинъ, согласно данному ему пріѣзжавшимъ прусскимъ принцемъ совѣту, предложилъ проэктъ тройственнаго союза между Австріей, Пруссіей и Россіей для приданія большей прочности планамъ государыни противъ Порты, но это предложеніе потерпѣло неудачу, а затѣмъ и самый призракъ ненавистнаго прусско-русскаго союза былъ удаленъ.

Отнынѣ русская политика могла безпрепятственно направлять свои комбинаціи на восточныя дѣла. Въ Крыму было возбуждено возстаніе татаръ противъ хана; когда подземная работа русской дипломатіи достигла своей цѣли, Екатерина увѣдомила императора, что она обязана дѣйствовать и разсчитываетъ на его помощь. Іосифъ, 12 іюня 1782 года, отвѣчалъ въ самыхъ задушевныхъ выраженіяхъ:

„Получить ваше письмо и чрезъ двадцать четыре часа отвѣтить на него, было для меня и обязанностью, и счастіемъ; я не допускаю возраженій, соображеній и расчетовъ, когда говоритъ сердце и приказываетъ служить, если смѣю такъ выразиться, моей царицѣ, моему другу, моей союзницѣ и владычицѣ".

Между Іосифомъ и Екатериной произошелъ обмѣнъ мыслей относительно завоеванія областей Турціи и веденія великаго проэкта. Въ письмѣ отъ 10 сентября царица изобразила картину политическаго состоянія Европы и доказывала безопасность предпріятія противъ Порты. Она не сомнѣвалась въ счастливомъ исходѣ дѣла; одинъ прусскій король могъ быть имъ помѣхой, но его преклонныя лѣта давали вѣрное ручательство, что безъ содѣйствія Франціи и Англіи онъ не возьмется за оружіе. Англія, руководствующаяся торговыми соображеніями, не пойдетъ на это, но на случай, если бы Франція и Испанія стали дѣлать затрудненія русскому флоту въ Средиземномъ морѣ, императорскіе дворы должны войти въ соглашеніе съ Англіей. Если же Пруссія все-таки захочетъ сдѣлать нападеніе, то Австрія и Россія имѣютъ достаточно силъ оградить себя отъ нея. Такъ какъ успѣхъ предпріятія не подлежалъ сомнѣнію, то Екатерина начертала планъ самостоятельнаго государства, составленнаго изъ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи подъ управленіемъ одного изъ христіанскихъ принцевъ. Для Россіи она выговаривала только городъ Очаковъ съ полосой земли между Бугомъ и Днѣстромъ и еще одинъ

или два острова Архипелага для безопасности и удобства русской торговли. Если бы удалось изгнать изъ Европы враговъ христіанства, то императоръ долженъ былъ оказать поддержку къ возстановленію прежней греческой имперіи, предназначавшейся для великаго князя Константина; эта новая имперія никогда не должна была соединяться подъ однимъ скипетромъ съ Россіей.

13 ноября 1782 года императоръ отвѣчалъ на письмо: онъ не считаетъ предпріятіе великаго плана столь легкимъ, какъ это полагаетъ его союзный другъ; онъ не думаетъ, чтобы старость помѣшала Фридриху взяться за оружіе, и уже изъ-за одного этого ему кажется необходимымъ заручиться Франціей; даже и за бездѣйствіе ей можно заплатить Египтомъ. Австрія не можетъ ручаться за свое содѣйствіе, если не будетъ обезпечена отъ нападеній со стороны Пруссіи; Саксонія должна бы быть отнята у нея.

Планъ общаго дѣйствія войскъ обѣихъ имперій Іосифъ предлагалъ составить на ближайшемъ совѣщаніи, но заранѣе указывалъ на необходимость выставить 40—50 тысячный русскій корпусъ противъ Пруссіи на лифляндской границѣ, или, что будетъ еще убѣдительнѣе, вдоль Вислы и Варты. Съ своей стороны императоръ обязывался стянуть къ Боснiи и Моравіи 60—80-тысячный корпусъ противъ турокъ.

Относительно земель, предназначавшихся въ надѣлъ Австріи, Іосифъ выставилъ слѣдующія требованія: Хотинъ съ участкомъ земли, границы которой примыкали бы къ Австріи, для обезпеченія такимъ образомъ Галиціи и Буковины; часть Валахіи по рѣкѣ Алутѣ, Никополь и оттуда по Дунаю до Бѣлграда, причемъ требовались города Видинъ, Орсова и Бѣлградъ для прикрытія Венгріи; отъ Бѣлграда прямой и кратчайшей линіей до Адріатическаго моря съ заливомъ Дрины включительно, также Истрію и Далмацію, за которыя Венеція получила бы Морею, Кандію, Кипръ и другіе острова, что составитъ ей богатое возна-

гражденіе. Дунай долженъ быть свободенъ до устьевъ для торговыхъ сношеній Австріи, а новыя государства, Дакія и Греція, должны будутъ дать обязательства, не облагать австрійскихъ судовъ пошлинами.

Такая готовность императора идти на встрѣчу планамъ повелительницы сѣвера продолжалась до тѣхъ поръ, пока онъ и его министръ не открыли огромныхъ затрудненій для приведенія ихъ въ исполненіе. Кауницъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ рѣшительно стоявшій за союзъ съ Россіей и посвящавшій всѣ свободные часы планамъ раздѣла, не былъ готовъ къ подобнымъ перетасовкамъ. „Непонятно легкомысліе, съ которымъ царица смотритъ на свой излюбленный планъ“, писалъ онъ Кобенцелю; „наша обязанность, какъ добраго друга, помѣшать глупостямъ“. И Кобенцелю поручено было сдѣлать въ Петербургѣ представленія, что Австрія лишь съ осмотрительностью можетъ идти впередъ. Конечно, сосѣди Россіи: Швеція, Данія и Польша слишкомъ безсильны, чтобы предпринять гдѣ-либо нападеніе на русскія границы и даже, если-бы вслѣдствіе непріязненности этихъ странъ, Россія принуждена была отсрочить войну, то ей нечего опасаться со стороны Порты и она рискуетъ только неисполненіемъ своихъ великихъ проэктовъ. Но Австрія должна оберегаться отъ Пруссіи, Франціи и Турціи, и глубокая старость Фридриха II не помѣшаетъ ему взяться за оружіе. Еще недавно, онъ безъ чьей-либо поддержки извлекъ мечь для воспрепятствованія такому незначительному пріобрѣтенію, какъ Баварія; тѣмъ менѣе вѣроятія, чтобы онъ остался, сложа руки, когда пойдетъ рѣчь о раздѣлѣ Турціи. Оба двора должны принять мѣры, чтобы удержать прусскаго короля или быть въ силахъ дать ему отпоръ. Францію необходимо привлечь къ союзу, потому что ей легко будетъ выслать суда къ Константинополю или 40 — 50 тысячъ войска въ Нидерланды [1]).

[1]) Инструкція Кобенцелю, 13 ноября 1782 г.

Какую цѣну придавала Австрія участію версальскаго кабинета, видно изъ того, что въ Петербургъ нѣсколько дней спустя вторично послано было настояніе о необходимости привлечь Францію къ предпріятію, но Кобенцелю не пришлось долго ждать отвѣта: Безбородко постарался вывѣдать настроеніе французскаго посла и могъ убѣдиться, что тотъ распаленъ священнымъ гнѣвомъ противъ проэкта. Тогда австрійскій посланникъ при разговорѣ не преминулъ высказать, что онъ высоко цѣнитъ значеніе ввѣренной ему тайны и преисполненъ удивленія къ великой мысли, которую создала безсмертная Екатерина, явивъ новое доказательство возвышеннаго духа; но попытка привлечь къ союзу Францію выказала различіе взглядовъ и положеній обѣихъ націй. Кобенцель выяснилъ огромную выгоду соглашенія съ парижскимъ кабинетомъ, тогда какъ Безбородко опасался возможности англо-прусскаго союза, если-бы Франція примкнула къ договору, да и сомнѣвался, чтобы она удовлетворилась Египтомъ. Потемкинъ съ своей стороны сдѣлалъ другія возраженія: онъ возсталъ противъ намѣренія Австріи надѣлить Венецію Мореей, Кандіей и другими островами архипелага, находя, что это составитъ ущербъ будущей греческой имперіи.

Понятно, что русскіе государственные люди были лишь истолкователями взглядовъ императрицы; 15 декабря Екатерина дала австрійскому послу тайную аудіенцію, чтобы переговорить о Франціи. Сурово отнеслась она къ мысли привлеченія ея къ союзу, говоря, что ежели уже непремѣнно нужно ея участіе, то слѣдуетъ надѣлить ее возможно меньшимъ. „Я скажу на это“, говорила она „какъ Гарпагонъ Мольера: donnons, mais donnons le moins possible“. Екатерина высказывала твердое убѣжденіе въ успѣхѣ великаго предпріятія. „Все, что я до сихъ поръ начинала, мнѣ удавалось“, говорила она; „я даже пережила войну безъ сраженій“, замѣтила она, намекая на послѣднюю распрю

Австріи съ Пруссіей, „и вѣрю, что мы сдѣлаемъ завоеванія безъ войны; проведеніе нашего проэкта будетъ легче, нежели мы предполагаемъ; я надѣюсь, что Богъ благословитъ предпріятіе и дастъ намъ счастливо окончить его“.

Наконецъ, царица согласилась на союзъ съ Франціей, предоставя императору вступить въ переговоры съ версальскимъ дворомъ. Она высказала о своей готовности въ случаѣ нужды выставить противъ Пруссіи корпусъ войскъ, но отклонила размѣщеніе его въ Польшѣ; если Саксонія будетъ въ союзѣ безъ активнаго участія, то государыня полагала достаточнымъ надѣлить ее какимъ нибудь епископствомъ, но не изъ польскихъ земель, потому что польская корона должна принадлежать Пястамъ. Главнѣйшій вопросъ остался невыясненнымъ, только Екатерина нашла, что императорскія требованія слишкомъ велики и рѣзко отклонила предложеніе надѣлить Венецію Мореей и островами архипелага взамѣнъ Истріи и Далмаціи, которымъ императоръ придавалъ большое значеніе [2]).

Въ принципѣ оба сердечные друга были согласны покончить въ Европѣ съ турецкимъ владычествомъ, но на счетъ способовъ достиженія цѣли и раздѣла добычи расходились во взглядахъ. Іосифъ не былъ расположенъ довольствоваться общими словами и убогимъ надѣломъ областей предоставивъ Россіи львиную долю, и высказалъ свое неудовольствіе на отвѣтъ царицы, въ письмахъ къ своему брату Леопольду и къ государственному канцлеру.

2 февраля 1783 года писалъ онъ Кауницу: „Царица хочетъ обдѣлить меня, но я не согласенъ довольствоваться посулами и мой отвѣтъ откроетъ ей на этотъ счетъ глаза“. А Леопольду нѣсколько дней позже: „Письмо царицы содержитъ мелкія мысли и много непослѣдовательности;

---

2) Письмо Іосифа къ брату Леопольду 24 ноября 1782 года и письма Екатерины къ Іосифу 18 января и 18 марта 1783 года.

одни слова и ничего положительнаго; но такимъ образомъ нельзя вести великихъ предпріятій".

Извѣстіе о томъ, что Порта соглашается исполнить требованія, предъявленныя ей Россіей и поддержанныя Австріей, было немедленно сообщено въ Петербургъ. Іосифъ увѣдомлялъ своего друга, что война отклонена и поэтому исполненіе великаго проэкта отсрачивается; но тутъ же давалъ понять, что онъ твердо стоитъ на своихъ требованіяхъ по главнымъ пунктамъ. Благодаря своему вліянію канцлеръ убѣдилъ императора не высказывать своихъ неудовольствій въ рѣзкомъ тонѣ и нѣсколько измѣнить уже готовый проэктъ письма; но и въ смягченной формѣ оно произвело на царицу чувствительное впечатлѣніе. Въ своемъ возраженіи Іосифу она замѣтила, что на словахъ Порты основываться нельзя и если она, государыня, обратилась къ нему за содѣйствіемъ, то въ полномъ убѣжденіи, что въ его глазахъ не можетъ быть разницы между принятіемъ и исполненіемъ мысли, достойной Цезаря.

Сговорчивость Порты не заставила Екатерину отказаться отъ плана, построеннаго на завоеваніи турецкихъ областей и 3 апрѣля 1783 года ею принято было рѣшеніе присоединить Крымъ. Потемкинъ говорилъ Кобенцелю: „Россія вступитъ во владѣніе всѣмъ, чѣмъ можетъ и Австрія принуждена будетъ сдѣлать тоже, чтобы не оставить насъ однихъ пользоваться. Въ Петербургѣ всѣ недовольны бездѣйствіемъ Австріи, только не я, потому что убѣжденъ въ окончательномъ содѣйствіи вашего двора".

Наступленіе русскихъ войскъ вызвало снова вопросъ о томъ, какое положеніе должна принять Австрія? Въ концѣ апрѣля полетѣли депеши Кобенцеля въ Вѣну; князь Голицынъ сталъ также сообщать Кауницу содержаніе получаемыхъ имъ изъ Петербурга бумагъ и этотъ не оставлялъ убѣжденія, что Австрія должна поддержать союзницу. Еще осенью 1782 года онъ поручилъ посланнику дать графу

Остерману увѣреніе, что въ войнѣ съ Портой Россія можетъ разсчитывать на ихъ содѣйствіе, и теперь въ подкрѣпленіе своего взгляда, онъ выпустилъ обширную меморію.

„Австрія“, говорится въ ней, „несомнѣнно обязана по трактату оказать поддержку; но допуская, что трактата не существовало бы, попытаемся ясно опредѣлить положеніе. которое она должна занять.

Для Австріи возможны только три пути: или держаться пассивно въ сторонѣ отъ дѣла, или противудѣйствовать русскимъ планамъ; или сдѣлать себѣ изъ нихъ общее съ Россіей дѣло. Полной пассивности совѣтовать нельзя, потому что тогда навсегда была бы утрачена дружба Екатерины, а ея уваженіе превратилось бы въ ненависть или презрѣніе; поведеніе Австріи обнаружило бы, что она не имѣетъ достаточно мужества поддерживать ни дѣйствительную вражду, ни полную дружбу. Тогда снова представился бы Пруссіи случай пріобрѣсти прежнее вредное и рѣшительное вліяніе на политику Россіи. Наконецъ, если бы даже мы рѣшились перенести это, то тогда Россія могла бы расширить свои владѣнія безъ соотвѣтственнаго увеличенія Австріи и самая отсрочка великаго проэкта повела бы къ тому, что при первомъ удобномъ случаѣ въ Петербургѣ стали бы дѣйствовать, не нуждаясь въ содѣйствіи Австріи. Безспорно, что всего желательнѣе, ежели бы русскіе завоевательные замыслы встрѣтили задержку и Порта могла устоять; но на это нѣтъ ни вѣроятія, ни возможности. Россія приводитъ уже въ исполненіе свои планы относительно Крыма, Кубани и Тамани и на половину прочно утвердилась тамъ; Австрія не могла этому помѣшать. Но когда Россія вступитъ въ полное обладаніе этими землями, то получитъ возможность при первомъ удобномъ случаѣ захватить Константинополь, укрѣпиться въ Дарданеллахъ, пріобрѣсти господство въ Черномъ морѣ,

распространивъ свои операціи и на Средиземное и порѣшить съ существованіемъ Турціи въ Европѣ".

„Война Австріи противъ Россіи была бы соединена съ большими и непредвидѣнными опасностями; поэтому остается третій путь: повести дѣло сообща. Конечно, и на этомъ пути предстоитъ много опасностей и сомнѣній, но все-же онъ лучше, чѣмъ пассивное отношеніе къ дѣлу, потому что поддерживаетъ равновѣсіе между двумя имперіями [3]).

Меморія канцлера была препровождена къ императору съ объясненіемъ что она составлена при запутанномъ и критическомъ положеніи дѣлъ, поэтому всѣ сдѣланные выводы и политическіе разсчеты могутъ оказаться ошибочными. Можно считать дерзостью рѣшеніе пускаться на всевозможныя приключенія; но было бы также безпечностью или малодушіемъ сидѣть, держа руки въ карманѣ. Очень можетъ случиться, что прусскій король разразится и что Франція откажется отъ союза; но взвѣсивъ положеніе дѣлъ, съ большею вѣроятностью можно сказать, что какъ Пруссія, такъ и Франція сто разъ подумаютъ прежде, чѣмъ рѣшатся на опасный шагъ. Наконецъ, какъ и во всѣхъ великихъ предпріятіяхъ, „авось" должно служить послѣднимъ основаніемъ.

Іосифъ находился въ путешествіи по Венгріи и изъ Петергардейна отвѣчалъ на письмо Екатерины и на докладъ своего министра. Онъ принялъ рѣшеніе противъ участія въ войнѣ, не видя въ русско-турецкомъ договорѣ поводовъ къ захвату Крыма и Кубани и поэтому не счелъ себя обязаннымъ принять участіе въ такой войнѣ. [4]) Царицѣ онъ пожелалъ благополучно царствовать въ ея новыхъ владѣніяхъ, пріобрѣтенныхъ безъ боя и отвергъ предложеніе вступить съ войскомъ въ Молдавію и Валахію. По его мнѣнію, опасность состояла въ томъ, что Австріи одной

[3]) Докладъ Кауница 12 февраля 1783 года.

[4]) Письмо Іосифа къ Екатеринѣ 19 Мая.

придется вести войну съ Портой, въ то время, какъ русскіе будутъ оставаться зрителями. Завоеванію Дунайскихъ княжествъ Іосифъ не придавалъ большаго значенія; изо всѣхъ турецкихъ провинцій они его наименѣе интересовали по ихъ ближайшему сосѣдству съ Россіей; къ тому же, если въ Петербургѣ и желали содѣйствія друга, то все же донынѣ избѣгали высказаться ясно и опредѣлительно о долѣ Австріи, и нельзя было быть увѣреннымъ, что продолжительное занятіе Молдавіи и Валахіи будетъ отвѣчать желаніямъ Россіи.

Императоръ принялъ выжидательное положеніе, преимущественно имѣя въ виду Францію. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ Вѣнѣ сочли нужнымъ изслѣдовать воззрѣнія версальскаго кабинета относительно раздѣла Турціи, и лучшій знатокъ дѣлъ востока, баронъ Тугутъ, получилъ порученіе воспользоваться своею поѣздкою въ Парижъ, чтобы частнымъ образомъ разъяснить этотъ вопросъ. Тугутъ расчитывалъ на поддержку австрійскаго посланника графа Мерси, но этотъ заранѣе высказалъ сомнѣніе, чтобы Морепа могъ быть подвигнуть на энергическую внѣшнюю политику. Кромѣ того французскіе министры запутались въ американскихъ дѣлахъ. Мерси не ошибся и Тугутъ еще въ 1777 г. получилъ убѣжденіе, что Франція не хочетъ участвовать въ дѣятельной политикѣ; изъ его разговоровъ съ другимъ французскимъ министромъ Верженемъ выяснилось, что тотъ не сомнѣвался въ критическомъ положеніи Турціи, но по его мнѣнію, паденіе этой имперіи было еще въ далекомъ будущемъ. Вержень признавалъ, что интересы Австріи будутъ глубоко затронуты, если на востокѣ послѣдуетъ катастрофа, и тогда уже на заботѣ вѣнскаго двора будетъ лежать пріисканіе мѣръ для отклоненія опасности, а Франція не откажетъ ей въ содѣйствіи, на сколько позволятъ обстоятельства. Парижскій кабинетъ ставилъ свой образъ дѣйствій въ зависимость отъ времени и событій и если паденію Турціи

нельзя будетъ воспрепятствовать, то онъ намѣревался захватить Кандію, Хіосъ, Кипръ и, можетъ быть, Египетъ. Въ составленіи заранѣе плана раздѣла Франція принимать участія не желала уже на томъ основаніи, что не хотѣла ускорять разрушенія Порты, а намѣченные ею острова надѣялась укрѣпить за собою безъ всякаго предварительнаго соглашенія [5]).

Кауницъ полагалъ, что возможность соглашенія съ Франціей не потеряна и мы видѣли, что вѣнскій кабинетъ настаивалъ въ Петербургѣ на привлеченіи ея къ союзу. Когда Россія склонилась на это желаніе, графу Мерси поручено было войти въ соглашеніе съ французскимъ правительствомъ; но извѣстія были неудовлетворительны: посланникъ 28 Декабря 1782 года донесъ, что, по словамъ Верженя, въ Европѣ нѣтъ державы, которая не выставила бы послѣдняго человѣка и не затратила послѣдняго геллера, чтобы помѣшать низверженію Порты. Изъ объясненій, данныхъ въ палатѣ лордомъ Шельбурномъ выяснилось, что Англія отъ души желаетъ возстановленія у себя мира, чтобы тѣмъ неусыпнѣе смотрѣть за событіями на востокѣ; изъ этого Мерси заключалъ, что между Франціей и Англіей состоялось соглашеніе удержать Турцію отъ паденія.

Французскій уполномоченный въ Вѣнѣ Бретейль писалъ въ Парижъ 1 Февраля 1783 года о своемъ трехчасовомъ разговорѣ съ императоромъ.„ Если турки, не уступятъ“, говорилъ Іосифъ, „то я завоюю Молдавію и Валахію и буду держать противъ Пруссіи 160 тыс. войска.“ При этомъ онъ указывалъ Франціи на Египетъ, надѣясь привлечь ее; но разговоръ этотъ происходилъ, когда въ Вѣнѣ еще не было извѣстно, что Турція приняла требуемыя Россіею пункты и разрывъ имѣлся въ виду.

Франція, до того времени занятая войною съ Англіей,

---

[5]) Донесеніе Тугута 6 Іюня 1779 года.

послѣ подписанія предварительныхъ условій мира получила возможность съ большею твердостью относиться къ замѣшательствамъ востока; и такъ какъ изъ Петербурга извѣщали, что не смотря на уступки Порты, Екатерина хочетъ вести наступленіе, то въ Версалѣ рѣшились вступить въ соглашеніе съ Австріей для установленія единообразной политики и Бретейль прибылъ къ Кауницу. Въ виду наступленія Россіи онъ спрашивалъ о мѣрахъ, которыя приметъ Австрія въ случаѣ войны. „Франція со своей стороны готова идти съ Австріей рука объ руку и обсуждать всѣ предположенія, клоняющіеся къ поддержанію Порты.“

Кауницъ отвѣчалъ: „Я выскажусь съ полной откровенностью, правдиво и опредѣлительно. Тѣже извѣстія о воинственномъ настроеніи Россіи получены и у насъ, но этимъ ограничиваются всѣ свѣдѣнія; какая у нея цѣль и точно ли намѣрены въ Петербургѣ произвести разрывъ, я знаю также мало, какъ и Вы. Австрія ходатайствуетъ и на Босфорѣ, и на берегахъ Невы о поддержаніи мира и предоставляетъ благоусмотрѣнію парижскаго кабинета также сдѣлать необходимыя попытки; остается только желать, чтобы представленія Франціи имѣли болѣе успѣха, нежели наши; пусть Франція рѣшитъ, не слѣдуетъ ли привлечь Англію, чтобы склонить Россію на миръ.“ Затѣмъ Кауницъ высказалъ, что между Австріей и Франціей имѣются общіе интересы, на чемъ и основана ихъ истинная дружба, но это не исключаетъ возможности каждой державѣ имѣть собственные, самостоятельные интересы. Для Австріи они состоятъ въ поддержаніи дружбы съ Россіей, чтобы не дать надъ собою преимущества прусскому королю. Предлагаемое Франціей соглашеніе канцлеръ отклонилъ, потому что „было бы необдуманно, торопливо и неосмотрительно теперь же принимать рѣшительныя мѣры. Всѣ обстоятельства еще такъ мало разъяснены, взгляды такъ различны, будущія

событія такъ неопредѣленны, что все идетъ на авось; теперь же остается узнать, какое вліяніе будутъ имѣть въ Петербургѣ представленія Франціи и Англіи [6])".

Положеніе, принятое въ восточномъ вопросѣ французскимъ правительствомъ, не удержало Кауница отъ подачи совѣта своему государю дѣйствовать сообща съ Россіей и онъ убѣдилъ его хоть частью удовлетворить требованіямъ Екатерины, которыя были прежде отклонены Іосифомъ. Эти требованія казались ему незначительными въ сравненіи съ опасностями, грозившими Австріи со стороны Пруссіи. Услуга Австріи заключалась въ томъ, что турокъ стали склонять къ уступчивости и интернунцію поручено было энергически настаивать въ Константинополѣ на уступкѣ Крыма. Онъ долженъ былъ объяснить, что Россія могла при заключеніи послѣдняго мира требовать себѣ полуостровъ и Порта не была бы въ состояніи отказать. Такъ какъ въ Кучукъ-Кайнарджскомъ договорѣ выговорена независимость Крыма, то въ сущности для Турціи не представляется новой потери, но только видоизмѣняется прежняя утрата. Если дойдетъ до войны, то Россія сдѣлаетъ еще большія завоеванія, такъ какъ Порта не можетъ расчитывать на чью либо помощь, и даже Австрія, вслѣдствіе оборонительнаго союза съ Россіей и важныхъ собственныхъ интересахъ, обусловленныхъ сосѣдствомъ, должна будетъ принять участіе въ войнѣ.

Турція увидѣла себя принужденною исполнить требованіе Россіи, потому что дѣйствительно ни съ какой стороны не имѣла поддержки. Франція все лѣто неустанно дѣйствовала, чтобы побудить державы заступиться за Порту; почти ко всѣмъ дворамъ были ею отправлены ноты, въ которыхъ указывалась опасность, еслибы Россіи удалось оторвать отъ Турціи кусокъ и французская дипломатія выказала большую дѣятельность въ Вѣнѣ, Берлинѣ и даже

[6]) Докладъ Кауница 24 Марта 1783 года.

Туринѣ. Французскія меморіи отличались полнотою и убѣдительностью, доказывая необходимость спасти турокъ и миръ Европы. Старательно были разобраны всѣ случайности, но это были только теоретическія изложенія, не имѣвшія силы. Въ Вѣнѣ, конечно, ее отклонили: Кауницъ съ шутками и насмѣшками относился къ взаимодѣйствію съ Франціей. Фридрихъ II высказалъ себя чрезвычайно равнодушнымъ и только въ Туринѣ показали готовность идти за одно съ Франціей. Англія въ теченіи лѣта была занята своими американскими дѣлами и даже, когда 3 Сентября 1783 года состоялся окончательный миръ, она не оказала особой склонности выступить противъ Россіи.

Въ виду равнодушія Европы Франція также отказалась отъ своей оппозиціи [7]). Въ концѣ Сентября сдѣлано было въ Петербургѣ заявленіе, что парижскій кабинетъ не противится присоединенію Крыма и Кубани, а Сенъ-При получилъ предписаніе совѣтовать Портѣ сдѣлать требуемую уступку.

Послѣ того, какъ Франціи не удалось расшевелить державы на защиту Турціи, она пожелала по крайней мѣрѣ принять сообща съ Австріей поручительство за соблюденіе договора между Россіей и Портой; но и это предложеніе отвергъ Кауницъ, объясняя, что со стороны явятся къ тому непреодолимыя затрудненія и возраженія. Къ тому же такая непрошенная гарантія не будетъ уважена, но она могла бы имѣть мѣсто, еслибы того требовали участвующія стороны и тогда императоръ готовъ будетъ принять поручительство [8]).

Осенью представители европейскихъ державъ положили сообща свое слово на вѣсы за сохраненіе мира и исполненіе русскихъ требованій; Англія, спльно подвигнутая Франціей, также присоединила свой голосъ. Россія предъявила

[7]) Moniteur, Juin 1885.

[8]) Депеша къ Мерси 3 Декабря 1783 года.

Турціи рѣшительное требованіе Австрія также и сторонникъ воинственной партіи Капуданъ-паша сдался на миръ. 8 Января 1784 года подписано было соглашеніе, по которому прежніе договоры между Россіей и Портой были подтверждены; ни слова не было упомянуто о Крымѣ, который такимъ образомъ какъ бы втихомолку предоставленъ былъ Россіи.

Радость на берегахъ Невы по поводу этого событія была понятна: безъ войны Россія пріобрѣтала значительную область и дальнѣйшія предпріятія открывались для нея въ пріятной перспективѣ. Екатерина приняла титулъ царицы Херсонеса-Таврическаго и наградила своихъ помощниковъ орденами и деньгами: Потемкинъ получилъ почетный титулъ князя Таврическаго; Кобенцель и австрійскій интернунцій были особенно отблагодарены; Сенъ-При и Анслей, послы Франціи и Англіи въ Константинополѣ, также не были забыты. Русскіе министры изливались въ благодарности и чувствахъ преданности къ Австріи; а Екатерина въ своихъ письмахъ къ императору не переставала выражать признательность за его сильную поддержку въ Константинополѣ, обѣщая своему другу при удобномъ случаѣ отплатить за услугу.

Когда осенью 1782 года изъ Петербурга сдѣланы были первые намеки на своевременность исполненія великаго проэкта, то императоръ, предвидя требованія царицы, приступилъ къ военнымъ приготовленіямъ: магазины были снабжены, воинскій матеріалъ посланъ въ Венгрію, съ подрядчиками заключены контракты и Ласси выработалъ планъ похода. Теперь все это оказывалось излишнымъ, и чтобы нѣкоторымъ образомъ возмѣстить сдѣланныя затраты, Іосифъ считалъ удобнымъ требовать отъ Порты исправленія границъ. Онъ намѣревался возстановить условія бѣлградскаго мира, объявя всѣ позднѣйшіе договоры недѣйствительными; такимъ образомъ онъ надѣялся получить такъ называемую

австрійскую Валахію, оба устья Савы, область между Кроаціей и Славоніей и потребовать срытія вновь отстроенныхъ крѣпостей Бѣлграда и Орсовы. За исполненіе этихъ требованій императоръ готовъ былъ заплатить Турціи милліонъ гульденовъ, но Кауницъ замѣтилъ ему, что добровольной уступки областей даже за деньги нельзя ожидать отъ Порты, что дружескіе переговоры не поведутъ ни къ чему, а слѣдуетъ поступить такъ, какъ было сдѣлано въ свое время при требованіи Буковины, а именно, вступить въ фактическое обладаніе областью Унны и тогда открыть переговоры. Онъ полагалъ однако полезнымъ сговориться на этотъ счетъ съ Россіей и выждать время, когда совершится полный разрывъ ея съ Портою; хотя при этомъ указывалъ на опасность, что Екатерина, прельстясь планомъ расширенія границъ, задуманнымъ Австріей, потребуетъ себѣ Очаковъ [9]). Кога Гербертъ извѣстилъ, что русскія условія мира приняты Портой, то императоръ очень обрадовался, что дѣло приняло такой оборотъ и возобновилъ вопросъ, не настало ли время повести переговоры объ уступкѣ Унны; но Кауницъ опасался, что это произведетъ въ Петербургѣ дурное впечатлѣніе, говоря, что съ Портой также нельзя начинать объясненій, не выставя предварительно вдоль Унны военный кордонъ, который отрѣзывалъ бы желаемый округъ; но и этого нельзя сдѣлать безъ насилія, потому что вдоль Унны имѣется нѣсколько укрѣпленныхъ фортовъ.

16 Января 1784 года, находясь въ Италіи, императоръ писалъ Кауницу, чтобы онъ требовалъ отъ Порты для Австріи одинаковыхъ правъ съ Россіей какъ по вопросамъ торговли, такъ и въ свободѣ плаванія по Дунаю и чрезъ Дарданеллы; интернунцію поручено было вести переговоры въ этомъ смыслѣ, и по этимъ пунктамъ надѣялись добиться уступки, но пріобрѣтеніе округа Унны было труд-

[9]) Докладъ 4 Января 1783 года.

нѣе; и когда императоръ сталъ настаивать, [10]) то Порта отнеслась къ требованіямъ Австріи рѣзче, нежели того ожидалъ Іосифъ; въ Константинополѣ даже рѣшались на войну. Донесенія Герберта не оставляли никакой надежды; „если желаете достичь цѣли“ — писалъ онъ — „то надо на границѣ сдѣлать военную демонстрацію и показать, что мы сильны.“

Но императоръ не хотѣлъ доводить дѣла до этого и его желаніе овладѣть Босніей потерпѣло неудачу. „Пріобрѣтеніе этаго округа“, говорила его резолюція на докладѣ отъ 27 Іюня 1784 года, „не окупить издержекъ; еще есть время воздержаться. Я отдамъ надлежащія приказанія и при лучшихъ обстоятельствахъ подумаю о пріобрѣтеніи чего нибудь болѣе положительнаго“.

Въ глазахъ Іосифа союзъ съ Россіей не былъ полезенъ для дѣлъ востока; но за то на первомъ планѣ стояли крупныя выгоды, которыя можно было извлечь изъ дружбы съ царицей въ германскихъ вопросахъ. У него явился проэктъ обмѣна Бельгіи на Баварію, и когда мысль эта была также одобрена Кауницемъ, то приступили къ ея осуществленію. Время для этого было удобное: на поддержку Россіи можно было съ увѣренностью разсчитывать послѣ тѣхъ словъ благодарности, которыя высказала Екатерина за услуги Австріи въ Константинополѣ; а съ содѣйствіемъ Петербургскаго кабинета легко будетъ устранить сопротивленіе Пруссіи.

Въ Маѣ 1784 г. Іосифъ извѣстилъ царицу о своихъ планахъ, прося подержать ихъ. Не въ благодарность за услугу, оказанную имъ въ Константинополѣ, просилъ онъ содѣйствія Россіи, но указывалъ на свою мысль, какъ на первый шагъ для проведенія великаго проэкта; если бы предложенный обмѣнъ состоялся, то чрезъ него достига-

10) Рѣшеніе Іосифа на докладъ 31 Января 1784 года.

лась общая цѣль императорскихъ дворовъ — ослабленіе прусскаго могущества, и тогда исполненіе великаго плана Екатерины можно было бы считать обезпеченнымъ. Вообще усматривалось, что наступилъ моментъ къ возстановленію прежняго договора, направленнаго противъ Пруссіи.

Въ депешѣ вице-канцлера графа Остермана къ князю Голицыну, отъ 15—26 Мая 1784 г., было сказано: „Необходимо предварительно сговориться о всѣхъ способахъ и средствахъ, которыя окажутся нужнымъ для возстановленія политической системы, усвоенной императорскими дворами при блаженной памяти императрицѣ Елисаветѣ и Маріи Терезіи, что составитъ начало пути къ осуществленію обширнаго плана, условленнаго между императрицею и императоромъ Іосифомъ въ ихъ частной перепискѣ".

Баварскій обмѣнъ встрѣтилъ на берегахъ Невы живое сочувствіе и русская дипломатія при мелкихъ нѣмецкихъ дворахъ занялась приглашеніемъ ихъ вступить въ задуманную противъ Пруссіи лигу. Изъ Лондона Воронцовъ дѣлалъ представленія Гановеру, въ Дрезденѣ работалъ Сакенъ, оба однако безуспѣшно и только Гессенъ-Кассельскій ландграфъ оказался доступнымъ убѣжденіямъ Румянцева и извѣстилъ императорскіе дворы о своемъ согласіи, причемъ высказывалъ свое желаніе получить курфирстское достоинство, что и было ему обѣщано Екатериной.

Поддержка Россіи оказалась, однако, недостаточною къ отстраненію затрудненій, встрѣченныхъ для завладѣнія Баваріей; дѣло замялось и Воронцовъ утѣшалъ австрійскаго посланника [11]), говоря, что надо выждать болѣе благопріятной минуты, а пока, вмѣстѣ съ Россіей, дѣлать подготовку почвы. По его мнѣнію, Австрія сначала должна имѣть въ виду возвращеніе Силезіи, а Нидерландовъ уступать не для чего, потому что Бавaрія и безъ того достанется Австріи.

[11]) Депеши Кобенцеля 21 Января и 21 Февраля 1785 г.

Большія внутреннія реформы заняли императора въ слѣдующемъ 1785 году и изъ его интимной переписки съ братомъ Леопольдомъ не видно, чтобы востокъ очень занималъ его. Правда, между Кобенцелемъ и русскими министрами упоминалось по временамъ о великомъ проэктѣ, но разговоры эти имѣли болѣе теоретическій характеръ для убѣжденія Россіи, что низверженіе Турціи стоитъ въ тѣсной зависимости отъ ослабленіи Пруссіи. Самъ же Іосифъ твердо надѣялся на сохраненіе мира и хотѣлъ на досугѣ провести въ Венгріи и Бельгіи свои реформаторскіе планы.

Между тѣмъ съ 1786 года опять явилась возможность столкновенія Россіи съ Портою; нападеніе лезгинъ на Грузію и поддержка, оказанная имъ пашею Ахалцыха служили тому поводомъ. Царица обратилась съ письмомъ къ Іосифу, прося его поддержать ея требованія въ Константинополѣ, и тутъ же въ постскриптумѣ сообщала о своемъ намѣреніи предпринять въ слѣдующемъ году путешествіе на югъ своей имперіи, выражая при этомъ надежду, что императоръ исполнитъ данное имъ обѣщаніе сопровождать ее. Іосифъ ожидалъ этого приглашенія, но все таки письмо произвело на него непріятное впечатлѣніе; во первыхъ, къ нему обратились за содѣйствіемъ уже послѣ того, какъ просили о посредничествѣ Францію, а во вторыхъ, за самую форму приглашенія. Іосифъ былъ мало расположенъ исполнить просьбу царицы, и въ отвѣтѣ своемъ, указывая на разницу своего прежняго и настоящаго положенія, лишь условно говорилъ о пріѣздѣ [22]).

Въ головѣ императора зрѣла мысль о полномъ измѣненіи политики, а именно: онъ думалъ о союзѣ съ Пруссіей. Смерть врага его Фридриха Великаго и воспоминаніе о ничтожныхъ результатахъ союза съ Россіей навели Іосифа на соображенія которыя онъ изложилъ въ собственноруч-

[12]) Письма Іосифа къ Кауницу 9 Августа и къ Леопольду 28 Августа 1786 года.

номъ письмѣ къ канцлеру. Письмо это помѣчено 6 Декабря; чрезъ четыре дня послѣдовали на это замѣчанія канцлера и возраженія его были на столько вѣски, что императоръ отказался отъ своего плана и письмомъ отъ 22 Декабря уже извѣщалъ царицу о своемъ намѣреніи прибыть въ Херсонъ. Къ этому побудили его и замѣчанія брата его Леопольда объ опасности оскорбить царицу.

Согласно ожиданіямъ Кауница, вторичное свиданіе скрѣпило искреннія соглашенія Австріи съ Россіей; Екатерина была въ восхищеніи: „Графъ Фалькенштейнъ“, говорила она, „человѣкъ, котораго я люблю и уважаю болѣе всѣхъ на свѣтѣ“.

Дѣйствуя согласно совѣтамъ, даннымъ ему канцлеромъ, императоръ старался скрѣпить личную дружбу съ царицей, не говоря о дѣлахъ; да и къ тому же нидерландскія событія занимали его болѣе, чѣмъ восточные планы Екатерины. Тѣмъ не менѣе онъ не упустилъ изъ виду, что царицу занимала мысль о войнѣ съ Турціей, но надѣясь отсрочить это событіе, Іосифъ при прощаніи передалъ ей меморію, составленную Кауницемъ; ставя основнымъ принципомъ соглашенія восточные планы Екатерины, въ меморіи высказывалась необходимость сильнаго воздѣйствія на Пруссію. Въ сущности же это было повтореніе тѣхъ возрѣній канцлера, которыя составляли его неустанную работу въ теченіи всей его политической дѣятельности.

Когда Кобенцель сообщилъ въ Вѣнѣ, что онъ получилъ приглашеніе сопровождать царицу въ ея путешествіи по Россіи, то Кауницъ переслалъ ему нѣкоторыя замѣчанія для передачи ихъ при разговорахъ съ Безбородко „Слѣдуетъ искать союза не съ Англіей, а съ Франціей“, говорила княжеская программа; „войдите въ соглашеніе на счетъ средствъ и способовъ извлечь изъ Польши наибольшую выгоду; польская корона не должна принадлежать Пястамъ, ее слѣдуетъ присоединить, положимъ,

хоть къ Саксоніи". Нѣсколько мѣсяцевъ спустя канцлеръ вторично писалъ Кобенцелю, предлагая политическую программу, которой должны держаться императорскіе дворы. Ослабленіе прусскаго королевства необходимо, иначе проведеніе великаго проэкта будетъ ненадежно и содѣйствіе Австріи парализовано; для достиженія этой цѣли слѣдуетъ, избѣгая связи съ Англіей, присоединить къ союзу Францію и спокойно выжидать моментъ, когда можно будетъ съ увѣренностью обратиться противъ Пруссіи; этотъ моментъ настанетъ, когда Франція будетъ въ войнѣ съ Англіей.

Прибывшій изъ Константинополя въ Херсонъ австрійскій интернунцій имѣлъ инструкцію Кауница стараться объ отстраненіи разногласія между Россіей и Портой, доказывая туркамъ, что русскія требованія основаны на буквѣ трактата; поэтому казалось, что соединенныя старанія дворовъ поддержать миръ будутъ имѣть успѣхъ. Вліятельные русскіе вельможи: Безбородко, Воронцовъ и Марковъ выражались въ успокойтельномъ духѣ: „Мы возьмемся за оружіе лишь въ томъ случаѣ, если насъ къ тому принудятъ," говорили они въ одинъ голосъ. Послѣ посѣщенія царицею южно-русскихъ областей казалось, что воинственная жажда оставила ее.

Но надежды на миръ оказались ошибочными; вскорѣ по возвращеніи Екатерины въ Петербургѣ получились извѣстія, что Порта мало расположена исполнить русскія требованія. „Хорошо, что наступило позднее время года", писалъ Кобенцель, „такъ какъ разговоръ мой съ царицей не оставляетъ и тѣни сомнѣнія, что она рѣшилась нанести Турціи ударъ".

„Это будетъ истинное несчастіе," говорилъ я ей; „хорошо бы выждать минуту, когда Пруссія будетъ замѣшана въ какую нибудь войну". Вмѣстѣ съ тѣмъ я указывалъ на возможность вмѣшательства Франціи.

Враждебное настроеніе Франціи не пугало однако царицы. „У вашего шурина нѣтъ денегъ“, отвѣчала она.

Соглашаясь съ мнѣніемъ, что было бы полезнымъ отвлечь вниманіе Пруссіи, она закончила рѣчь любимымъ выраженіемъ Кауница „будь что будетъ“ (alors comme alors) [13]).

Но вотъ пришла въ Вѣну неожиданная вѣсть о заключеніи Булгакова въ семибашенный замокъ и Австрія горячо принялась улаживать распрю; въ Петербургѣ она проповѣдывала миръ, а въ Версали старалась заручиться поддержкой Франціи, чтобы произвести давленіе на турокъ; французскій кабинетъ долженъ былъ объяснить Портѣ, что Австрія готова поддержать Россію, несмотря на войну, которую ведетъ въ Нидерландахъ.

Хотя въ Вѣнѣ жестко высказывались противъ ненасытнаго честолюбія Екатерины, но были и горячіе защитники ея политики и къ числу такихъ принадлежалъ Кобенцель. Въ Петербургѣ ловко умѣли отуманивать иностранныхъ пословъ, внушая имъ увѣренность въ неистощимыя средства сѣверной державы. „Россія не нуждается въ посторонней помощи“, значилось въ донесеніи австрійскаго посланника; —„ея силы вполнѣ достаточны, чтобы справиться съ Турціей, тѣмъ болѣе, что рѣчь идетъ не объ изгнаніи турокъ изъ Европы, а лишь о завладѣніи Очаковомъ. Россія можетъ прислать свой флотъ предъ Константинополь, зажечь городъ и въ тоже время, осадивъ Очаковъ, взять его. Кто можетъ требовать, чтобы Россія отказалась заручиться нѣкоторыми успѣхами, и для чего вѣнскій кабинетъ ее отговариваетъ? Воздержится ли Австрія отъ нападенія на Силезію, сли будетъ убѣждена въ возможности овладѣть ею, и послушаетъ ли въ этомъ случаѣ мирныхъ совѣтовъ Франціи?“. [14]).

---

13) Донесеніе Кобенцеля 24 Августа 1787 года.

14) Записка Кобенцеля 1787 г. Refléxions sur l'état présent des affaires.

Еще недавно Кауницъ находилъ время неблагопріятнымъ для военныхъ предпріятій, но когда въ Россіи сочли, что наступилъ часъ покончить съ Портою, не ожидая ослабленія Пруссіи или войны Франціи съ Англіей, то канцлеръ поспѣшилъ, прежде чѣмъ прибыло изъ Петербурга приглашеніе къ участію въ войнѣ, высказать заранѣе готовность оказать содѣйствіе. По его совѣту императоръ 30 Августа писалъ въ Петербургъ: „Царица можетъ съ полною увѣренностью положиться на искреннюю преданность ея вѣрнаго союзника и истиннаго друга".

Въ депешѣ, посланной Кауницемъ Кобенцелю, значилось: „можно было предвидѣть, что рано или поздно бомба должна разразиться; а нынѣ положеніе политическихъ дѣлъ даже благопріятно для предпріятія. Порта предъ всею Европою явилась открытою нарушительницею мира вслѣдствіе своего непозволительнаго поступка. Россія ведетъ оборонительную войну и безспорно имѣетъ право воззвать къ союзной помощи; Австрія, исполнивъ эту просьбу, сдѣлаетъ лишь то, что совѣсть, справедливость и долгъ требуетъ отъ нея".

„Соображая политическое положеніе Европы, мы видимъ Францію въ самомъ затруднительномъ финансовомъ положеніи и въ тягостныхъ усложненіяхъ по голландскому вопросу съ Англіей и Пруссіей. Фридриха II уже нѣтъ на свѣтѣ, а его наслѣдникъ въ переговорахъ выказывается слабымъ и нерѣшительнымъ. Не говоря уже о силѣ Россіи, все указываетъ на возможность для нея успѣшней борьбы съ Портою; поэтому казалось бы, что Австріи достаточно сдѣлать небольшую демонстрацію, и только при вмѣшательствѣ третьей державы приступить къ серьезному наступленію".

„Но, по внимательномъ обсужденіи, эта пассивность окажется опасною: можетъ случиться, что Россія окончитъ войну съ большею выгодою и тогда на востокѣ нарушится равновѣсіе. Она достигнетъ своихъ стремленій а Австрія оста-

нется между страхомъ и надеждою, не зная, какую роль принять, и вмѣсто ожидаемыхъ вознагражденій обстоятельства могутъ повернуться противъ нея".

По этимъ соображеніямъ Іосифъ въ своемъ письмѣ къ Екатеринѣ отъ 30 Августа высказалъ полную готовность исполнить свои обязательства. До полученія этого письма царица обратилась къ князу де-Линь съ вопросомъ: „Полагаете ли вы, что я найду друзей?" И когда прибыло письмо, то Екатерина была въ восторгѣ: „Это рѣшеніе", говорила она Кобенцелю, „выказываетъ великаго государя и геніальнаго человѣка! чѣмъ заслужила я такого горячаго и великодушнаго друга? я могла выказать ему только свои добрыя намѣренія, а теперь онъ меня вторично обязываетъ".

Замѣчательно, что рѣшеніе Австріи принять участіе въ войнѣ не встрѣтило въ петербургскихъ кружкахъ всеобщаго сочувствія; многія лица, сознавая силу Россіи, желали, чтобы она вела войну безъ союзника, тѣмъ болѣе, что Австрія при своихъ отношеніяхъ къ Франціи не совсѣмъ была свободна; да и Пруссія, при участіи въ дѣлѣ Австріи, могла найти случай вмѣшаться. На берегахъ Невы удовольствовались бы однимъ обѣщаніемъ Австріи взяться за мечъ, если-бы Пруссія приняла сторону Турціи.

Когда Австрія высказалась за принятіе участія въ войнѣ, то соглашеніе о раздѣлѣ Турціи еще не было приведено въ ясность. Письма, которыми обмѣнивались обѣ стороны, имѣли значеніе простыхъ сношеній для узнанія взглядовъ, и только словесно чрезъ Безбородко было высказано Кобенцелю, что царица ничего не будетъ имѣть противъ желаній, выраженныхъ Іосифомъ; поэтому, когда шли разговоры о раздѣлѣ Турціи, то подразумѣвали, что въ Петербургѣ какъ бы согласны на проэктъ Іосифа *). Но скоро

*) Изъ депеши Кобенцеля къ Тугуту 5 Января 1795 года.—Тугутъ и его политическая система, Вѣна 1870 г.

выяснилось, что въ предстоявшей войнѣ Россія имѣла въ виду не полное разрушеніе Порты, а только взятіе Очакова, Іосифу же предлагали захватить Бѣлградъ и Боснію, слѣдовательно, рѣшаясь на войну, императоръ былъ въ заблужденіи и въ сущности Австрія служила лишь диверсіей.

Радостно привѣтствовалъ Кобенцель рѣшеніе своего двора. „Разрывъ съ Портою“,писалъ онъ въ Вѣну,„былъ неизбѣженъ и служитъ предлогомъ, чтобы придти къ цѣли, которая составитъ вѣчную славу царствованія Іосифа“. Австрійскій посланникъ усвоилъ себѣ взглядъ, преобладавшій въ Петербургѣ, что война будетъ непродолжительна, особенно же при содѣйствіи Австріи, и это мнѣніе было поддержано нѣкоторыми успѣхами русскихъ войскъ еще осенью 1787 года. Іосифъ съ обычной дѣятельностью занялся приготовленіями; въ ту же осень сдѣлано было распоряженіе о сосредоточеніи войскъ въ Венгріи и всѣ полки, находившіеся въ Богеміи и Моравіи, размѣщены были вдоль турецкой границы.

До объявленія войны Австрія намѣревалась усилить свое положеніе захватомъ Бѣлграда, въ которомъ уже въ продолженіи пяти лѣтъ поддерживались сношенія съ живущими въ немъ греками. Іосифъ придавалъ большое значеніе обладанію этой крѣпостью, тогда какъ Кауницъ совѣтовалъ взять Хотинъ. Между императоромъ и его министромъ существовало различіе взглядовъ на счетъ турецкихъ провинцій, подлежавшихъ завоеванію и это разнорѣчіе не осталось безъ вліянія на ходъ кампаніи. Іосифу приписываютъ слѣдующія слова: „Русскіе стоятъ на дорогѣ къ Константинополю и мы должны предупредить ихъ“

Неоспоримо, что въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда Россія стремилась раздвинуться до Дуная, Австрія держалась аксіомы, что чуждыя державы не должны утверждаться на рѣкѣ, составляющей жизненную артерію

имперіи. Кауницъ руководствовался этимъ взглядомъ, тогда какъ Іосифъ считалъ завоеваніе Молдавіи и Валахіи не столь важнымъ, какъ обладаніе Сербіей и прилежащими къ ней областями. Не Черное море соблазняло его, но Адріатическое и на основаніи этого онъ желалъ присоединить Далмацію, уступивъ взамѣнъ ея венеціанцамъ какую либо часть раздробленной Турціи. По этому то въ Вѣнѣ и не сочувствовали предложенію Екатерины привлечь Венецію къ участію въ войнѣ [15]).

Два венгерскихъ баталіона съ артиллеріей должны были сдѣлать попытку захватить Бѣлградъ, и въ двухъ миляхъ отъ него спущены были на воду приготовленныя баркп. Въ ночь со 2 на 3 Декабря, пока турки спали, сообщники Австріи открыли ворота крѣпости, но густой туманъ помѣшалъ войску пристать къ берегу; только небольшое число его достигло назначеннаго пункта, остальныя же заблудились въ островахъ. Такимъ образомъ предпріятіе не удалось; вторая попытка 17 Января не была удачнѣе первой.

До этого времени императоръ медлилъ объявленіемъ войны, желая открыть ее крупнымъ совершившимся фактомъ, но въ Петербургѣ это замедленіе вызвало неблагопріятные отзывы и русскіе министры штурмовали Кобенцеля. Царица желала, чтобы неопредѣленность положенія Австріи выяснилась предъ европейскими дворами, потому что тогда можно будетъ видѣть, чего отъ нихъ ожидать. Хотя Іосифъ не желалъ дѣлать рѣшительнаго шага до прибытія всѣхъ войскъ къ назначеннымъ пунктамъ, но въ виду представленій канцлера рѣшилъ 17 Января, чтобы баронъ Гербертъ передалъ Портѣ объявленіе войны.

9 Февраля 1788 года интернунцій сообщилъ Дивану ноту, въ которой говорилось, что Турція не обратила вни-

[15]) Депеша Кобенцелю 12 Октября 1787 г.

манія ни на справедливыя требованія Россіи, ни на старанія Австріи поддержать миръ, поэтому извѣстная дружба царицы съ императоромъ обязываетъ его исполнить договоръ и принять участіе въ войнѣ.

Такимъ образомъ Австрія вступила на скользкій путь приключеній, которыхъ избѣгала и ея войска сражались за одно съ русскими противъ Порты, хотя поддержаніе существованія послѣдней было въ интересахъ Австріи. Поэтому нельзя допустить мысли, чтобы Іосифъ предпринялъ войну съ особенною радостью и только настоянія канцлера побудили его къ тому. Кауницъ доказывалъ, что въ виду международнаго обязательства Австріи нельзя безъ нарушенія договора оставаться въ бездѣйствіи въ то время, какъ Россія уже взялась за мечъ. Впрочемъ въ Вѣнѣ ласкали себя надеждою, что при энергическомъ веденіи войны политика Австріи избѣгнетъ всѣхъ опасностей, послѣ нѣсколькихъ сраженій будетъ законченъ миръ и имперія получитъ соразмѣрное вознагражденіе.

Еще осенью 1787 года Іосифъ передавалъ чрезъ посредство князя де-Линь слѣдующій планъ воинныхъ дѣйствій: послѣ взятія русскими Очакова они должны приблизиться къ Аккерману, перенеся грозу на берега Дуная; другая ихъ армія должна была блокировать Бендеры, облегчая чрезъ то операцію австрійцевъ противъ Бѣлграда, Орсовы и Виддина. Императоръ рѣшительно высказался противъ совѣта русскихъ сдѣлать нападеніе на Хотинъ, и взявъ его, пройти Молдавію и вторгнуться въ Валахію; онъ находилъ, что для этого нуженъ былъ бы военный обозъ, содержаніе котораго представило бы величайшія затрудненія.

Въ Петербургѣ были согласны на все; Остерманъ высказывалъ Кобенцелю, что царица признаетъ въ императорѣ великія военныя дарованія и искренне желаетъ, чтобы Австрія скорѣе вступила въ обладаніе Босніей и Сербіей,

а въ Албаніи, дойдя до моря, закрѣпила бы за собою всѣ земли, которыя по соглашенію должны были ей достаться.

Первый походъ совершенно не удался: планъ его былъ основанъ на взаимодѣйствіи австрійскаго и русскаго полководцевъ, а между тѣмъ Россія вышла на войну не подготовленною и лишь послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ могла начать дѣйствія, тогда какъ австрійскія силы давно стояли въ полѣ. Императоръ въ полномъ довѣріи къ воинскимъ талантамъ фельдмаршала Ласси оставилъ за нимъ главное управленіе, а самъ, учредя квартиру въ Землинѣ, ожидалъ паденія крѣпостей Сабаца, Бѣлграда и Видина. На выручку ихъ турецкая армія не являлась, но Іосифъ, прибывъ лично на театръ войны, не нашелъ никакихъ приготовленій къ осадѣ. Весна проходила и къ концу Мая задуманное предпріятіе представлялось опаснымъ, потому что изъ Софіи получились извѣстія о сосредоточеніи турецкаго корпуса, который чрезъ мѣсяцъ могъ появиться предъ Бѣлградомъ. Лучшее время прошло безполезно, климатъ и дурная пища разрушительно дѣйствовали на войска. Еслибъ предъ русскими палъ Очаковъ, то стало бы возможнымъ, что въ Петербургѣ удовольствуются этимъ успѣхомъ и захотятъ кончить войну, поэтому и Австріи надлежало спѣшить, чтобы извлечь какія либо выгоды. Но императоръ уже не надѣялся навернуть утраченное время и къ тому же его начало безпокоить настроеніе европейскихъ дворовъ.

Нѣкоторый успѣхъ одержалъ въ этотъ походъ только принцъ Кобургскій, начальствовавшій частью арміи, расположенной въ Галиціи, но успѣхъ этотъ былъ въ противурѣчіи съ планомъ кампаніи, составленнымъ императоромъ. Принцъ располагалъ двинуться въ Молдавію, расчитывая на поддержку русскихъ войскъ, расположенныхъ въ Украйнѣ. Въ концѣ Января, получивъ послѣднія подкрѣпленія изъ Венгріи, корпусъ принца предпринялъ наступленіе, имѣя

въ виду овладѣть Хотиномъ; вмѣстѣ съ тѣмъ австрійцы отнеслись къ русскому военачальнику Салтыкову съ просьбою придвинуть свои аванпосты до Каменца, чтобы прикрыть лѣвую сторону Вислы, но этотъ не рѣшался дѣйствовать безъ согласія Румянцева. Послѣдовалъ обмѣнъ писемъ, причемъ терпѣніе принца было подвергнуто величайшему испытанію; взятіе Хотина не представляло затрудненій, но безъ содѣйствія русскихъ силы принца были слишкомъ незначительны. Только въ концѣ Марта получено было согласіе Румянцева и у принца возродилась надежда взять крѣпость и овладѣть Молдавіей; молдаване были одушевлены воинственнымъ духомъ, предлагая вооружиться и служить безъ жалованья. Впрочемъ они отклонили предложеніе включить ихъ въ составъ австрійскихъ войскъ, а просили только дать имъ начальниками австрійскихъ офицеровъ. Императоръ Іосифъ съ трудомъ далъ на это свое согласіе.

19 Апрѣля 1788 года полковникъ Фобри во главѣ австрійскихъ войскъ вступилъ въ Яссы; Ибрагимъ паша поспѣшно отступилъ, а князь Ипсиланти далъ себя поймать австрійцамъ. Настроеніе страны было для нихъ благопріятно; митрополитъ съ духовенствомъ въ сопровожденіи гражданъ при звонѣ колоколовъ вышелъ войскамъ на встрѣчу, и бояре просили, чтобы австрійцы не покидали Яссъ.

Кобургскій принцъ желалъ продолжительнаго занятія страны. „Ежели оставить молдаванъ на произволъ судьбы, писалъ онъ императору, то можно опасаться, что отчаяніе овладѣетъ ими и тогда, чтобы заслужить прощеніе Порты, они обратятъ свое оружіе противъ насъ“. Обладаніе Молдавіею, какъ базисомъ для дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій, казалось принцу столь вѣрнымъ, что онъ вторично просилъ Румянцева о поддержкѣ и настоятельно убѣждалъ императора прислать ему подкрѣпленіе, чтобы не быть вынужденнымъ покинуть эту чудную страну.

Императоръ не согласился на предложеніе принца и приказалъ очистить Яссы, но Кобургскій принцъ не исполнилъ этого предписанія [16]), потому что, обладая столицей Молдавіи, онъ отрѣзывалъ у хотинскаго гарнизона подвозъ припасовъ, что давало надежду на сдачу крѣпости. Вмѣстѣ съ тѣмъ пребываніе Фобри въ Яссахъ служило охраной семиградскому корпусу. Изъ русской главной квартиры князь де-Линь извѣщалъ также, что пребываніе австрійцевъ въ Яссахъ облегчаетъ его операціи. Принцъ Кобургскій совѣтовалъ даже императору полное завоеваніе княжествъ, указывая на большія выгоды для Австріи отъ расширенія ея границъ. „Если эти земли останутся за турками“—писалъ онъ—„то ими овладѣетъ Россія, что было бы очень вредно, потому что тогда Австрія будетъ имѣть на своихъ окраинахъ двухъ могущественныхъ сосѣдей.“

При повторенномъ приказаніи Іосифа, который въ своемъ письмѣ высказывалъ неудовольствіе на непослушаніе, принцъ выказалъ тоже упорство: онъ остался при прежнемъ мнѣніи и писалъ императору, что Хотинъ долженъ пасть, что взятіе этой крѣпости обезпечиваетъ Галицію и Буковину. Эта настойчивость Кобургскаго увѣнчалась успѣхомъ и 19 Сентября онъ могъ донести монарху о капитуляціи крѣпости.

Хотя первый походъ не отвѣчалъ великимъ надеждамъ, возлагавшимся на него, но въ Вѣнѣ ожидали, что съ окончаніемъ его наступитъ миръ; положеніе Австріи на театрѣ войны не внушало опасеній; кромѣ Молдавіи, Австрія имѣла въ своихъ рукахъ нѣсколько значительныхъ крѣпостей: Забрестъ, Нови, Дубицу, но опасность грозила съ другой стороны. Густавъ III объявилъ Россіи войну, а это событіе указывало, что Пруссія и Англія также вмѣ-

[16]) Письмо принца, полученное императоромъ въ главной квартирѣ 8 мая 1788 года.

шаются въ дѣло и воспрепятствуютъ планамъ императорскихъ дворовъ.

Хотя Кауницъ не допускалъ возможности подобныхъ событій, но Іосифа тревожили натянутыя отношенія къ Пруссіи и планы ея министра Герцберга, почему онъ и полагалъ, что находится наканунѣ европейской войны.

Цѣлыя десять лѣтъ вѣнскій кабинетъ заботился внушать прусскому наслѣдному принцу Фридриху Вильгельму дружескія чувства. Съ любимыми имъ личностями: Михелемъ и Гумбольдомъ поддерживали искреннія отношенія. Подъ величайшимъ секретомъ кронпринцу сообщена была копія записки Кауница къ королю Фридриху II, переданной ему при Нейштадтскомъ свиданіи и содержащей политическій катехизисъ Австріи, изъ котораго выяснилось, что она не имѣетъ противъ Пруссіи враждебныхъ намѣреній. Этими способами удалось ослабить тѣ непріязненныя чувства, которыя Фридрихъ Великій старался внушить своему племяннику противъ Австріи. Наслѣднику прусскаго престола много разъ оказывали услуги, ссужая его деньгами; судя по характеру лицъ, окружавшихъ его, расчитывали, что принцъ при своемъ воцареніи не станетъ вмѣшиваться въ политическія комбинаціи, и при немъ Пруссія сойдетъ съ того грознаго пьедестала, который занимала при Фридрихѣ II.

Тѣмъ не менѣе, благопріятный моментъ для сближенія обѣихъ нѣмецкихъ державъ, наступившій со смертью великаго короля, былъ пропущенъ. Настроеніе Іосифа къ заключенію дружескаго союза съ сосѣдомъ встрѣтило сопротивленіе въ его маститомъ канцлерѣ; Кауницъ крѣпко держался своихъ традицій, и нѣсколько мѣсяцевъ спустя по вступленіи на престолъ новаго короля, Австрія и Пруссія по старому стали противницами во всѣхъ политическихъ вопросахъ.

Въ Берлинѣ радостно привѣтствовали начало войны обѣихъ имперій съ Турціей. Ежели въ Вѣнѣ съ удовольствіемъ смотрѣли на несогласія Пруссіи съ Голландіей, за которую стояла Англія, то въ прусской столицѣ надѣялись, что Австрія, затѣявъ войну съ Портою, ослабитъ чрезъ то свои связи съ Франціей, и если при случайностяхъ войны она къ тому же не исполнитъ обязательствъ, принятыхъ предъ Россіей, то можетъ произойти разрывъ австро-русскаго союза и возвращеніе симпатій царицы къ Пруссіи, цѣль, которую Герцбергъ именно избралъ задачею прусской политики.

Хотя въ послѣдніе года Австрія безпрестанно указывала на необходимость ограниченія силы Пруссіи, но въ Петербургѣ многіе были недовольны измѣненіемъ отношеній къ прежней многолѣтней союзницѣ; и ежели Безбородко въ объясненіяхъ съ Кобенцелемъ высказывалъ согласіе со взглядами австрійскаго канцлера, то другая значительная партія въ Петербургѣ не допускала до полнаго разрыва съ Пруссіей. Предъ началомъ Турецкой войны вице-канцлеръ Остерманъ высказалъ прусскому посланнику, что царица разсчитываетъ на благодарность Пруссіи за оказанныя ей услуги, намекнувъ при этомъ, что въ предстоявшую войну Пруссія тоже можетъ надѣяться сдѣлать нѣкоторыя пріобрѣтенія.

Отъ берлинскаго кабинета послѣдовалъ отвѣтъ, что Пруссія готова выплатить военную субсидію, опредѣленную союзнымъ договоромъ и приметъ на себя обязанность сообщать изъ Константинополя въ Петербургъ всѣ нужныя свѣдѣнія въ виду того, что русскій посолъ находится въ заточеніи. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя Фридрихъ Вильгельмъ предложилъ царицѣ свои услуги для доставленія ей почетнаго мира. Со стороны русскаго двора послѣдовалъ отвѣтъ, хотя не вполнѣ опредѣлительный, но и не отрицательный и графъ Герцбергъ возымѣлъ надежду привлечь Россію къ англо-прусскому союзу.

Намеки Остермана, какъ кажется, относились къ старому проэкту Герцберга, надъ которымъ мысль его работала многіе годы и который онъ рекомендовалъ Фридриху Великому, а за тѣмъ и его наслѣднику. Согласно этому плану, Порта должна была отречься отъ Крыма и уступить Россіи Бессарабію съ Очаковомъ; Молдавія съ Валахіей доставались Австріи, а она должна была возвратить Галицію Польшѣ, отъ которой Пруссія получила бы Данцигъ, Познань, Торнъ и Калишскій палатинатъ. Герцбергъ сравнивалъ свой планъ съ колумбовымъ яйцомъ, такъ простъ и возможенъ казался ему этотъ взаимный обмѣнъ; и его политическія заблужденія не измѣнились даже послѣ полученія замѣчаній прусскихъ уполномоченныхъ въ Вѣнѣ и Петербургѣ, что Россія не согласится на предоставленіе Дунайскихъ княжествъ Австріи, которая къ тому же сама придаетъ мало значенія пріобрѣтеніямъ на востокѣ.

Въ Вѣнѣ имѣли точныя свѣдѣнія о проэктѣ Герцберга, потому что успѣли добыть тайныя инструкціи, посланныя въ Константинополь представителю Пруссіи. Кауницъ съ насмѣшкой и презрѣніемъ относился къ своему берлинскому коллегѣ. [17]) „Это была и есть химера“, писалъ онъ Кобенцелю; „турки не сдѣлаютъ никакихъ уступокъ безъ боя, да и императорскіе дворы не пойдутъ на сдѣлку, по которой въ сущности одна Пруссія останется въ выигрышѣ“.

Рейсу было поручено относительно слуховъ о расширеніи Пруссіи на счетъ Польши выказывать наружно величайшее спокойствіе, и при случаѣ объяснить, что Австрія не придаетъ имъ ни малѣйшей вѣры; польскія владѣнія, находясь подъ общей гарантіей Австріи, Россіи а также и Пруссіи, вполнѣ обезпечены, и король слишкомъ справедливъ и миролюбивъ, чтобы желать зажечь всеобщую войну. „Въ сущности“, прибавлялъ Кауницъ въ своей запискѣ князю

---

[17]) Рейсу 6 Января, а Кобенцелю 7 Февраля 1788 года отъ Кауница.

Рейсу, „не легко провести измышленный Герцбергомъ планъ, въ которомъ Австрія выйдетъ съ пустыми руками и одна Пруссія останется въ выгодѣ. Если же Герцбергъ будетъ возвращаться къ этому предмету, то Рейсъ долженъ высказать, что ему совершенно непонятно, какимъ образомъ тѣ завоеванія, которыя Австрія дѣлаетъ у Турціи, послужатъ къ расширенію другой державы?“

Гораздо болѣе смущало Іосифа извѣстіе о стараніи берлинскаго кабинета войти въ соглашеніе съ Турціей и посылка въ Константинополь подполковника Гетца для переговоровъ о союзѣ. „Бороться съ двумя противниками, какъ Порта и Пруссія, одновременно Австрія не можетъ,“ писалъ онъ Кауницу 26 Августа 1788 года; „тѣмъ болѣе, что слабость и незначительность русскихъ вспомогательныхъ средствъ ясна; поддержки же отъ Франціи или кого другого ожидать нельзя.“ Іосифъ считалъ, что оказалъ достаточно услугъ Россіи, пожертвовавъ и людьми, и милліонами, а потому Кауницу было приказано выяснить въ Петербургѣ, чѣмъ Россія можетъ обезпечить Австрію, и не желаетъ ли она завести съ Портою общіе мирные переговоры, если только не согласна представить Австріи свободу отдѣльно заключить миръ.

На замѣчаніе Кауница, что Австріи случалось бывать въ худшемъ положеніи, но она отдѣлывалась отъ многихъ противниковъ, императоръ возразилъ: „Никогда Австрія не вела одновременно войны съ Пруссіей и Турціей и настоящее ея положеніе нисколько не похоже на 1740 годъ; нѣчего обманываться въ опасностяхъ, грозящихъ имперіи; и если придется стать разомъ противъ двухъ противниковъ, то Австрія или погибнетъ, или выйдетъ изъ столкновенія на тяжелыхъ условіяхъ“.

Исполняя желаніе своего государя, Кауницъ началъ дѣйствовать въ духѣ мира, но русскіе министры старались успокоить вѣнскій дворъ, обѣщая великую поддержку, если

бы въ Берлинѣ вздумали препятствовать предпріятію императорскихъ дворовъ. Безбородко далъ увѣреніе, что никогда Россія не подастъ голоса за усиленіе Пруссіи; въ Петербургѣ показывали видъ, что мало обращаютъ вниманія на Берлинъ и на опасности, грозящія съ этой стороны. Когда весною 1788 года истекъ срокъ прусско-русскаго соглашенія, русскіе министры указали Кобенцелю на это обстоятельство и тотъ высказалъ надежду, что союзъ, покончивъ существованіе, будетъ похороненъ въ Очаковѣ, Хотинѣ и Бѣлградѣ. Австрійскому посланнику подано было заявленіе [18]), подписанное Остерманомъ, Безбородко и Воронцовымъ, въ которомъ отъ имени царицы было подтверждено обѣщаніе, что еслибы Пруссія захотѣла воспользоваться восточными затрудненіями для захвата польскихъ областей, то Россія сдѣлаетъ ей серьезныя представленія и заключитъ съ императоромъ союзъ, чтобы воспрепятствовать такому захвату.

Въ виду возможной коалиціи между Англіей, Пруссіей, Швеціей и Турціей, составленъ былъ планъ союза съ бурбонскимъ домомъ. Изъ Петербурга, по иниціативѣ Франціи, послѣдовалъ запросъ, не слѣдуетъ ли заключить союзъ съ Испаніей и Неаполемъ противъ Варварійскихъ владѣній? Кауницу эта мысль пришлась по вкусу. „Ничто не можетъ“ писалъ онъ въ Петербургъ[19]), „болѣе сблизить интересы Испаніи съ императорскими дворами, какъ это обстоятельство; но надо быть осторожнымъ съ Сегюромъ, французскимъ посломъ; слѣдуетъ сперва выждать исхода распри Франціи съ Англіей и сначала какъ бы отклонить союзъ, оставляя дверь для будущаго соглашенія“. А нѣсколько недѣль спустя Кауницъ уже рѣшительно высказывался за со-

18) Декларація 6 мая, приложенная къ донесенію Кобенцеля отъ 24 Мая 1788 года.

19) Нота Кауница отъ 31 Октября 1787 года.

юзъ, потому что въ это время обнаружился планъ Герцберга изъ инструкцій, посланныхъ имъ Дицу; Кауницъ писалъ въ Петербургъ:

„Всѣ правила политической мудрости требуютъ, чтобы Франціей не пренебрегали и не оставались въ заблужденіи, будто эта держава теперь вредить не можетъ. Слѣдуетъ употребить всѣ мѣры, чтобы по крайней мѣрѣ обезпечить себѣ ея пассивный нейтралитетъ. Ежели удастся на это склонить Францію, то, вѣроятно, нечего будетъ опасаться со стороны Пруссіи".

Въ то время, какъ въ руки австрійскаго канцлера попали документы Герцберга, наполненныя „чудовищными идеями", гдѣ между прочимъ значилось, что Англія и Пруссія хотятъ обязаться поддержать Турцію, предлагая Франціи присоединиться къ этому договору, Кауницъ поспѣшилъ сообщить въ Петербургъ свой взглядъ, какъ важно императорскимъ кабинетамъ не давать бурбонскимъ дворамъ поводовъ къ сближенію съ Англіей, а слѣдуетъ привлечь Францію и Испанію къ себѣ. [20]). Въ Апрѣлѣ онъ уже высказывалъ жалобу, что Россія не обращаетъ вниманія на положеніе Австріи, но преслѣдуетъ одностороннюю политику, при чемъ повторялъ, какъ необходимо окончательно успокоить Францію, увѣривъ ее въ нежеланіи разрушать Турцію. Тогда русскій кабинетъ измѣнилъ свой отказъ отъ союза съ французскимъ дворомъ и Безбородко говорилъ Кобенцелю: „Теперь всѣ убѣждены у насъ въ необходимости близкихъ отношеній къ Франціи; государыня высказалась въ этомъ же духѣ, требуя отъ версальскаго кабинета только обязательства оказать помощь въ томъ случаѣ, ежели Пруссія захочетъ расшириться на счетъ Польши".

Въ тоже время Кауницъ старался дѣйствовать и въ Парижѣ: правители Франціи косо смотрѣли на участіе Австріи

---

[20]) Отъ Кауница Кобенцелю 7 Февраля 1788 года.

въ войнѣ, полагая, что обѣ имперіи договорились на счетъ раздѣла Турціи. Чтобы разсѣять эти опасенія, австрійскому послу Мерси было поручено довести до свѣдѣнія французскаго министерства содержаніе договора между Австріей и Россіей. Но между Франціей и Англіей уже состоялось соглашеніе по восточному вопросу и предложенія Мерси были отклонены. Это вызвало рѣзкое порицаніе Кауница: „Франція дѣйствуетъ двулично“, писалъ онъ; „Монморена слѣдуетъ вызвать на откровенную бесѣду; минуты дороги и каждая отсрочка вредна тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ въ виду какъ свои, такъ и французскіе интересы. Если бы императорскіе дворы пожелали, то они нашли бы средства достигнуть соглашенія съ Англіей, Голландіей, Пруссіей и Даніей и тѣмъ ограничить роль Франціи и Испаніи“.

Отвѣты Мерси не оставляли, однако, никакой надежды на содѣйствіе Франціи, сильно озобоченной внутренними усложненіями; тамъ подготовлялся кризисъ. „Положеніе Французскаго двора“, писалъ императоръ Іосифъ Кауницу 29 Іюля 1788, „очень грустное; тѣ два союзника, на которыхъ мы расчитывали: Франція и Испанія такъ плохи въ финансовомъ отношеніи, что отъ нихъ немногаго можно ожидать“.

Опасенія императора по мѣрѣ выясненія результатовъ войны все увеличивались; Россія до Ноября не одержала никакого успѣха; Очаковъ все еще не былъ взятъ и, судя по позднему времени года, на это нельзя было ужъ расчитывать. Поэтому Іосифъ желалъ, чтобъ Россія подобно Австріи отказалась отъ всякихъ завоеваній и соглашалась заключить миръ на основаніи сдѣланныхъ уже пріобрѣтеній; эта мѣра была бы лучшимъ маневромъ для разстройства хитрыхъ плановъ Пруссіи.

Въ Петербургѣ, однако, приняли рѣшеніе добиться во что бы ни стало союза съ Испаніей и Франціей, чтобы такимъ образомъ составить противувѣсъ союзу морскихъ

державъ Англіи съ Голландіей; затѣмъ употребить соединенныя силы обѣихъ имперій противъ Пруссіи, а противъ Турціи принять оборонительное положеніе; и въ этомъ смыслѣ посланы были 5 Октября 1788 года Голицыну инструкціи; но Іосифъ возразилъ, что это предложеніе совершенно неисполнимо. Въ виду большаго протяженія австрійскихъ границъ и крѣпкаго положенія турокъ между Бѣлградомъ и Орсовой, оборонительная система дѣлается чрезвычайно затруднительною и силъ Австріи будетъ недостаточно для охраны границъ отъ Хотина до Адріатическаго моря. Если царица желаетъ вести войну съ Пруссіей, то пусть прежде заключить миръ съ Турціей, но, продолжая начатую войну, слѣдуетъ дѣйствовать уступчивѣе съ Берлиномъ. Іосифъ готовъ былъ лучше отказаться отъ союза съ Россіей, чѣмъ вести двойную войну, которая своею продолжительностью поведетъ къ паденію Австріи. „Со стороны Россіи нельзя расчитывать на дѣйствительную помощь“, говорилъ отъ канцлеру; „она даетъ обѣщанія, но у нея не хватаетъ денегъ, кредита и энергіи; царица занимается интригами своихъ фаворитовъ, Румянцевъ преданъ прусакамъ, Потемкинъ неспособенъ, а армія разстроена[21])“. Въ письмѣ къ Екатеринѣ Іосифъ рѣшительно высказалъ, что не можетъ затѣвать одновременно двѣ войны.

Императоръ принялъ твердое рѣшеніе заключить отдѣльный миръ съ Портою, и Кауницъ въ депешѣ къ Кобенцелю лишь „для соблюденія приличія“ энергично настаивалъ на заключеніи общаго мира; но Кобенцель вышелъ изъ своего труднаго положенія съ ловкостью. Австрійскій посланникъ сдѣлалъ Остерману указанія на измѣненіе политическаго положенія, и что противъ соединенныхъ силъ Пруссіи, Англіи, Швеціи, Турціи, Саксоніи и Польши трудно

---

21) Іосифъ къ Кауницу 17 Ноября 1788 года у Бера, стр. 326.

дѣйствовать. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нарисовалъ ему картину дурнаго состоянія русскихъ армій, что все вмѣстѣ ставитъ Австріи въ критическое положеніе. Русскій министръ сожалѣлъ о послѣднемъ, говоря: „царица ничего не знаетъ объ этомъ, никто не смѣетъ ей ничего сказать.“ Остерманъ не допускалъ даже мысли, чтобы вся тягость войны легла на союзника; причину неуспѣха военныхъ дѣйствій онъ относилъ къ неспособности Потемкина, который ежеминутно посылалъ Румянцеву новыя распоряженія.

Но разность взглядовъ русскаго вице-канцлера и посла Австріи начала выступать наружу: Россія готова была заключить миръ съ Портою, но на тяжелыхъ условіяхъ; она требовала освобожденія Булгакова, подтвержденія Кучукъ-Кайнардскаго мира, также какъ и договора, касающагося Крыма, Кубани и Тамани; уступки Очакова съ областью и крупнаго военнаго вознагражденія, достигавшаго 30 милліоновъ. Въ случаѣ же заключенія Австріей отдѣльнаго мира съ Портою, Россія требовала передачи ей Хотина и отклоняла свое участіе въ войнѣ, могущей быть съ Пруссіей. Въ разговорѣ съ Кобенцелемъ царица объявила, что признавая основательность желанія Австріи заключить отдѣльный миръ, она съ искреннымъ сожалѣніемъ даетъ на это свое согласіе, но прибавила, что ей, конечно, будетъ невозможно исполнить свои обязательства относительно Австріи, если Пруссія возьмется за оружіе, до тѣхъ поръ, пока длится турецкая война. Этотъ же взглядъ высказанъ былъ въ депешѣ, посланной въ Вѣну Голицыну. И когда Кобенцель выражалъ на это жалобы, то Безбородко старался извинить эти слова царицы тѣмъ, что они вылились подъ впечатлѣніемъ досады.

Дѣйствительно, военныя дѣйствія, которыми распоряжался Потемкинъ, не отвѣчали ожиданіямъ. Принцъ де-Линь, находившійся по порученію императора въ русскомъ лагерѣ, напрасно настаивалъ на атакѣ Очакова. Въ Январѣ

Таврическій далъ обѣщаніе начать дѣйствія въ Іюнѣ, такъ какъ онъ хотѣлъ дождаться прибытія кавалерійскихъ полковъ; тщетны были всѣ доказательства принца де-Линь, что они для осады не нужны. „Я проповѣдую въ пустынѣ“, жаловался онъ Іосифу 2 Марта 1788 года. Потемкинъ изливался въ увѣреніяхъ своего желанія заслужить благосклонность императора и все таки остался глухъ ко всѣмъ настояніямъ начать нападеніе[22]); очень понятно, что Іосифъ былъ сильно недоволенъ. „Отъ русскихъ“, писалъ онъ 18 Іюля, „нечего ждать справедливости и добра; слѣдовательно, благоразуміе требуетъ, чтобы Австрія подумала только о собственныхъ интересахъ и исполнила это во время и при случаѣ, не тратя силъ, на которыя русскіе такъ расточительны“.

Наконецъ 9 Іюля прибылъ осадный корпусъ подъ стѣны Очакова. Напрасно де-Линь поощрялъ къ энергическому нападенію; Суворовъ вмѣсто войны занимался пустяками, а Потемкинъ жилъ мечтою, что Очаковомъ можно будетъ овладѣть безъ штурма; много еще мѣсяцовъ прошло въ бездѣйствіи, пока наконецъ 17 Декабря удалось овладѣть этимъ важнымъ пунктомъ.

Существовалъ еще другой вопросъ, на которомъ не сходились взгляды общихъ императорскихъ кабинетовъ. Какъ Австрія, такъ и Россія имѣли въ виду возстаніе христіянскихъ населеній въ Турціи. Іосифъ давно поддерживалъ сношенія съ духовенствомъ Сербіи и Босніи, снабжая ихъ деньгами, и въ то время, какъ австрійскія войска заняли позиціи на границѣ, многочисленные волонтеры устремились въ Сербію, чтобы принять участіе въ борьбѣ противъ невѣрныхъ. Австрія расчитывала также на возстаніе Черногоріи и эмисаръ Филиппъ Вукасовичъ посланъ былъ въ Цетинью; еще въ 1780 году подготовлялъ онъ почву и вступилъ въ

22) Письма де-Линя къ Іосифу о состояніи русскихъ войскъ представляютъ много интереснаго.

дружескія отношенія съ владыкою Петровичемъ, который говорилъ, что съ нетерпѣніемъ ожидаетъ турецкой войны, желая еще до своей кончины отдать Черногорію подъ покровительство Австріи. Весною 1798 года Вукасовичъ появился въ Черногорію, чтобы войти въ соглашеніе на тотъ случай, если эта страна избавится отъ турецкаго ига. Вмѣстѣ съ покровительствомъ Австріи онъ сулилъ Черногорцамъ свободу религіи и различныя льготы, которыми народъ будетъ мирно пользоваться наровнѣ съ Австрійскими подданными[23]). Старанія Австріи были однако подрѣзаны русскимъ агентомъ маіоромъ Савой Мирковичемъ, появившимся въ Цетиньѣ съ полномочіями. Царица въ Февралѣ выпустила прокламацію къ сербамъ, черногорцамъ и „всѣмъ родственнымъ знаменитымъ славянскимъ народамъ“, которымъ она обѣщала вѣрную и сильную помощь. Въ ней говорилось, что арміи Екатерины получили приказаніе приблизиться ко всѣмъ мѣстамъ, гдѣ живутъ единовѣрцы Россіи, чтобы изгнать турокъ и тѣмъ укрѣпить христіанскую свободу и независимость. Къ черногорцамъ послѣдовало особое возваніе 14 Марта, которое и было прочитано въ Цетиньѣ въ присутствіи Вукасовича; скутарійскій паша также долженъ былъ быть привлеченъ къ участію въ войнѣ. Интриги русскаго эмисара, старавшагося о привлеченіи населенія на сторону Россіи, разстроили и огорчили Вѣну; Кауницъ возвысилъ жалобы и чрезъ де-Линя старался склонить Потемкина на сообщеніе агентамъ болѣе согласныхъ инструкцій.

Въ первыхъ числахъ Января 1789 года пришла въ Вѣну вѣсть о взятіи Очакова; Кауницъ началъ строить планы о мирѣ, но Іосифъ вѣрнѣе своего министра судилъ о русскихъ, высказавъ, что „паденіе очень благопріятно для продолженія войны, но не для заключенія мира, потому что

23) Исторія Черногоріи Вукасовича 1835 г. на сербскомъ языкѣ.

русскіе ни за что не возвратятъ этого города, а турки не захотятъ его имъ оставить.“

Со стороны Австріи послѣдовали предложенія въ Петербургъ о веденіи мирныхъ переговоровъ въ Константинополѣ чрезъ посредство французскаго посла; но Россія медлила дать ходъ этому предложенію, и тогда въ февралѣ изъ Вѣны было предложено Шуазелю де-Гуфье убѣждать Порту на заключеніе мира съ Австріей. Порта оказалась расположенною къ мирному соглашенію съ нею, не смотря на противудѣйствіе прусскаго и шведскаго пословъ, убѣждавшихъ Диванъ продолжать войну. Условія Австріи были довольно умѣренны; они заключались въ уступкѣ Россіи Очакова и опредѣленіи надежной и приличной границы для Австріи; но надежды эти не состоялись. Султанъ, подготовленный англійскимъ вліяніемъ къ заключенію мира съ Австріей, умеръ, и явился вопросъ, будетъ ли новый повелитель османовъ, Селимъ, согласенъ на миръ, который давалъ ему возможность посредствомъ уступки Австріи нѣкоторыхъ земель имѣть развязанныя руки противъ Россіи. [24]) Даже, когда начались приготовленія къ открытію новаго похода, въ Константинополѣ продолжались переговоры, и до самаго Іюня нѣсколько разъ мелькала надежда что будетъ возможно покончить съ Портою миромъ.

Старанія императорскаго кабинета подвинуть Францію и Испанію на содѣйствіе тоже осталось безъ послѣдствій, хотя надъ этимъ всю зиму работали неустанно. Испанія въ Октябрѣ 1788 года предлагала свои услуги, чтобы прекратить враждебныя дѣйствія съ Портою, но Кауницъ отвѣтилъ на это неопредѣленно, а старанія привлечь Испанію къ союзу противъ Порты были отклонены мадридскимъ кабинетомъ.

Франція, нѣсколько недѣль позже, сослалась на дурное

[24]) Предательство союзника.

состояніи своихъ финансовъ, воспрещавшее ей непосредственное участіе въ войнѣ. Посылка принца Нассау-Зигенскаго въ Парижъ и Мадридъ, на что Екатерина рѣшилась весною 1789 года, чтобы установить четверной союзъ, оказалась совершенно безплодною, такъ какъ внутреннія замѣшательства Франціи до того занимали правительство, что мысль о внѣшней войнѣ была отодвинута на задній планъ. [25]) Французскіе министры объявили себя готовыми опредѣлить предварительныя основанія союза, но формальное установленіе его желали отстрочить до того времени, когда будетъ возстановленъ миръ между Портою и императорскими дворами, а также, когда результаты совѣщаній созванныхъ генеральныхъ штатовъ отстранятъ внутреннія затрудненія, съ которыми боролась Франція. Еще 18 іюня Кауницъ писалъ Мерси: „было бы желательно, чтобы Испанія и Франція при настоящихъ запутанныхъ обстоятельствахъ выказали нѣкоторую энергію и не играли бы роли, которая будетъ имѣть послѣдствіемъ умаленіе ихъ значенія и дастъ прускому и англійскому своевольству свободное поле.“ Взятіе Бастиліи прекратило всѣ переговоры; озабоченный Кауницъ бросилъ лишь вопросъ: „будетъ ли новая французская система правительства поддерживать старый союзъ между Австріей и Франціей.“

Война должна была начаться снова. Опытъ первыхъ походовъ показалъ, что на искреннее взаимодѣйствіе съ русскими войсками нельзя было разсчитывать, и принцъ Кобургскій далъ императору совѣтъ—вести предстоящій походъ независимо отъ русскихъ операцій, тѣмъ болѣе, что было невѣроятно, чтобы русскіе перешагнули Серетъ прежде, чѣмъ страна и крѣпости нижняго Дуная будутъ находиться въ ихъ рукахъ. [26]) Императоръ желалъ, однако, общаго съ

---

25) Депеша Монморена Сегюру 19 Марта 1789 года.

26) Reflexionen über die Operation der künftigen Campagne, 27 December. 1778

русскими наступленія и не считалъ ранняго похода необходимымъ. Изъ Петербурга пришло обѣщаніе царицы, что Румянцевъ получитъ своевременно предписаніе дѣйствовать сообща съ Австрійскими корпусами для вторженія въ Валахію. Императоръ, однако, мало довѣрялъ этому заявленію полагая, что намѣренія русскихъ состоятъ въ томъ, чтобы преждевременнымъ наступленіемъ Австріи набросить ее на турокъ, получивъ чрезъ то свободу дѣйствій противъ Киліи, Измаила и Браилова.

Планъ войны, предложенный Іосифомъ въ Петербургѣ, заключался въ томъ, чтобы съ наступленіемъ хорошаго времени года, армія подъ начальствомъ Румянцева двинулась къ Дунаю, овладѣла бы Валахіей до Алуты, и часть войскъ была бы послана для занятія Молдавіи; въ тоже время Австрійскія войска подъ начальствомъ Кобургскаго должны вступить въ Малую Валахію, дойдя до лѣвой стороны устьевъ Алуты.

Недѣли и мѣсяцы прошли, прежде чѣмъ полученъ былъ изъ Петербурга отвѣтъ; только въ апрѣлѣ сообщенъ былъ въ Вѣну другой планъ войны, выработанный Потемкинымъ. Онъ основывался на предположеніи, что главныя силы турокъ будутъ выставлены противъ русскихъ силъ, а флотъ ихъ появится одновременно у Аккермана и въ устьяхъ Дуная. Поэтому, военныя операціи должны были главнѣйше вестись на нижнемъ Дунаѣ, чрезъ что турки были бы отвлечены отъ Австрійскій границы. Военныя соображенія и наблюденіе за Польшею не допускали, по русскому увѣренію, возможности двинуть часть русскихъ корпусовъ до Алуты.

Императоръ былъ разогорченъ, и его неудовольствіе возросло, когда вскорѣ прибыло отъ Потемкина дополненіе къ операціонному плану, по которому Австрійской арміи предстояли еще большія трудности. „Изъ этаго плана“, говорится въ собственноручной замѣткѣ монарха,“ ясно

выступаетъ то, чего я еще ранѣе опасался: что русскіе останутся вѣрны своей системѣ, и въ нынѣшній походъ, подобно прошлому году, будутъ дѣйствовать оборонительно, выжидая случая и поздней осени; а когда турки уйдутъ съ поля, попробуютъ сдѣлать одно или два счастливыхъ нападенія на Бендеры или Аккерманъ. Такимъ образомъ Банатъ и Семиградія будутъ снова подвергнуты опаснымъ случайностямъ. Можетъ быть русскіе вовсе оставятъ Яссы, и тогда Кобургскій принцъ принужденъ будетъ отступить къ Хотину и Буковинѣ. Все это еще болѣе доказываетъ, что наступило время, когда мы, по ихъ примѣру, должны только думать о себѣ". А нѣсколько дней позже, 2 мая 1789 г. Іосифъ писалъ, пересылая Гадику планъ войны Потемкина „требованіе, чтобы Кобургъ и Гогенлое безъ содѣйствія русскихъ удерживали турокъ въ Молдавіи и Валахіи-безстыдно. Всѣ жалобы и новыя представленія были бы потерей времени; мы должны придерживаться нашихъ соображеній, какъ это дѣлаютъ русскіе. Кобургъ долженъ отступить въ Буковину."

При такомъ положеніи дѣлъ ясно было, что императоръ испытывалъ глубокое нерасположеніе къ возобновленію союза съ Россіей. Договоръ 1781 года имѣлъ осьмилѣтній срокъ, и надо было выяснить, слѣдуетъ ли заботиться о продолженіи его. Кауницъ придерживался своего взгляда въ утвердительномъ смыслѣ и въ памятной запискѣ изложилъ давно извѣстныя основанія; хотя Россія и извлекала изъ союза болѣе осязательныя выгоды, но все же это не противорѣчило системѣ канцлера, и по его мнѣнію разрывъ съ нею былъ бы въ высшей степени опасенъ. Откажись Австрія отъ союза съ царицей и ее приняли бы съ отверзтыми объятіями, какъ Англія, такъ и Пруссія. Леопольдъ, спрошенный на этотъ счетъ братомъ, также высказался за поддержаніе союза.

Съ самаго начала военныхъ дѣйствій миръ былъ же-

ланной мечтою, какъ канцлера, такъ и монарха. Кауницъ указывалъ на крайнюю необходимость вести военныя операціи съ большой энергіей и какимъ нибудь грознымъ ударомъ принудить турокъ къ скорѣйшему миру, потому что только тогда можно будетъ избѣжать прусской диверсіи. Императоръ наконецъ одобрилъ этотъ взглядъ: „Я охотно соглашаюсь“, отвѣчалъ онъ, „чтобы въ Константинополѣ не дѣлали дальнѣйшихъ предложеній, а тѣмъ менѣе уступокъ; арміи будутъ, смотря по обстоятельствамъ, дѣйствовать въ полѣ; а грозный ударъ, какъ вы его называете, доставятъ намъ время и случай.“

Но самъ Іосифъ заболѣлъ и не въ состояніи былъ отправиться на войну; тѣмъ не менѣе заботы о предстоящемъ походѣ всецѣло поглощали его. Изъ его военной корреспонденціи можно видѣть, какъ онъ входилъ въ мельчайшія подробности военнаго дѣла; нельзя не отдать полную дань уваженія человѣку, который, посреди болѣзненныхъ страданій, весь отдавался заботамъ о снабженіи и передвиженіи войскъ. Императоръ обладалъ замѣчательнымъ знаніемъ театра военныхъ дѣйствій; отсутствіе его составляло значительный пробѣлъ, и потому надо было подыскать полководца, который былъ бы точнымъ исполнителемъ его распоряженій. Для этого былъ избранъ старый ветеранъ, фельдмаршалъ Лаудонъ. Іосифъ сообщилъ новому военачальнику свои предположенія на кампанію 1789 года. Онъ предписывалъ ему двинуться въ Боснію и занять главный городъ, оставляя въ сторонѣ мелкія крѣпости, на взятіе которыхъ напрасно тратятся люди и время. Совѣтуя овладѣть выгоднымъ пунктомъ—Баньялукой, императоръ желалъ, чтобы осенью былъ нанесенъ ударъ на Бѣлградъ; если бы на Дунай или Саву двинулась значительная турецкая армія и перебросила чрезъ эти рѣки мосты, то слѣдовало дать ей генеральное сраженіе. Лаудонъ, однако, опасался дѣйствовать согласно императорской ин-

струкціи; она ему казалась рискованною. Прошли мѣсяцы, прежде чѣмъ сдѣланъ былъ рѣшительный шагъ; Лаудонъ просилъ у императора подтвержденія приказа, такъ какъ не хотѣлъ брать на себя отвѣтственности. 23 августа 1789 года Іосифъ послалъ опредѣлительный приказъ, перейти Саву и осадить Бѣлградъ. Кауницъ поздравлялъ своего государя за принятое рѣшеніе и ободрялъ Лаудона, говоря: „тутъ вы имѣете дѣло не съ прусской арміей, но съ турками, слѣдовательно дѣйствуйте смѣлѣе; audaces fortuna iuvat.“

Немедленно по полученіи императорскаго приказа, Лаудонъ перешелъ Саву, но изложилъ въ письмѣ къ Іосифу опасность съ арміей въ 27.000 человѣкъ въ такое время года начинать осаду Бѣлграда. Тѣмъ не менѣе ударъ былъ нанесенъ: 12 сентября началось обложеніе, а 8 октября крѣпость была въ рукахъ имперскихъ войскъ.

„Мнѣ недостаетъ словъ“—писалъ Іосифъ Лаудону—„высказать вамъ мою радость и выразить благодарность. Оказанная вами государству и славѣ оружія крупная заслуга превосходитъ всѣ мои желанія и достойно вѣнчаетъ вашу военную карьеру.“ Чтобы употребить съ пользою остальную часть года и облегчить заключеніе выгоднаго мира, императоръ велѣлъ двинуться на Орсову; захватывая значительную часть Сербіи, являлась возможность вести переговоры съ преимуществомъ uti possidetis.

Принцъ Кобургскій также покрылъ себя славою, достигнувъ значительныхъ успѣховъ по собственной иниціативѣ. По отозваніи Воронцова изъ русскаго лагеря, состоялось дружное взаимнодѣйствіе австрійскихъ военачальниковъ съ русскими войсками подъ начальствомъ Суворова. Въ сраженіи подъ Фокшанами, окончившимся сильнѣйшимъ пораженіемъ турокъ, русскій полководецъ имѣлъ исключительную долю успѣха; но дальнѣйшее наступленіе, которое намѣревался совершить принцъ, оказалось невозмож-

нымъ, вслѣдствіе отказа въ подкрѣпленіи со стороны Лаудона, такъ какъ взятіе Бѣлграда стояло у императора на первомъ планѣ. „Съ паденіемъ сербской крѣпости очищеніе турками Валахіи послѣдуетъ само собой“, утѣшалъ Іосифъ принца, которымъ овладѣло уныніе послѣ отказа Лаудона въ помощи. Кобургскій принцъ обратился тогда къ Потемкину, который, помедливъ, приказалъ отряду Суворова двинуться сообща съ галиційскимъ корпусомъ противъ Бузео, гдѣ сосредоточивались турки. Въ это время великій визирь, оставя свой лагерь подъ Мачиномъ, перешелъ Дунай и, направляясь на Фокшаны, расположился у Мортинешти. Кобургъ, считавшій у себя всего 16.000 человѣкъ, не находилъ своихъ силъ достаточными, чтобы идти на встрѣчу 50.000 войска великаго визиря. Курьеры, посланные къ Суворову, просили настоятельно подкрѣпленія, и этотъ полководецъ послѣдовалъ приглашенію, не бывъ на то уполномоченъ Потемкинымъ, который приказывалъ идти въ Галицію. Побѣда соединенныхъ войскъ была рѣшительная. Принцъ намѣревался было занять зимнія квартиры въ Молдавіи, но получилъ отъ императора настоятельный приказъ овладѣть Валахіею. 10 Ноября явился онъ предъ Букарестомъ, гдѣ былъ встрѣченъ боярами, митрополитомъ и всѣмъ духовенствомъ съ музыкой, пѣніемъ и колокольнымъ звономъ.

Результаты этого года были утѣшительнѣе предыдущаго: австрійское оружіе одержало большіе успѣхи; русскіе тоже покрыли себя славой; но въ Вѣнѣ все же не обманывались въ грустномъ положеніи дѣлъ. Волненія въ Бельгіи, на которую событія во Франціи имѣли большое вліяніе, приняли неожиданные размѣры; въ Декабрѣ 1789 года австрійскія войска и власти должны были оставить страну; кромѣ Люксембурга, всѣ Нидерланды казались потерянными. Для возвращенія ихъ требовалась значительная военная сила, о которой Австрія заблаговременно не распорядилась. Въ

Венгріи и Семиградіи царствовало недовольство и обнаруживались признаки мятежа. Война истощила всѣ силы государства, а источниковъ дохода не имѣлось въ виду.

Кромѣ того грозила еще новая опасность: весной предстояла неминуемая война съ Пруссіей. Дѣятельность прусской дипломатіи въ Варшавѣ была извѣстна канцлеру; еслибъ состоялся союзъ Пруссіи съ республикой, то возстаніе въ Галиціи было бы его неизбѣжнымъ послѣдствіемъ, поэтому заключеніе мира съ Портою дѣлалось настоятельнымъ, если желали имѣть противъ Пруссіи свободныя войска. Особенно горячо желалъ императоръ прійти съ турками къ соглашенію, и французскому послу въ Константинополѣ было довѣрено навести на этотъ счетъ справки. Въ своемъ нетерпѣніи вполнѣ выяснить вопросъ Іосифъ поручилъ также Лаудону списаться съ великимъ визиремъ.

Положеніе дѣлъ Турціи давало на это надежду: несчастныя битвы при Фокшанахъ и Мартинештп, потеря Бѣлграда и утрата Валахіи вызвали въ турецкомъ правительствѣ желаніе мира. Велпкій визирь въ ноябрѣ 1789 года отнесся къ Лаудону съ предложеніемъ общаго перемирія на это предложеніе генералисимусъ отвѣчалъ, что если Порта одушевлена любовью къ миру, то можетъ назначить уполномоченныхъ и затѣмъ прямо сговариваться о мирѣ По отозванію Лаудона принцу Кобургскому было поручено продолжать переговоры, и съ этой цѣлью онъ получилъ отъ канцлера необходимыя наставленія.

Россія также казалась готовою завязать пе реговоры Потемкинъ послалъ въ Шумлу маіора Бороци, что побудило и принца, на случай, ежели отвѣтъ великаго визиря будетъ благопріятный, имѣть тамъ агентовъ; поэтому онъ послалъ туда-же старшаго драгомана Валленбурга и секретаря фонъ-Стюрмера. Сдѣлано это было изъ опасенія односторонняго соглашенія Россіи съ Портою, такъ какъ дошли слухи, что Турція намѣрена войдти въ соглашеніе съ

Россіей, чтобы затѣмъ всѣ свои силы обрушить на Австрію. Поэтому въ Вѣнѣ готовы были уже согласиться на перемиріе; Кауницъ не находилъ большой разницы между миромъ и двухлѣтнимъ перемиріемъ, такъ какъ всѣ мирные трактаты съ Портою были въ сущности ничто иное, какъ перемирія на неопредѣленное число лѣтъ. Стюрмеру было приказано не прекращать переговоровъ, даже если великій визирь предложитъ перемиріе на годъ, и тянуть объясненія до тѣхъ поръ, пока получатся важныя извѣстія о настроеніи Англіи.

Австрійскіе уполномоченные, прибывъ въ Шумлу въ концѣ января 1790 года, были необычайно ласково приняты великимъ визиремъ, но находились подъ такимъ надзоромъ, что ихъ пребываніе походило на плѣнъ. И визирь и Рейсъ-эфенди высказывались миролюбиво, но, прежде чѣмъ назначить своихъ уполномоченныхъ, требовали программы условій, на которыхъ Австрія желаетъ мира, высказавъ при этомъ, что Порта готова вести переговоры, но подъ условіемъ, чтобы и Россія въ нихъ участвовала. Стюрмеръ не былъ въ состояніи опредѣлить австрійскихъ условій мира; въ Вѣнѣ желали добиться условій прежде, нежели сдѣлаются извѣстными требованія Россіи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не хотѣли отказаться отъ завоеваній, пріобрѣтенныхъ съ такими жертвами, а потому затруднялись вести переговоры одновременно съ русскими, какъ того желали турки. Въ Петербургѣ Кобенцель напрасно старался выманить у русскихъ министровъ опредѣлительное согласіе на миръ; ему также не удалось заручиться положительнымъ обѣщаніемъ поддержки въ случаѣ войны съ Пруссіей. На берегахъ Невы съ обычнымъ искусствомъ облеклись въ непроницаемую тайну; Марковъ, Воронцовъ и Безбородко были щедры на ласковыя слова, сердечныя обѣщанія, но положительнаго отвѣта не дали. „Императрица дѣлаетъ въ Лондонѣ и Берлинѣ попытки“, объявили они и сообщили усло-

вія, на которыхъ она желаетъ заключенія мира, „если на нихъ не согласятся, то царица будетъ поддерживать Австрію своими силами“.

Кобенцель требовалъ опредѣлительнаго отвѣта.

„Что-же можемъ мы сказать вамъ?“ отвѣчали ему, „мы будемъ дѣлать, что можемъ. Потемкинъ одинъ въ состояніи опредѣлить, „можетъ-ли онъ и сколько выставить силъ на помощь Австріи“.

Когда Кобенцель сдѣлалъ замѣчаніе, что Россія ставитъ тяжелыя условія мира, тогда какъ Австрію убѣждаютъ къ умѣренности, хотя она завоевала Валахію, Остерманъ выказалъ уступчивость: „Мы спустимъ кое что“, замѣтилъ онъ, „но надо имѣть возможность поторговаться; только Аккерманъ и земли до Днѣстра составляютъ conditio sine qua non“. Русскій министръ указалъ на посылку въ Берлинъ Алопеуса, которому поручено было усыпить Пруссію на время переговоровъ. „Для чего-же объ этомъ не сообщили въ Вѣну?“ спрашивалъ Кобенцель. „Невозможно“, отвѣчалъ Остерманъ, „сообщать обо всякой малѣйшей запискѣ. Вы насъ обижаете, господинъ посланникъ, ежели имѣете на насъ подозрѣніе; мы оказываемъ вамъ услугу, усыпляя Пруссію словами“. Въ то же время, Воронцовъ увѣрялъ, что царица такъ возстановлена противъ Пруссіи, что если-бы Потемкинъ и всѣ министры пожелали бы союза съ Пруссіей, то и тогда государыня не согласилась бы на это.

Но событія шли: Густавъ III въ войнѣ съ Россіей потерпѣлъ пораженія на морѣ и на сушѣ, вслѣдствіе чего въ Петербургѣ сдѣлались увѣреннѣе и изчезла готовность принимать въ соображеніе желанія вѣнскаго двора.

Старанія берлинскаго кабинета увѣнчались успѣхомъ въ Польшѣ, и на варшавскомъ сеймѣ въ декабрѣ 1789 г. проектъ прусско-польскаго союза получилъ единогласное одобреніе; такимъ образомъ, чудовищный планъ Герцберга

грозилъ осуществиться, съ тою разницею, что ежели прежде входила въ расчеты уступка Австріи дунайскихъ княжествъ взамѣнъ Галиціи, то теперь Герцбергъ полагалъ, что Австрія подъ давленіемъ всѣхъ затрудненій удовольствуется границами Пассаровицкаго мира. Въ это критическое для Австріи время умеръ Іосифъ, не успѣвъ доставить своей Имперіи горячо желаннаго мира.

Со вступленіемъ Леопольда на престолъ въ Вѣнѣ обнаружились два теченія: одно, желавшее избѣжать войны съ Пруссіей, другое, напротивъ, искавшее столкновенія съ нею. Въ то время, какъ Кауницъ горячо ратовалъ за энергическое продолженіе войны съ Портой и за выразительную демонстрацію противъ Пруссіи, Леопольдъ стремился отклонить опасность или посредствомъ дружескаго соглашенія съ берлинскимъ кабинетомъ, или скорѣйшимъ окончаніемъ распри съ Турціей. По мнѣнію императора, оба средства вели къ одной цѣли; поэтому, онъ писалъ Фридриху Вильгельму и одновременно просилъ Екатерину содѣйствовать скорѣйшему окончанію войны [27]). Если бы русско-австрійскимъ войскамъ удалось нанести туркамъ нѣсколько ударовъ, то въ короткое время можно было бы достигнуть общаго мира; въ прежнее время Кобенцель добивался согласія Екатерины на заключеніе Австріей отдѣльнаго мира, теперь же настаивали на общемъ мирѣ, чтобы уничтожить холодность въ отношеніяхъ съ сѣверною державою. Леопольдъ отнесся также къ Потемкину съ неотступной просьбой вести энергично войну и выслать корпусъ русскихъ войскъ для прикрытія Галиціи отъ возможнаго нападенія со стороны польской республики. Кобургу было предписано исполнять желанія русскихъ полководцевъ и идти съ ними рука въ руку.

---

27) Леопольда письмо къ Екатеринѣ, 30 мрта 1790 г.

Теперь почти вообще настроеніе въ Вѣнѣ было въ пользу заключенія мира съ Турціей, и уже не съ результатами пріобрѣтеній, а только съ закрѣпленіемъ границъ для собственной безопасности. Требовали только уступки Орсовы и срытія крѣпостныхъ верковъ Бѣлграда, Семендріи и Сабаца; миръ на этихъ условіяхъ казался достижимымъ, такъ какъ при взаимномъ содѣйствіи русскихъ, и австрійскихъ войскъ, паденіе Виддина уже имѣлось въ виду.

Но надежды на скорое окончаніе войны не исполнились; успѣхи на полѣ битвы не соотвѣтствовали ожиданіямъ. Правда, Орсова 16 Апрѣля сдалась на капитуляцію, но между Потемкинымъ и Кобургомъ не состоялось соглашенія для общихъ дѣйствій: Таврическій не одобрилъ предпріятія противъ Журжи, и высказалъ готовность лишь на короткое время перейти Серетъ, выславъ патрули къ Браилову.

На случай войны съ Пруссіей, безусловно требовалась помощь Россіи; и на берегахъ Невы, не скупились на обѣщанія, каждый разъ какъ только заходила рѣчь о возможности разрыва съ Берлиномъ. Кауницъ настаивалъ, на опредѣлительномъ обязательствѣ, такъ какъ одни прекрасныя слова и обѣщанія безъ исполненія могли поставить имперію на край погибели. Въ Петербургѣ готовы были заключить миръ съ Турціей, но подъ условіемъ, чтобы русскія требованія были вполнѣ приняты; если же нѣтъ, то Австріи предоставлялось заключить отдѣльный договоръ. Но продолжая войну съ Турціей, Россія объявляла себя не въ силахъ дать Австріи требуемую помощь; впрочемъ ей предлагали для выигрыша времени войти въ переговоры съ берлинскимъ кабинетомъ и даже обѣщать Данцигъ и Торнъ.

Дипломатическими переговорами удалось до весны задержать вмѣшательство Пруссіи; но въ началѣ мая, въ Вѣну присланъ былъ герцберговскій проектъ, по которому

Австріи предлагались границы Пассаровицкаго мира, а отъ нея требовалась для Польши уступка Галиціи. 9 мая Фридрихъ Вильгельмъ II въ письмѣ къ Леопольду уже требовалъ скораго рѣшенія.

Леопольдъ отвѣчалъ, что хотя въ принципѣ онъ одобряетъ предложенный проектъ, но не можетъ на него согласиться, такъ какъ турецкія земли не уравновѣшиваютъ уступки Галиціи; но когда изъ Берлина получилось требованіе о заключеніи перемирія съ турками и узнали объ отъѣздѣ короля къ войску, то для отклоненія разрыва, Леопольдъ, убѣждаемый своимъ канцлеромъ, согласился на прусскія предложенія.

Для веденія переговоровъ, въ Рейхенбахѣ былп назначены Шпильманъ и Рейсъ. На первой конференціи 27 іюня австрійскіе представители потребовали границъ Пассаровицкаго договора сполна и часть Босніи, лежащей между Унной и Вербой; взамѣнъ чего предлагали уступить 144 квадратныхъ мили галиційскихъ земель Польшѣ, которая за то должна была отдать Пруссіи Данцигъ и Торнъ. Герцбергъ требовалъ еще отъ Австріи Броды, соляныя копи, оставленіе Бѣлграда Турціи и обязательство не давать поддержки Россіи, если она будетъ продолжать войну.

Прежде нежели австрійскіе уполномоченные получили новыя инструкціи, разрѣшавшія имъ согласиться на предложенія, Фридрихъ Вильгельмъ принялъ рѣшеніе отказаться отъ плана обмѣна, предложеннаго Герцбергомъ, и далъ предписаніе своему министру оставить statu quo, какъ оно было до войны. Рѣшеніе это основывалось на донесеніи Лукезини изъ Варшавы, что республика не соглашается на уступку Данцига и Торна. Это новое предложеніе сначала встрѣтило сопротивленіе въ Вѣнѣ, но затѣмъ было принято по необходимости, потому что положеніе, въ которомъ находились, не оставляло другаго исхода, какъ соглашаться на все, скрѣпя сердце.

Въ Петербургѣ до сихъ поръ, относились нерѣшительно и холодно къ настояніямъ Австріи о помощи; но теперь были испуганы принятіемъ безусловнаго statu quo въ Рейхенбахѣ.

Царица была убѣждена, что Австрія рѣшительно отклонитъ подобныя предложенія; прежде было говорено, что пока длится война съ Портою, Россія не можетъ дать помощи противъ Пруссіи; теперь уже изъявили готовность выставить семидесятитысячную армію, и оставляли союзнику полную свободу заключать миръ съ Турціей, прося только поддержки въ томъ случаѣ, ежели Пруссія сдѣлаетъ нападеніе на Россію. Опасеніе коалиціи между Пруссіей, Англіей, Швеціей, Турціей и Польшей противъ Россіи нѣсколько умѣрило высокомѣрный тонъ русскихъ министровъ, и прекрасныя слова объ искреннемъ союзѣ и общихъ интересахъ обѣихъ имперій полились изъ ихъ устъ. Нѣсколько мѣсяцевъ ранѣе, эти выраженія имѣли бы рѣшительное вліяніе на ходъ австрійской политики, но теперь было уже поздно. При посредствѣ прусскаго уполномоченнаго, заключено было съ турками девятимѣсячное перемиріе въ Журжѣ до конца мая 1791 года, съ истеченіемъ котораго надѣялись на конгрессѣ заключить окончательный миръ. Австрійскій кабинетъ отнесся въ Петербургъ, настоятельно рекомендуя миръ, прибавивъ ,что, въ случаѣ разрыва между Россіей и Пруссіей, онъ можетъ оказать только денежную помощь. Кобенцель не рискнулъ изъ этого предложенія сдѣлать какое либо употребленіе, боясь, не безъ основанія, обидчивости русскихъ министровъ, но когда, вслѣдствіе вторичнаго предписанія, онъ передавалъ русскому вице-канцлеру депеши, упомянувъ мимоходомъ о денежной помощи, то разговоръ дошелъ до жестокихъ взаимныхъ объясненій, которыя повели къ тому, что расшатали дружескія отношенія обѣихъ имперій. Не положеніе, принятое относительно Польши отдалило Екатерину

отъ союза съ Австріей, но именно то обстоятельство, что въ Вѣнѣ намѣревались, посредствомъ денегъ, вполнѣ освободится отъ своихъ обязательствахъ.

Въ Рейхенбахѣ Австрія высказала согласіе примириться на условіяхъ прежняго положенія съ Портой; переговоры были открыты въ Систовѣ, но подвигались медленно, такъ какъ вѣнскій кабинетъ, видимо, старался ихъ проволочить, надѣясь вновь расположить къ себѣ Россію, которая требовала, чтобы Австрія не торопилась заключеніемъ мира. Но 18 іюня отъ Леопольда послѣдовало приказаніе Кауницу отказаться отъ „истасканной политики“ и на строгомъ основаніи Рейхенбаховскаго соглашенія, принять миръ и условія statu quo. „Приличіе и правдивость требуютъ исполненія даннаго слова, не вдаваясь въ вопросы второстепеннаго значенія“ писалъ императоръ. 8 іюля послано было въ Берлинъ извѣщеніе, что представителямъ Австріи въ Систовѣ предписано принять условія мира.

Страстно желали въ Вѣнѣ, чтобы Россія просила содѣйствія Австріи, для заключенія мира съ Портою; но отъ этаго предложенія въ Петербургѣ отказались безусловно. Екатерина рѣшилась не класть оружія, не получивъ желаемыхъ выгодъ, и гордость ея возмущалась противъ всякаго требованія Пруссіи объ уступкахъ. Не смотря также на всѣ старанія Англіи, склонить царицу на миръ, Екатерина не была расположена отказаться отъ намѣченныхъ выгодъ; она еще болѣе укрѣпилась въ своемъ рѣшеніи, вслѣдствіе побѣдъ русскаго оружія: Швеція принуждена была заключить миръ; а въ Турціи русскія войска съ осени 1790 года одержали большіе успѣхи: Килія досталась въ ихъ руки 29 октября, Тульчинъ взятъ 17 ноября, а 22 декабря Суворовъ штурмомъ овладѣлъ Измаиломъ. Военныя дѣйствія на Кубани и Кавказѣ также были успѣшны; въ Черномъ морѣ военное счастье колебалось, но турецкій флотъ не былъ въ состояніи исполнить задуман-

наго нападенія на Крымъ. Весною 1791 года Рѣпнинъ перешелъ у Галаца на Дунай, а 9 іюля разбилъ армію сераскира Ахмета-паши подъ Мачиномъ; это еще болѣе усилило упорство царицы. Почти одновременно взята была штурмомъ Анапа, а турецкій флотъ уничтоженъ въ Черномъ морѣ.

Частію вслѣдствіе своихъ неудачъ, частію подъ давленіемъ державъ, Порта рѣшилась заключить миръ. Усердны были старанія Пруссіи, Англіи и Голландіи убѣдить царицу уменьшить свои требованія; но она настаивала на томъ, чтобы укрѣпленный Очаковъ и страна между Бугомъ и Днѣстромъ были ей уступлены; и державамъ не оставалось, въ виду русскаго упорства, ничего другаго какъ убѣждать Порту исполнить русскія требованія.

11 августа составлены были въ Галацѣ предварительныя условія, а переговоры о мирѣ ведены въ Яссахъ, и послѣ многихъ колебаній со стороны Порты, которая по временамъ одушевлялась воинственнымъ жаромъ, 9 января 1792 года подписанъ былъ мирный договоръ, по которому Россія пріобрѣла существенныя выгоды. Отнынѣ Днѣстръ обозначалъ границу между Россіею и Турціей.

ГЛАВА II.

ВО ВРЕМЕНА РЕВОЛЮЦІИ И НАПОЛЕОНА I.

(1792—1809).

Не смотря на ничтожность выгодъ, пріобрѣтенныхъ Австріею до сего времени отъ ея близкаго союза съ Россіей, канцлеръ не пришелъ еще къ убѣжденію о необходимости разрыва съ нею. Какъ и прежде этотъ союзъ считался чрезвычайно важнымъ и необходимымъ; и союзницу поздравляли съ выгодами, пріобрѣтенными ею въ войнѣ съ турками. „Необходимость нашей дружбы съ Россіей", писано было Рейсу — „вытекаетъ изъ испытанной опасности ея вражды, эта необходимость основана на самохраненіи".

До конца своей жизни Леопольдъ держался правила, что дружескія отношенія къ Россіи связаны съ интересами Австріи; и взглядъ этотъ онъ проводилъ не только въ инструкціяхъ своему министру, но и въ дружескихъ письмахъ къ сестрѣ своей Маріи Хрпстинѣ, которая раздѣляла это мнѣніе. Поэтому отказывались даже отъ дружбы съ другими державами, если это могло быть неблагосклонно принято въ Петербургѣ. Всѣ попытки берлинскаго кабинета вывѣдать направленіе, котораго стали бы держаться въ Вѣнѣ, въ случаѣ войны Пруссіи съ Россіей, не заставили Австрію измѣнить осторожности; и самъ вице-канцлеръ Филиппъ Кобенцель, который въ противоположность Кауницу выказывалъ полное расположеніе къ Пруссіи, въ своей припискѣ къ австрійскому посланнику въ Берлинѣ, говоритъ, что не надо давать хода прусскимъ предложеніямъ, направленнымъ противъ Россіи.

Францъ, наслѣдникъ Леопольда, шелъ вполнѣ по слѣдамъ своего отца и по совѣту канцлера поспѣшилъ заключить съ Россіей договоръ 14 іюля 1792 года, который въ формѣ трактата содержалъ условія, заключавшіяся въ письмахъ, которыми во время оно обмѣнялись Екатерина съ Іосифомъ. Только со времени отставки государственнаго канцлера началось въ Вѣнѣ измѣненіе политической системы. Филиппъ Кобенцель еще при Іосифѣ говорилъ о введеніи лучшихъ отношеній къ Пруссіи и, какъ довѣренное лицо Леопольда, рѣшительно стремился къ союзу съ нею. Когда, бывало, Кауницъ посылалъ послу въ Берлинъ рѣзкія распоряженія, то Ф. Кобенцель присоединялъ къ депешѣ другую такого же содержанія, но изложенную въ болѣе мягкой формѣ. Въ одной изъ своихъ депешъ онъ высказалъ благотворную мысль, что дальнѣйшія несогласія Австріи съ Пруссіей ведутъ къ раздѣленію и ослабленію ихъ силъ, служа лишь на пользу чужимъ интересамъ, тогда какъ соединеніе ихъ не только сдержитъ деспотизмъ Англіи, но и представитъ угрозу русской политикѣ, положивъ предѣлъ ея злосчастному расширенію. Эти взгляды нашли сочувствіе въ берлинскомъ кабинетѣ и оградили Австрію отъ опасности, когда между Россіей и Пруссіей возобновились дружескія отношенія.

Со времени Систовскаго мира восточные планы были отложены. Революціонныя событія на западѣ давали пищу новымъ комбинаціямъ, и Пруссія сама предложила Австріи искать себѣ вознагражденій на Рейнѣ и въ Баваріи, въ то время какъ она постарается вознаградить себя на счетъ Польши, за расходы понесенныя ею въ войнѣ съ Франціей.

Обладаніе Баваріею было излюбленною мечтою Австріи въ теченіе восьмнадцатаго столѣтія, и она выбросила за бортъ свою прежнюю политику къ Польшѣ; дипломатія австрійскаго посла въ Варшавѣ заключалась просто въ томъ, чтобы идти рука объ руку съ русскимъ коллегой,

поддерживая всѣ требованія царицы; о самостоятельной политикѣ не было и рѣчи; прежнія стремленія имѣть австрійскую партію въ Польшѣ улетучились, и во всѣхъ вопросахъ, касавшихся королевской республики, подчинились царствовавшимъ на берегахъ Невы взглядамъ.

Хитро и ловко какъ и всегда направлялась русская дипломатія къ цѣли, имѣть относительно Польши и Турціи совершенно развязаныя руки, въ то время какъ обѣ сосѣднія державы будутъ заняты на западѣ. Екатерина восхваляла горячее усердіе Фридриха Вильгельма противъ революціоннаго движенія и ободряла его идти на помощь французскому королю; она принуждала и Вѣну къ болѣе живой дѣятельности.

Юная дружба Австріи съ Пруссіей порвалась во время похода въ Шампань, и старая ненависть снова возстала послѣ того, какъ кабинеты берлинскій и петербургскій составили въ январѣ 1793 года планъ о раздѣлѣ Польши, не предворивъ о томъ вѣнскій кабинетъ. Пруссія обезпечила себѣ пріобрѣтенія въ то время, какъ австрійскій планъ обмѣна Баваріи надолго отсрочился, благодаря затрудненіямъ. Съ покояніемъ вернулись австрійскіе государственные дѣятели къ своей сѣверной союзницѣ и тотчасъ же получили Краковъ и исправленіе границъ со стороны Польши, съ сохраненіемъ за собою права на будущее время вознагражденія въ бо̀льшихъ размѣрахъ на счетъ республики, если нельзя будетъ привести въ исполненіе предначертанный планъ въ другомъ направленіи.

Въ договоръ о третьемъ раздѣлѣ Польши вошла сдѣлка, касавшаяся Порты, по обязательствамъ между Екатериною и Іосифомъ, и хотя Л. Кобенцель не имѣлъ порученія отъ своего правительства входить въ соглашеніе по этому вопросу, но онъ рѣшился на этотъ шагъ, чтобы удовлетворить русскихъ министровъ, надѣясь, что вѣнскій кабинетъ одобритъ его. Тугутъ, заступившій мѣсто Кауница, былъ

очень доволенъ состоявшимся соглашеніемъ, хотя это удовольствіе не распространялось на пункты, касавшіеся Турціи [1]).

Войны Австріи съ Франціей заняли всѣ силы монархіи, и о дальнѣйшихъ предпріятіяхъ нѣкогда уже было помышлять. Смерть Екатерины тоже отсрочила всѣ восточные планы, и вѣнскіе министры постоянно заняты были совершенно другими интересами. При переговорахъ въ Леобенѣ и Кампоформіо стояло въ первой линіи пріобрѣтеніе италіянскихъ областей, и противъ желанія пришлось довольствоваться Далмаціей, Истріей, венеціанскими землями до Эча и По и наконецъ городомъ Венеціей. Австрія пріобрѣла часть тѣхъ земель, которыя еще въ 1782 году были намѣчены для нея, и за которыя венеціанская республика была бы вознаграждена Мореей, значеніе которой конечно было бы велико при позднѣйшихъ усложненіяхъ на востокѣ. Въ Константинополѣ возмущались противъ предоставленія Австріи видовъ на дальнѣйшія пріобрѣтенія, такъ какъ она получила крѣпкую позицію для предпріятій противъ Босніи. Порта замышляла даже напасть на Австрію и сдѣлала распоряженія о сосредоточеніи 80 тыс. войска на западѣ полуострова, полагая, что это есть единственное средство ослабить хитрую политику вѣнскаго кабинета. Успокоительныя увѣренія австрійскихъ министровъ находили мало вѣры въ Константинополѣ; и даже когда французская экспедиція въ Египетъ привела Порту къ сближенію съ императоромъ Павломъ, а Австрія приступила къ великой коалиціи противъ Франціи, то все же на Босфорѣ осталось глубокое недовѣріе къ нѣмецкой сосѣдкѣ; и этому много содѣйствовала Пруссія, рѣдко упускавшая случай укрѣпить Порту въ ея предубѣжденіи противъ Австріи.

О самостоятельной восточной политикѣ Австріи въ по-

---

[1]) Oivenst. Briefwechsel zwischen Thugut und Colloredo.

слѣдовавшіе затѣмъ года не могло быть и рѣчи. Происшествія на юго-востокѣ имперіи, правда, по временамъ обращали вниманіе правительственныхъ сферъ, и дѣлались предположенія, какія области имѣть въ виду, когда наступитъ день раздѣла Турціи, но это были одни теоретическія соображенія безъ всякихъ практическихъ послѣдствій.

Вскорѣ послѣ Люневильскаго мира Наполеонъ въ разговорѣ съ Л. Кобенцелемъ упомянулъ о томъ, что Австріи необходимо дѣйствовать вмѣстѣ съ Франціей противъ Турціи, тѣмъ болѣе, что если у Франціи послѣдуетъ по этому вопросу соглашеніе съ Россіей, то Австрія не можетъ остаться въ сторонѣ. Послѣдовавшій затѣмъ обмѣнъ депешъ былъ для Австріи благопріятенъ, тѣмъ болѣе, что въ Вѣнѣ теперь крѣпко держались взгляда, который при Іосифѣ считался полезнымъ [2]).

По Пресбургскому миру и востокъ приведенъ былъ въ страдательное положеніе; уступка Далмаціи Франціи сдѣлала ее непосредственною сосѣдкою Турціи. Для Австріи возникли новыя опасности, когда Наполеонъ началъ дѣйствовать по предначертанному плану разрушенія Порты; соглашеніе между Петербургомъ и Парижемъ казалось возможнымъ, такъ какъ русскій кабинетъ не сдѣлалъ никакихъ возраженій, когда явилось искушеніе получить призъ на востокѣ. Подобное же недовѣріе обнаружилось въ Петербургѣ противъ Австріи, когда отъ нея узнали, что за понесенныя потери она намѣрена вознаградить себя Дунайскими княжествами; на берегахъ Невы извѣстны были планы Талейрана, который при мирныхъ переговорахъ настойчиво рекомендовалъ своему государю умѣренность относительно Австріи, указавъ на Молдавію и Валахію,

[2]) An Cobenzel, 31 März 1801.

какъ на средство вознаградить ее за понесенныя потери и возстановить дружбу къ Франціи.

Съ первыхъ дней прибытія въ Петербургъ новаго австрійскаго посла, графа Мерфельда, ему пришлось коснуться этого вопроса; чему способствовала одна статья гамбургской газеты, сообщавшей, что занятіе Сербіи и Босніи австрійскими и французскими войсками составитъ вознагражденіе за уступленныя Австріей Наполеону земли по пресбургскому трактату. Мерфельдъ, конечно, опровергалъ это; тѣмъ не менѣе русскій министръ иностранныхъ дѣлъ Чарторижскій потребовалъ и получилъ письменное заявленіе, что никакого соглашенія между Австріей и Франціей на счетъ Порты не состоялось [3]). Нѣсколько дней спустя, та же газета снова принесла извѣстіе, что не Сербія и Боснія, а Молдавія и Валахія назначаются Австріи; русскій министръ возъимѣлъ новое подозрѣніе и пожелалъ получить успокоительный отвѣтъ на счетъ Дунайскихъ княжествъ: Австрія повторила увѣренія, что и не думаетъ о соглашеніи съ Франціей, что нападеніе этой державы на Порту противорѣчило бы австрійскимъ интересамъ, и что въ Вѣнѣ рѣшили даже сопротивляться этому, на сколько возможно; но всѣ увѣренія встрѣтили мало вѣры въ Петербургѣ, хотя вѣнскій кабинетъ усердно старался оправдывать каждый свой шагъ въ Бѣлградѣ или Константинополѣ [4]).

Нейтральное положеніе Австріи въ сербскомъ возстаніи было для Россіи особенно подозрительно. „Сербовъ нельзя считать бунтовщиками и оставлять ихъ на произволъ судьбы“ — говоритъ Чарторижскій, „потому что тогда они могутъ обратиться за поддержкой къ Франціи“. Открыто и безъ обиняковъ объявили русскіе министры, что Россія не потерпитъ, чтобы Наполеонъ пріобрѣлъ сильное вліяніе въ турецкихъ земляхъ, и готова взяться за оружіе, чтобы

3) Письмо Мерфельда Чарторижскому 19 (31) января 1806 года.
4) Мерфельду, 24 марта 1806 года.

воспрепятствовать этому. Эти извѣстія возбудили въ Вѣнѣ преждевременный страхъ; Мерфельдъ неустанно сообщалъ свѣдѣнія о совѣщаніяхъ совѣта русскихъ министровъ, о планахъ раздѣла Турціи. Нѣкоторые министры стояли за общія дѣйствія начертанные Екатериной съ Іосифомъ, и совѣтовали соглашеніе съ Австріей; другіе отстаивали самостоятельное наступленіе безъ союзницы.

Слухи о войнѣ и увѣренія въ мирѣ смѣняли одни другія въ послѣдующіе мѣсяцы. Въ Мартѣ 1806 года взяло верхъ убѣжденіе, что поддержка Турціи до конца жизни Наполеона составляетъ интересъ Россіи, но судоходство по Босфору должно быть свободнымъ, и Порта должна сопротивляться пребыванію французскихъ войскъ въ Египтѣ, въ противномъ случаѣ, Турціи должна быть объявлена война; для этого претендовали на содѣйствіе или нейтралитетъ Австріи, предоставляя ей при раздѣлѣ послѣ войны Сербію, Боснію и Кроацію. Въ концѣ Марта, Мерфельдъ указывалъ на сосредоточеніе войскъ противъ Порты, а мѣсяцъ спустя, извѣщалъ объ успокоительныхъ увѣреніяхъ царя. Въ одномъ разговорѣ Александръ замѣтилъ, что путешествіе Наполеона въ Италію возбуждаетъ подозрѣніе въ намѣреніяхъ его противъ Порты изъ-за Далмаціи, на счетъ которой все продолжались неудовольствія. Мерфельдъ старался доказать, что это предположеніе неправдоподобно; отвѣтъ царя былъ таковъ: что онъ можетъ донести императору Францу, что Россія твердо рѣшилась ничего не предпринимать противъ турокъ, хотя Франція принуждаетъ ее къ тому; поэтому онъ попробуетъ, по возможности, объясниться съ Наполеономъ по этомъ, предмету. „Это объясненіе“ — замѣчалъ Мерфельдъ въ своемъ донесеніи, „кажется вырвалось у царя, потому что было замѣтно, какъ онъ старался сгладить впечатлѣніе; было бы очень выгодно, если бы переговоры Россіи съ Франціей проис-

ходили при посредствѣ Австріи, къ чему однако кажется не расположены въ Петербургѣ".

Въ теченіе всего лѣта депеши Мерфельда изобиловали тревожными извѣстіями: сербская депутація, прибывшая въ маѣ въ русскую столицу добилась обѣщанія поддержки деньгами и оружіемъ, и была одобрена въ ея сопротивленіи Портѣ. Въ русскихъ политическихъ кружкахъ война противъ Турціи и завоеваніе Константинополя составляли насущную тему; цѣль казалась легко достижимою, успѣхъ несомнѣненъ; а такъ какъ соглашеніе съ Франціей было немыслимо, то придавали цѣну союзу съ Австріей.

Вслѣдствіе взятія французами Рагузы и плановъ Наполеона овладѣть Албаніею, а также въ виду несомнѣннаго паденія Порты, Россія рѣшилась занять европейскую Турцію; все равно, какъ другъ ея или недругъ. Въ Вѣнѣ объясняли это тѣмъ, что окружающіе Александра склоняли его на войну съ Портою, чтобы отточить зазубрины послѣдняго похода; поэтому, принято было рѣшеніе послать графа Стадіона въ Петербургъ съ мирными увѣщаніями. При этомъ руководствовались не столько соображеніемъ, что Россія осуществитъ свои восточные планы, сколько опасеніемъ, что при столкновеніи Франціи съ Россіей, Австріи также придется принять участіе въ войнѣ. Если бы даже были склонны взяться снова за проведеніе идей Іосифа, то въ Вѣнѣ не обладали достаточными денежными и военными средствами. Россію настоятельно просили поддержать миръ на востокѣ Европы, чтобы дать Австріи время излѣчиться отъ ранъ послѣдней войны. Впрочемъ, увѣренности въ успѣхѣ подобныхъ представленій не имѣли, и сильно опасались, чтобы не состоялось соглашенія между Россіей и Франціей, въ случаѣ, если Наполеонъ посулитъ Александру крупную долю въ дѣлежѣ.

Представители Австріи энергично говорили на берегахъ Невы за сохраненіе мира, въ Константинополѣ совѣтовали

избѣгать всякаго повода, могущаго привести къ столкновенію съ сѣверной державой, а въ Парижѣ заботливо слѣдили за мирными переговорами, веденными русскимъ посланникомъ Убрилемъ. Къ счастію, возникло разногласіе по поводу занятія русскими войсками Катарро, передачу котораго Наполеонъ требовалъ отъ Австріи, и соглашенія между Россіей и Франціей не состоялось; но все же возможность войны между Россіей и Портой была въ виду послѣ того, какъ Себастіани удалось пріобрѣсти на Босфорѣ рѣшающее вліяніе. Эта война входила въ планы Наполеона, который готовился вести войну противъ Пруссіи, и желалъ на это время отвлечь вниманіе Россіи на востокъ. По настояніямъ Себастіани, 30 Августа 1806 года, султанъ выдалъ гатишерифъ, которымъ смѣщались прежніе господари Молдавіи и Валахіи—Муссури и Ипсиланти, а на ихъ мѣста назначались Суццо и Калимахи. Это былъ со стороны Порты какъ бы вызовъ Россіи, которая только и ожидала повода къ войнѣ. Извѣстіе о низложеніи господарей и бѣгствѣ Ипсиланти особенно испугало императора Франца; „дай Богъ, чтобы Россія воздержалась“, писалъ онъ 14 сентября, „мы должны объ этомъ позаботиться“. Австрія опасалась войны между Россіей и Франціей, какъ неизбѣжнаго послѣдствія русско-турецкаго столкновенія; а вслѣдъ затѣмъ и требованія Наполеона пропустить французскія войска на помощь Турціи чрезъ австрійскія земли, и желала отсрочить минуту разрыва [5]).

Стадіонъ горячо убѣждалъ русское правительство поддерживать миръ; въ Петербургѣ же смотрѣли на столкновеніе Франціи съ Пруссіей, какъ на удобный моментъ для проведенія восточныхъ плановъ; къ тому же графъ Мерфельдъ, остававшійся въ русской столицѣ, хотя осторожно, но высказывался на счетъ доли, выпадающей Австріи, а

---

[5]) Къ Метерниху, 14 сентября 1806 года.

это утверждало въ мысли, что пріобрѣтеніе Дунайскихъ княжествъ, не смотря на всѣ мирныя убѣжденія Стадіона, имѣлись имъ въ соображеніи, и что, слѣдовательно, въ послѣднюю минуту на Австрію можно будетъ разсчитывать, а потому, не поддаваясь на представленія вѣнскаго кабинета, Россія занялась военными приготовленіями и двинула значительныя силы на Дунай.

Въ октябрѣ русскія войска перешли Прутъ. Разумовскій въ Вѣнѣ употребилъ все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить Австрію къ участію въ войнѣ. Стадіонъ высказалъ, что Россія имѣетъ справедливый поводъ жаловаться на Порту, но ей бы слѣдовало отложить свое мщеніе до лучшихъ дней. Мерфельдъ получилъ предписаніе не входить съ Россіей ни въ какіе переговоры, такъ какъ судьба Порты зависитъ не только отъ Петербурга, но и Наполеонъ имѣетъ возможность заговорить; и что къ тому же Австрія найдетъ время и случай предъявить собственныя требованія. Въ Вѣнѣ особенно опасались, что отнынѣ Россія всю свою дѣятельность обратитъ на востокъ и совершенно отстранится отъ западно-европейскихъ событій; а при тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ, не смотря на опытъ послѣднихъ лѣтъ, въ Александрѣ I видѣли опору противъ возможныхъ нападеній Франціи. Но убѣдительные доводы Стадіона оставляли безъ вниманія въ Петербургѣ, а Поццо ди-Борго и Будбергъ настаивали на томъ, чтобы Австрія взяла Сербію, Боснію и Кроацію въ то время какъ Россія овладѣетъ Дунайскими княжествами.

Эти убѣжденія не могли имѣть успѣха въ Вѣнѣ. Въ виду имѣлась война Франціи съ Пруссіей, что глубоко волновало Австрію. Стадіонъ отклонялъ всѣ предложенія по восточному проекту, указывая на критическое положеніе дѣлъ, которое требовало всѣхъ силъ монархіи; австрійскій министръ не скрывалъ, что въ Вѣнѣ живо желаютъ поддержанія существованія Порты и окончательно высказался,

что въ предстоящей войнѣ между Россіей и Турціей Австрія останется нейтральною.

Восточныя дѣла были не безъ вліянія на поведеніе Австріи въ прусско-французскую войну; но несправедливо мнѣніе, что оно только помѣшало Австріи быть увлеченной Россіей и Пруссіей въ войну съ Наполеономъ. Во первыхъ, военныя средства имперіи были ничтожны, и не смотря на всѣ усилія, вооруженія еще не были окончены къ марту 1807 году. Съ другой стороны, вліятельнѣйшія лица при вѣнскомъ дворѣ Стадіонъ и эрцгерцогъ Карлъ, были въ нерѣшительности, слѣдуетъ-ли сблизиться съ Франціей или держаться союза съ Пруссіей и Россіей. Къ тому-же относительно востока, были уже не тѣ воззрѣнія, которыя проводилъ Іосифъ; эрцгерцогъ Карлъ придавалъ дунайскимъ княжествамъ гораздо бо̀льшее значеніе, чѣмъ его вѣнценосный родственникъ, и утверждалъ, что Россія, ставъ твердою ногою на Дунаѣ, будетъ для Австріи опаснѣе Франціи. При такомъ положеніи дѣлъ, восточная ссора представила то удобство, что давала возможность относительно Россіи и Пруссіи держаться нейтрально.

При Тильзитскомъ мирѣ, сблизившемъ Францію съ Россіей, кажется, восточный вопросъ былъ также затронутъ. Хотя на счетъ соглашенія, послѣдовавшаго между двумя императорами въ Вѣнѣ, принуждены были ограничиться предположеніями, но все же были убѣждены, что на счетъ Турціи приняты рѣшенія. Наполеонъ увѣрялъ австрійскаго посла Винцента, что онъ принялъ только обязательство возстановить миръ между Россіей и Портой; но въ Вѣнѣ не могли отказаться отъ подозрѣнія, что союзъ императоровъ, долженъ повести къ преобразованіямъ на востокѣ; а эта мысль смущала уже потому, что перестановка земель и народовъ на юго-востокѣ не стояла болѣе въ программѣ австрійскихъ государственныхъ людей, которые приняли теперь за аксіому поддержку Порты.

Со времени Пресбургскаго мира Австрія была въ тягостномъ положеніи, будучи принуждена выносить на себѣ разногласія другихъ державъ и, для услугъ повелителю Франціи, принимать роль посредницы въ его объясненіяхъ съ Англіей. Посланникъ Австріи, Метернихъ, выслушалъ изъ устъ Талейрана извѣстныя слова, о направленіи котораго должна держаться Австрія. „Вы не должны давать себя отстранять,“ говорилъ французскій дипломатъ, „но участвовать въ событіяхъ, которыя подготовляются. Всякій другой родъ дѣйствій, былъ бы для васъ болѣе чѣмъ опасенъ, онъ бы низвергъ Австрію. Императоръ составляетъ два плана, одинъ покоится на дѣйствительности, другой— походитъ на романъ; первый есть раздѣлъ Турціи, второй касается экспедиціи въ Индію; въ нихъ вы должны участвовать. Французскіе и русскіе солдаты должны быть только тамъ, гдѣ находятся и австрійцы; французы, русскіе и австрійцы, должны когда нибудь вступить въ Константинополь“. Отвѣтъ Метерниха на эти инструкціи не былъ отрицательнымъ. изъ второй бесѣды австрійскій дипломатъ узналъ, что Австрію не обязываютъ участвовать, но что иниціатива съ ея стороны не будетъ отклонена. На вопросъ посла: какія земли Франція предназначаетъ себѣ? Талейранъ отвѣчалъ: „моря и острова, а также Египетъ насъ удовлетворитъ; вамъ достанется Дунай, Боснія и Болгарія; если-бы русскіе не владѣли Крымомъ, то и Константинополь долженъ бы достаться вамъ, но въ томъ видѣ, какъ теперь находятся дѣла, другіе имѣютъ на него болѣе правъ“.

Метернихъ былъ убѣжденъ, что сдѣланные Талейраномъ наброски, не составляютъ фантазію, но что Наполеона, не шутя, занимала мысль разрушенія Порты, и сколько ни обдумывалъ австрійскій посолъ наиболѣе подходящее положеніе для Австріи, онъ убѣдился въ невозможности вступаться за поддержаніе Порты и рекомендовалъ своему ка-

бинету пользоваться случаемъ для полученія возможно бо́льшей доли.

Изъ Вѣны поспѣшили снабдить Метерниха необходимыми наставленіями. Въ теченіе всего 1807 года тамъ занимались разрѣшеніемъ вопроса, какія области Австрія должна будетъ выговорить себѣ, когда безповоротно рѣшится раздѣлъ Турціи. Цѣлый рядъ памятныхъ записокъ выработанъ былъ съ этою цѣлью начальникомъ главнаго штаба. Составитель ихъ исходилъ изъ того взгляда, что если Франція останется въ обладаніи Далмаціею, то Австрія должна получить Бѣлградъ и области между Дриной и Тимокомъ, чтобы такимъ образомъ владѣть ближайшимъ путемъ на Константинополь и воспрепятствовать другой державѣ захватить этотъ городъ. Если же Австрія получитъ обратно Далмацію, то она должна требовать себѣ турецкую Кроацію, Боснію и часть нижняго Дуная, для того чтобы въ будущемъ обезпечить себя отъ Италіи и Россіи. Ни въ какомъ случаѣ Дунайскія княжества не должны были доставаться Россіи, потому что тогда Австрія была бы поставлена въ невыгодное военное положеніе.

При сравненіи новаго плана съ тѣмъ, котораго держался Іосифъ, оказывалось, что прежнія соображенія о раздѣлѣ были гораздо выгоднѣе тѣхъ, на которыя указывалъ Талейранъ; но берега Адріатики находились во власти Франціи, и отреченія отъ нихъ нельзя было ожидать со стороны Наполеона. Извѣстія, прибывшія изъ Петербурга, не оставляли никакого сомнѣнія, что восточный вопросъ усердно разработывается Россіей сообща съ Франціей; Мерфельдъ доносилъ, что Наполеонъ прислалъ русскому кабинету проектъ раздѣла Турціи, увѣдомляя, что Австрія готова ему содѣйствовать. Въ Петербургѣ занимались не только разчлененіемъ европейской Турціи, но также и планомъ общаго Россіи съ Франціей похода въ Индію. Русскіе готовы были присоединиться къ нему, и только мнѣ-

нія были раздѣлены о родѣ участія въ немъ Австріи; но всѣ видѣли въ исполненіи этихъ плановъ благополучіе Россіи и славу царствованія Александра.

Метерниху не пришлось сдѣлать употребленія изъ инструкцій, которыми снабдила его Вѣна: получены были извѣстія о намѣреніяхъ Наполеона относительно Испаніи, и явилась надежда, что навремя всѣ восточные проекты будутъ отсрочены; а затѣмъ происшествія въ Байонѣ сдѣлали на императора Франца такое сильное впечатлѣніе, что онъ предложилъ своимъ министрамъ принять необходимыя мѣры для спокойствія и защиты имперіи; а предпріятія противъ Порты подвергнуть новому обсужденію; въ концѣ же апрѣля Метерниху было приказано не принимать никакихъ предложеній по дѣламъ востока.

Всѣ комбинаціи о раздѣлѣ Турціи не остались безъ вліянія на высокую Порту. Когда въ Константинополѣ узнали о свиданіи Наполеона съ Александромъ въ Тильзитѣ, турецкіе министры употребили всѣ старанія расположить къ Портѣ Австрію и чрезъ нее войти въ соглашеніе съ Россіей. Страхъ предъ Франціей былъ такъ великъ, что Рейсъ-эфенди не рѣшался имѣть съ австрійскимъ интернунціемъ открытаго свиданія; но въ Вѣнѣ не было ни малѣйшаго расположенія исполнить желанія Порты, и какъ ни старалась она выпытать мнѣнія руководящихъ австрійскихъ министровъ, Стадіонъ оставался молчаливымъ. „Портѣ нельзя давать никакого совѣта“, отвѣтилъ императоръ на докладъ 28 ноября 1807 года, „но можно высказывать ей высшее дружеское расположеніе“. Только со времени испанскаго приключенія вышелъ интернунцій изъ своей сдержанности и поддержалъ англійскаго посланника на Босфорѣ въ его стараніяхъ устроить Портѣ миръ съ Россіей. Въ то же время австрійскій кабинетъ сталъ прилагать старанія ближе сойтись съ Россіей въ ущербъ Франціи. Извѣстія Метерниха изъ Парижа изобиловали друже-

скими выраженіями къ Австріи тогдашняго русскаго посланника во Франціи, Толстого. Въ Вѣнѣ желали также высказать чѣмъ-либо свое расположеніе къ союзу съ Россіей и объявили о своей готовности содѣйствовать ей завоевать Молдавію и Волахію. Стадіонъ дѣлалъ на этотъ счетъ князю Куракину соотвѣтственные намеки, а Мерфельдъ еще откровеннѣе высказался русскимъ министрамъ. Даже эрцгерцогъ Карлъ, который болѣе всѣхъ австрійскихъ государственныхъ людей усматривалъ вредъ въ укрѣпленіи Россіи на Дунаѣ, примирился съ мыслью предоставленія ей Дунайскихъ княжествъ. Интернунцій получилъ предписаніе ограничиться ролью наблюдателя, удерживать Порту отъ всякаго несвоевременнаго грознаго шага, и только стороною давать понять, что Австрія желаетъ прекращенія несогласій Порты съ Россіей, и для этого, можетъ быть, будетъ принуждена принять дѣятельное участіе. Дружественная къ Россіи политика дошла до того, что Стадіонъ началъ сообщать русскому послу въ Вѣнѣ свѣдѣнія о передвиженіяхъ турецкихъ войскъ [6]).

Еще усерднѣе сдѣлались старанія сойтись съ Россіей со времени встрѣчи Наполеона съ Александромъ въ Эрфуртѣ. Какъ только пришло извѣстіе въ Вѣну о предстоящей встрѣчи императоровъ, то явилось убѣжденіе, что между ними будутъ ведены переговоры о востокѣ. Сообщали изъ вѣрныхъ источниковъ, что Наполеонъ привезъ планъ, предоставлявшій Россіи завоеванія на востокѣ, въ чемъ должна была бы принять участіе и Австрія подъ условіемъ, „чтобы за надежду значительнаго расширенія на восточной границѣ, Галиція была уступлена французскому императору. „Существованіе этого проекта“, замѣ-

[6]) Императоръ Францъ неодобрялъ подобныхъ дѣйствій, но Стадіонъ отвѣчалъ, что и безъ посредства Австріи русскій посланникъ узналъ бы все, а между тѣмъ Австрія оказываетъ такимъ образомъ какъ бы услугу Россіи.

чаетъ Стадіонъ въ своемъ донесеніи императору, „составляя, по всѣмъ вѣроятіямъ, лишь часть болѣе обширной политической ткани, не оставляетъ сомнѣнія, что Наполеонъ желаетъ, какъ можно удобнѣе и крѣпче заманить Россію въ сѣти французской политики".

Донесенія Винцента, посланнаго въ Эрфуртъ, были успокоительнѣе; по проекту Наполеонъ предоставлялъ союзницѣ Финляндію и Дунайскія княжества, чтобы самому имѣть свободныя руки въ Испаніи и Португаліи, и чтобы на случай войны съ Австріей заручиться поддержкой Александра. Выраженія, касавшіяся Австріи въ эрфуртскомъ договорѣ, который Винценту удалось добыть, ничего не говорили о какомъ-либо насиліи надъ Австріей, или о планахъ раздѣла Турціи.

Чѣмъ невозможнѣе казалась австрійскимъ министрамъ борьба съ Франціей, тѣмъ яснѣе видѣли они, что Австрія принуждена будетъ всѣ свои силы отдать въ распоряженіе Наполеона; а потому, болѣе, чѣмъ когда-либо, цѣнилась дружба сѣверной державы. Политика вѣнскаго кабинета какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Константинополѣ, терпѣла, однако, крушеніе. Александръ I и его приближенные, основываясь на эрфуртскомъ свиданіи и союзѣ съ Наполеономъ, строили предположенія, что въ восточномъ вопросѣ можно обойтись и безъ согласія Австріи; Порта также не поддавалась на убѣжденія объ уступкѣ Дунайскихъ княжествъ; во всемъ для Австріи былъ неуспѣхъ, и только съ Англіей удалось ей въ тайнѣ заключить договоръ въ январѣ 1809 года.

Какъ только вѣнскій кабинетъ убѣдился, что нечего надѣяться на соглашеніе съ Россіей, то его дипломатія сдѣлала вольтъ фасъ и занялась въ Константинополѣ противодѣйствіемъ мира съ Россіей. Къ концу 1808 года со стороны Порты послѣдовало признаніе за австрійскимъ императоромъ титула Падишаха, который доселѣ писали только

при сношеніяхъ съ Франціей и Россіей и въ чемъ отказывали Австріи. Французскій посолъ далъ понять Дивану, что Наполеонъ неблагосклонно посмотритъ на эту уступку; а изъ этаго въ Вѣнѣ вывели заключеніе, что Порта не желаетъ долѣе сносить французское иго[7]). Адоиръ высказался было за уступку Россіи Дунайскихъ княжествъ подъ извѣстными условіями; но Стадіонъ сдѣлалъ англійскому послу указанія на вредъ подобнаго шага, говоря, что надѣется на твердость новаго султана, который не сдѣлаетъ уступки.

Во время войны Австріи съ Наполеономъ, содѣйствіе Порты не было упущено изъ виду вѣнскимъ кабинетомъ. Императоръ поручилъ Стадіону употребить всѣ старанія, чтобы разъяснить туркамъ зло, которое ихъ постигнетъ, если французамъ удастся укрѣпиться въ Албаніи или завоевать часть ея; и даже позже, послѣ потери Ваграмскаго сраженія, думали, въ случаѣ продолженія войны, заручиться дружбой османовъ, считая, что ею пренебрегать не слѣдуетъ.

---

[7]) Доклады 1 января 1809 года.

ГЛАВА III.

СЕРБСКОЕ ВОЗСТАНІЕ.

Ни въ одной изъ частей турецкой имперіи стремленіе освободиться отъ власти мусульманъ не было такъ живо и сильно, какъ въ Сербіи. Злодѣйства янычаръ возмущали неугасшее національное чувство и вызывали горячее желаніе перемѣны. Съ самаго начала семилѣтней войны, русскіе агенты дѣятельно тамъ работали. Австрія также завязала сношенія съ недовольными, послѣ того, какъ принято было рѣшеніе доставить Россіи условленную поддержку. Когда войска Іосифа II утвердились на сербскихъ границахъ, австрійскіе посланцы старались чрезъ посредство князей и духовенство возбудить сербское населеніе къ войнѣ. Корпусъ сербскихъ волонтеровъ поступилъ на службу императора и выказалъ за это время много храбрости. Надежды на свѣтлую будущность мелькали предъ сербскимъ народомъ и онъ съ увѣренностью расчитывалъ на присоединеніе къ Австріи; но эта надежда не состоялась: систовскій миръ оставилъ сербовъ подъ властью турокъ. Ихъ включили въ общую амнистію, которая была обусловлена договоромъ; они должны были вступить въ мирное пользованіе своимъ имуществомъ и правами, а участіе ихъ въ войнѣ противъ султана и присяга на подданство императору были прощены; но въ сущности, улучшеніе ихъ участи основывалось единственно на строго выговоренномъ условіи въ мирномъ трактатѣ, что пребываніе янычаръ не допускается въ Сербіи.

Вызванное Екатериною и Іосифомъ движеніе христіанскихъ населеній выразилось всего сильнѣе въ Черногоріи; здѣсь даже послѣ систовскаго мира продолжалась война и тяготѣніе къ единовѣрной Россіи. Османы подъ начальствомъ скутарійскаго паши Кара-Махмуда, имѣя въ виду нападеніе на венеціанскія владѣнія въ Далмаціи, разлились по сосѣдней Черногоріи, раззоряя ее; но жители съ величайшей энергіей взялись за оружіе и нанесли врагу жестокое пораженіе. Посланныя въ Петербургъ извѣстія о войнѣ были сердечно привѣтствованы Платономъ Зубовымъ; громко восхваляли въ Россіи храбрость черногорцевъ, радуясь, что священное имя славной русской царицы воодушевляло ихъ въ битвахъ съ врагами христовой вѣры, и геройскому населенію обѣщана была помощь [1]).

Со времени сраженія при Крузе 22 сентября 1796 г., Порта снова по временамъ дѣлала попытки противъ Черногоріи, но жители ея успѣшно отражали нападенія, и императоръ Павелъ при собственноручномъ письмѣ отъ 1 Мая 1798 г. наградилъ владыку орденомъ Александра Невскаго и послалъ тысячу червонцевъ, съ обѣщаніемъ ежегодной высылки по столько же. „Я убѣжденъ“, писалъ онъ 11 января 1799 г., „что со стороны римскаго цесаря и оттоманской Порты ваши законныя права не будутъ нарушены, такъ какъ Мы печемся о вашемъ благополучіи, и повелѣли Нашему посланному въ Вѣнѣ и министру въ Константинополѣ упомянутымъ державамъ сдѣлать извѣстными эти Наши желанія“.

Не видно, однако, чтобы въ Вѣнѣ очень вѣрили симпатіи Россіи къ черногорцамъ; въ ней были убѣждены, что Павелъ порвалъ всѣ связи съ народами греческаго исповѣданія, съ тѣхъ поръ, какъ сталъ союзникомъ османовъ. Только послѣ того, какъ сдѣлалась извѣстна дѣятельность

[1]) Милаковичъ, 1877. Storia del Montenegro.

русскихъ эмиссаровъ въ Албаніи и узнали, что воцарившійся Александръ обезпечилъ черногорцамъ ежегодную субсидію, обратили болѣе вниманія на событія въ Черногоріи и заявили въ Петербургѣ жалобу, что Россія, кажется, забыла о сдѣлкѣ между Іосифомъ и Екатериной, по которой эта земля входила въ планъ надѣла Австріи. Переговоры, въ особенности о Черногоріи, завязались съ 1804 года, возобновивъ восточный вопросъ, но соглашенія по нимъ не состоялось.

Черногорія почти завоевала свою независимость; въ Сербіи же надежды на устраненіе турецкаго владычества не осуществились. Управленіе Абубекира II, въ особенности, Хаджи-Мустафы привлекло симпатіи сербскаго населенія; но возвращеніе въ Бѣлградъ янычаръ, которымъ по слабости подчинялась Порта, убіеніе Хаджи-Мустафы, невыносимо-буйное управленіе дагисовъ, какъ назывались вожди янычаръ, и безплодныя старанія Порты облегчить тяготы сербовъ повели къ возстанію, которое дагисы надѣялись было утушить въ зародышѣ убійствомъ князей и высшаго духовенства. Тогда то призывъ къ оружію раздался по всей странѣ; Георгій Петровичъ, прозванный Чернымъ (Кара), собралъ вокругъ себя толпу рѣшительной молодежи и возстаніе быстро распространилось по Сербіи. Янычары укрылись въ укрѣпленныя мѣста, но сербы овладѣли ими, и мысль навсегда освободиться отъ тягостнаго ига пустила глубокіе корни въ странѣ.

Сербское возстаніе только тогда вызвало въ Австріи сочувствіе, когда дагисы съ ордой янычаръ появились въ австрійскихъ владѣніяхъ, розыскивая бѣжавшихъ сербовъ. Еще прежде того, послѣ первыхъ своихъ успѣховъ, повстанцы обратились къ Австріи, объясняя, что они преданы грабежу за услуги, оказанныя ими имперіи во время прошедшей войны, и за ихъ привязанность къ дому императора. Затѣмъ въ продолженіи борьбы, какъ сербы, такъ и

турки нерѣдко обращались къ посредничеству пограничныхъ австрійскихъ начальниковъ, а когда Собацъ былъ стѣсненъ повстанцами и турецкій гарнизонъ, приблизительно изъ ста человѣкъ, вынужденъ былъ сдаться на капитуляцію, то обѣ стороны обратились къ австрійскому полковнику Стойшевичу съ просьбой быть, ежели не посредникомъ, то лицомъ, приложившимъ свою подпись къ капитуляціонному договору; этотъ согласился, капитуляція состоялась и гарнизонъ перешелъ въ Бѣлградъ. Бѣлградскій паша и сербскіе вожди просили начальника Баната и Славоніи о возстановленіи спокойствія; сначала просьба эта была отклонена, но они неотвязчиво настаивали на томъ же, и депутаты обѣихъ сторонъ явились 10 Мая 1804 года въ Землинѣ въ квартиру коменданта. Этотъ согласился устроить примиреніе, но старанія его остались безуспѣшны, въ виду раздраженія противниковъ.

Нѣсколько дней до этого совѣщанія, Карагеоргій высказалъ австрійскому капитану Шайтинскому, что весь сербскій народъ желаетъ перейти подъ власть эрцгерцогскаго дома, потому что онъ не можетъ и не желаетъ долѣе оставаться подъ владычествомъ своевольнаго и несправедливаго управленія Порты. Сербы готовы передать императору Бѣлградъ, Собацъ и Семендрію и просятъ себѣ главою одного изъ принцевъ Габсбургскаго дома; если же Австрія не согласится принять ихъ въ подданство, то сербы будутъ принуждены обратиться къ другой державѣ.

До сихъ поръ Австрія держалась совершенно пассивно и дала въ Константинополѣ недвусмысленное заявленіе, какъ живо желала бы она видѣть возстановленіе спокойствія; и теперь ограничилась лишь тѣмъ, что извѣстила интернунція объ этомъ шагѣ повстанцевъ, поручивъ ему подвигнуть Порту на болѣе мягкій образъ дѣйствій, прибавляя при этомъ, что Диванъ не долженъ имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что императорскій кабинетъ

не намѣренъ вмѣшиваться въ распоряженія турецкой имперіи.

Сербы, отстраненные Австріей, обратились въ Петербургъ. На этотъ шагъ подвигнулъ ихъ бывшій австрійскій офицеръ Петръ Черкадилья Новаковичъ. Матвѣй Ненадовичъ, Черкадилья и Иванъ Бродичъ были избраны для подачи прошенія и 7 ноября 1804 года направились въ Петербургъ.

Для русской дипломатіи открывался новый горизонтъ. Доселѣ русская политика не имѣла въ виду вліять на сербскія дѣла; при всѣхъ переговорахъ въ послѣднія десятилѣтія о раздѣлѣ турецкой имперіи, Сербія и Черногорія предназначались Австріи; теперь начала выдвигаться связь Сербіи съ Россіей и краснорѣчивымъ сторонникомъ этой связи явился сербскій митрополитъ въ Венгріи, Стратоміровичъ. Возстановленіе стариннаго сербскаго королевства при содѣйствіи Россіи было основною политикою его стремленій. Въ памятной запискѣ іюня 1804 года, доставленной въ Петербургъ чрезъ протоіерея Сангоборскаго, духовника Александры Павловны, супруги венгерскаго Палатина, указалъ онъ на огромныя выгоды, которыя извлечетъ Россія, поддержавъ сербское движеніе. По его плану, сербы должны были временно остаться подъ властью Порты и, платя ей опредѣленную дань, управляться самостоятельно, находясь вмѣстѣ съ тѣмъ подъ покровительствомъ Россіи. Эта форма должна была быть принята на томъ основаніи, что полное освобожденіе Сербіи могло легко возбудить сопротивленіе Австріи. Эта же держава должна была уступить Сербіи Катарскій округъ съ берегомъ и быть вознаграждennой частью турецкой Кроаціи; за Сирмію вѣнскій дворъ могъ присоединить Валахію до Алуты. „Каждый истинный славянинъ и ревностный русскій“, такъ заключалъ свою записку князь церкви, „долженъ всѣми силами содѣйствовать этому плану“.[2])

[2]) Записки археологическаго общества при Московскомъ университетѣ. 1867.

Первое время посылка сербовъ въ русскую столицу, конечно, не имѣла непосредственныхъ послѣдствій. Война противъ Наполеона стояла тогда въ программѣ русскаго царя прежде всего, и приходилось поддерживать, дружескія отношенія къ Константинополю. Министръ иностранныхъ дѣлъ, Чарторижскій, удовольствовался тѣмъ, что переслалъ прошеніе сербовъ русскому послу на Босфорѣ, чтобы тотъ, представя его турецкимъ министрамъ, убѣждалъ ихъ къ умѣренности и снисходительности къ сербамъ.

По возвращеніи сербскихъ посланцевъ изъ Петербурга, состоялись въ Острошницѣ переговоры между вождями возстанія, турецкими уполномоченными изъ Бѣлграда и довѣренными господарей Молдавіи и Валахіи; но они не имѣли послѣдствій, такъ какъ сербы требовали самостоятельнаго управленія и очищенія турками крѣпостей, предлагая за это ежегодную высылку въ Константинополь опредѣленной суммы въ видѣ контрибуціи. Война началась снова и сербы дрались съ успѣхомъ въ теченіи 1805 г. Вновь назначенный бѣлградскій правитель двинулся съ значительными силами къ сербскимъ границамъ, но былъ отброшенъ повстанцами; Семендрія пала и только въ Собацѣ, Ушицѣ и Бѣлградѣ держались турки. Тогда Порта предписала скутарійскому пашѣ, Ибрагиму, употребить всѣ усилія на одолѣніе сербовъ. Еще до возобновленія военныхъ дѣйствій, сербскіе вожди снова обратились въ Вѣну; въ запискѣ своей, отъ 5 марта 1805 г., къ эрцгерцогу Карлу, они просили его передать падишаху, великому султану, что сербы соберутъ контрибуцію и исправно внесутъ ее; что „не противъ султана поднялись мы“, говорилось въ письмѣ ихъ отъ 29 марта, „но чтобы оградить себя отъ разбойниковъ, и чтобы наши дѣти и жены не были уведены въ рабство. Мы всеподданнѣйше просимъ вспомнить, что во всѣхъ договорахъ Турціи съ Австріей и Россіей

торжественно заявлялось, что сербы не будутъ подвергаться притѣсненіямъ".

Лѣтомъ во время войны Австріи съ Наполеономъ, сербы снова просили о помощи. „Мы почтительнѣйше доносимъ", писали они 6 іюня 1805 года эрцгерцогу Карлу, „что все обстоитъ благополучно и между нами царствуютъ дружба и благополучіе; по сей день мы имѣемъ подъ ружьемъ 97.000 человѣкъ. Изъ Софіи, Скутари и Босніи получили мы извѣстія, что турки готовятся напасть на насъ со всѣхъ сторонъ; но съ Божьей помощью, мы надѣемся удержаться. Въ заключеніе просимъ мы, въ возможной скорости, прислать намъ снарядовъ чрезъ сербскихъ купцовъ; также просимъ дать нѣсколько канонировъ и, если можно, старыхъ пушекъ; за все уплотимъ наличными. Во имя Бога, мы надѣемся только на императорскій дворъ".

Гофкригсратъ отклонилъ и эту просьбу.

Вслѣдствіе холоднаго отношенія къ нимъ Австріи, сербы послали въ февралѣ 1806 г. депутацію къ австрійскому и русскому императорамъ въ Вѣну. Министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Стадіонъ, раздѣлялъ взгляды своего предмѣстника на отношенія Австріи къ сербскому возстанію; признавая, что продолженіе неурядицы угрожаетъ австрійскимъ границамъ, что торговля и передвиженія сдѣлаются невозможными и открывается путь чужеземнымъ интригамъ, онъ не считалъ, однако, необходимымъ дѣятельное вмѣшательство, хотя сама Порта требовала посредничества Австріи для успокоенія вражды.

„Какъ могутъ голыя увѣщанія", говорилъ Стадіонъ въ докладѣ императору, „подѣйствовать на сербовъ и заставить ихъ сложить оружіе, когда мы въ утѣшеніе имъ можемъ обѣщать только амнистію Порты? Эти люди, благодаря военнымъ успѣхамъ и единодушію, добились грознаго положенія и права говорить со своимъ государемъ, какъ съ равнымъ; тутъ посредничество Австріи будетъ безплод-

нымъ, достоинство императорскаго двора и положеніе самой Порты будетъ скомпрометировано, а въ сербахъ возбудитъ вмѣсто довѣрія—мнительность, вмѣсто надежды—отчаяніе. Въ виду проэкта Наполеона присоединить Далмацію и Албанію къ Иллирійскому королевству, скорое прекращеніе сербскаго возстанія было-бы весьма желательнымъ какъ для Австріи, такъ и для Турціи; поэтому слѣдуетъ дѣйствовать инымъ способомъ, а именно, чрезъ посредство мѣстнаго главнокомандующаго объявить воюющимъ сторонамъ, что ежели они между собою не покончатъ миромъ, то Австрія запретитъ провозъ жизненныхъ припасовъ".

Императорское рѣшеніе состоялось не вполнѣ согласно съ докладомъ министра. „Намѣреніе императора", говорится въ немъ, „направлено къ скорѣйшему прекращенію распри между турками и сербами, чрезъ посредничество и ходатайство предъ турецкимъ султаномъ. Чтобы прекратить безпорядки и войну въ сосѣдствѣ съ Австріей, министръ долженъ употребить всѣ мирные способы и дать интернунцію соотвѣтственныя инструкціи. Письмо, адресованное на имя императора Александра, доставить ему и увѣдомить петербургскій кабинетъ о принятыхъ мѣрахъ. Находящимся въ Вѣнѣ сербскимъ депутатамъ выяснить императорскія намѣренія и потребовать ихъ возвращенія домой; наконецъ министру, обще съ эрцгерцогомъ Карломъ, переговорить о мѣрахъ къ огражденію нашихъ границъ отъ всякихъ нарушеній со стороны турокъ и сербовъ".

Вслѣдствіе императорскаго приказа, сербскіе депутаты получили приглашеніе прибыть 28 февраля въ 7 часовъ утра въ государственную канцелярію, чтобы, оставя всякія возраженія, выслушать отвѣтъ на свои просьбы. Въ настоящую минуту просьба сербовъ заключалась въ томъ, чтобы безоружныя толпы пограничныхъ жителей могли спастись отъ преслѣдованія турокъ въ австрійскіе пре-

дѣлы и чтобы имъ не было отказано въ пріютѣ и пособіи. На вопросъ, что депутаты расчитываютъ сдѣлать, ежели русскій царь не окажется въ Вѣнѣ, они отвѣтили, что въ этомъ случаѣ они еще настоятельнѣе обращаютъ свою просьбу къ повелителю Австріи, такъ какъ въ виду большой отдаленности Россіи и крайности ихъ положенія, имъ нужна скорѣйшая помощь; письмо же къ русскому царю они просятъ отослать при случаѣ. Потомъ они объяснили свое критическое положеніе, что хотя они имѣютъ 40.000 человѣкъ подъ ружьемъ, и при усиліи могли бы выставить ихъ до 100.000, но, истративъ всѣ снаряды, они не въ силахъ противустать надвигающимся со всѣхъ сторонъ турецкимъ арміямъ. Ихъ погибель неизбѣжна, если императоръ, во вниманіе къ ихъ долгимъ страданіямъ, а также ихъ преданности къ Австріи, не доставитъ имъ сильной поддержки. Теперь они умоляютъ дать имъ опытнаго предводителя, нѣсколько регулярныхъ войскъ и боевые припасы; это даже составляетъ главную цѣль ихъ поѣздки.

Въ отвѣтъ они получили слѣдующее: „Императоръ принимаетъ въ населеніи Сербіи живое участіе и готовъ, по возможности, оказывать сербамъ дѣйствительную помощь, ходатайствуя за нихъ предъ султаномъ; но при дружескихъ отношеніяхъ, существующихъ между австрійскимъ и турецкимъ правительствами, невозможно дать сербамъ войско и снаряды; отъ этой мысли они должны отказаться и не обманывать себя ложными надеждами, а дѣлать предложенія возможныя, которыя бы императоръ могъ поддержать предъ Портою“.

Въ первыхъ числахъ марта 1806 г. эрцгерцогъ Карлъ потребовалъ отъ Карагеоргія и предводителя турецкихъ войскъ пріостановки военныхъ дѣйствій. Императоръ послалъ султану письмо, и барону Стюрмеру было поручено войти въ переговоры съ Портою о средствахъ и способахъ возстановить миръ и условиться съ Австріею на счетъ

мѣста свиданія. По приказанію эрцгерцога, на границѣ были приняты предупредительныя мѣры, чтобы воспрепятствовать волненіямъ въ Босніи и Герцеговинѣ; а также дано знать, что невооруженные сербы могутъ найти пріютъ въ Австріи, подъ условіемъ не предъявлять требованій о средствахъ жизни.

Австрійскія предложенія были дружественно приняты Портою, но на нихъ отвѣчали уклончиво: что Порта уже много лѣтъ дѣйствовала миролюбиво и съ терпѣніемъ, а теперь должна прінскать средства привести къ повиновенію безпокойныхъ подданныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ интернунцій донесъ, что въ Константинополѣ расчитываютъ силою оружія возстановить спокойствіе. Въ виду этихъ обстоятельствъ, въ Вѣнѣ съ тревогою посматривали на Францію, такъ какъ Наполеонъ могъ легко вмѣшаться въ дѣло, принявъ ту или другую сторону; а пока рѣшились относительно сербовъ поддерживать строжайшій нейтралитетъ, рекомендованный Стадіономъ. Много разъ Карагеоргій обращался въ Вѣну съ просьбою о разрѣшеніи привозить изъ Австріи продовольствіе, но на эти просьбы отвѣчали уклончиво, опасаясь, чтобы рѣшительный отказъ не имѣлъ вида враждебнаго отношенія къ сербамъ.

Но вотъ возгорѣлась война между Россіей и Портой и явилось опасеніе, чтобы русскія войска не соединились съ сербами. Эрцгерцогъ Карлъ высказался за дѣятельную политику на юго-востокѣ. Боялись, чтобы Бѣлградъ не попалъ въ руки русскихъ и не сдѣлался военнымъ центромъ, въ прóтивность всѣмъ интересамъ Австріи; эрцгерцогъ совѣтовалъ императору взять этотъ важный пунктъ, сдѣлавъ Портѣ заявленіе, что по возстановленіи спокойствія императоръ возвратитъ его туркамъ.

Стадіонъ, которому былъ переданъ на обсужденіе планъ эрцгерцога, не поддался военнымъ соображеніямъ. Онъ отвѣчалъ монарху, что не считаетъ себя компетентнымъ

рѣшать, легче ли привести въ исполненіе насильственное предпріятіе противъ Бѣлграда, или нечаянное нападеніе, и въ состояніи ли Австрія, если бы ей удалось захватить Бѣлградъ, удержать его противъ нападеній сербовъ или турокъ; но Стадіонъ сомнѣвался, чтобы Порта, и даже сербы, одобрили подобный поступокъ, хотя Карагеоргій чрезъ своихъ довѣренныхъ, бывшихъ въ Вѣнѣ, высказывалъ, что сербы готовы въ этомъ содѣйствовать Австріи.

Стадіона особенно смущали соображенія о внѣшнихъ усложненіяхъ. Хотя Порта при ея слабости не представляла большой опасности, но захватъ Бѣлграда могъ произвести дурное впечатлѣніе въ Петербургѣ, и все же не помѣшалъ бы поступательному движенію русскихъ войскъ. Наконецъ и Наполеонъ могъ поставить Австріи въ цѣну обладаніе Бѣлградомъ и потребовать вознагражденія, или сталъ бы объяснять этотъ шагъ, какъ тайное соглашеніе Австріи съ Россіей, для развитія стараго договора объ уничтоженіи Турціи, и во всякомъ случаѣ не упустилъ бы выставить поступокъ Австріи въ отвратительномъ видѣ и имперіи грозила война, какъ неизбѣжное послѣдствіе.

Императоръ согласился съ мнѣніемъ министра. Между тѣмъ, по нѣкоторымъ признакамъ можно было заключить, что какъ бѣлградскій паша, такъ и сербы желаютъ, чтобы этотъ городъ былъ занятъ австрійцами. Тогда по совѣту Стадіона, въ главную квартиру Наполеона, въ Варшавѣ, посланъ былъ генералъ Винцентъ, чтобы узнать на этотъ счетъ мнѣніе императора французовъ. Объясненіе состоялось 8 января 1807 года.

Австрійскій посолъ высказалъ замѣчаніе, что въ австрійскихъ интересахъ было бы желательно не допускать русскихъ овладѣть Орсовой и Бѣлградомъ, и намекнулъ, что Австрія вступила бы въ эти крѣпости, если бы на то имѣла согласіе Франціи. Наполеонъ въ то время находился въ дружескихъ отношеніяхъ къ Портѣ, и еще въ ноябрѣ

1806 г. писалъ султану, что считаетъ своей миссіей спасти Турцію и совѣтовалъ ей не уступать сербамъ; поэтому, не отклоняя вполнѣ желаній Австріи, онъ поставилъ условіемъ, чтобы на этотъ счетъ состоялось соглашеніе съ Диваномъ и чтобы австрійскіе солдаты, вступая въ крѣпость, переодѣлись турками или сербами. Это предложеніе противурѣчило плану эрцгерцога Карла, и потому императоръ Францъ былъ радъ отъ него отказаться.

Такимъ образомъ австрійскій кабинетъ не измѣнилъ своей системы относительно Сербіи: не принимать никакихъ обязательствъ и поддерживать сношенія съ вождями, чтобы знать намѣренія сербовъ. Но эта воздержность охладила симпатіи къ Австріи, и въ странѣ образовались двѣ партіи, которыя безъ помощи имперіи намѣревались возстановить независимость и самостоятельность страны. Во главѣ такъ называемой національной партіи, стали Лука Лазаревичъ, Миланъ Петровичъ и Младенъ Митрофановичъ; программа ихъ заключалась въ возстановленіи великаго сербскаго царства. Сербскіе эмиссары появились въ Сирміи и Банатѣ и завязали сношенія съ единовѣрцами своими сербскаго и валашскаго происхожденія; даже въ австрійскихъ полкахъ Іелашича, Беніовскаго и Альвинчи сербская пропаганда нашла отзывъ. Въ народныхъ разсказахъ и пѣсняхъ славились прежнія и новыя воинскія доблести сербовъ. Въ брошюрѣ „что такое папа?“ старались доказать, что Кириллъ и Меѳодій въ Богеміи и Моравіи были не католическіе учители, но старовѣрческіе проповѣдники; а въ изданіи, появившемся въ Офенѣ, дѣлались сильные нападки на венгровъ и находилось изображеніе гербовъ всѣхъ земель, которыя принадлежали сербскому царству во время его процвѣтанія.

Вторая партія, во главѣ которой стояли Миленко Стоичъ, Новаковичъ, Живковичъ и бѣлградскій епископъ Братичъ обратила свои симпатіи къ Петербургу и ратовала за

крѣпкій союзъ съ Россіей. Это стремленіе нашло поддержку въ русскомъ генеральномъ консулѣ Родофинаки, который имѣлъ инструкцію обнадежить сербовъ въ участіи къ нимъ Россіи, увѣряя, что только отъ единовѣрцевъ могутъ они ждать спасенія; при этомъ онъ доставилъ сербамъ въ пособіе полмилліона гульденовъ. Даже Карагеоргій, который изъ всѣхъ сербскихъ вождей менѣе всего стремился къ союзу съ православнымъ государствомъ, не могъ противустать теченію окружающихъ его. Въ Бартенштейнѣ появились сербы, предлагавшіе 80-тысячной русской арміи соединиться съ сербскимъ ополченіемъ и, провозгласивъ Александра королемъ Сербіи, дѣйствовать сообща противъ Порты и французовъ въ Далмаціи; они завѣряли, что къ нимъ присоединилась бы Герцеговина, Боснія и Каттаро. Послѣ Тильзитскаго мира, въ Петербургѣ появилась сербская депутація, съ просьбой опредѣлить положеніе Сербіи при предстоящемъ заключеніи мира съ Турціей.

„Никогда сербы не вернутся подъ турецкое иго“, объявляли депутаты; „они лучше согласятся всѣ погибнуть“.

Мерфельдъ доносилъ, что сербская депутація сообщила русскому правительству, будто Наполеонъ высказалъ согласіе признать Карагеоргія королемъ Сербіи подъ покровительствомъ Франціи. Въ виду этой опасности для Австріи, посланникъ совѣтовалъ войти въ соглашеніе съ Россіей [3]).

Опасеніе видѣть сѣвернаго колосса ставшимъ твердою ногою въ Сербіи, было побудительною причиною того, что въ Вѣнѣ вернулись къ плану овладѣть Бѣлградомъ. Лейтенантъ-фельдмаршалъ Зимбшенъ, вслѣдствіе долговременнаго пребыванія на границѣ хорошо изучившій положеніе дѣлъ, былъ уполномоченъ выпытать мнѣнія сербскихъ вождей и указать сербамъ на выгоды, которыя возникнутъ

---

[3]) Донесеніе 7/19 Декабря 1807 года.

для нихъ отъ передачи Австріи Бѣлграда; тогда ихъ связь съ австрійской имперіей сдѣлалась бы неразрывною; сербы были бы въ состояніи добывать себѣ все необходимое для защиты и обезпечили бы, на случай несчастія, убѣжище для своихъ семействъ. Австрія за передачу ей крѣпости принимала обязательство оказывать сербамъ помощь противъ всякаго врага. Иниціатива предложеній не должна была, однако, исходить отъ Зимбшена, но ему слѣдовало такъ поставить дѣло, чтобы сербы сами напали на эту мысль, а онъ уже выкажетъ готовность сообщить о томъ въ Вѣну.

Согласно этой инструкціи, у Зимбшена начались сходки и совѣщанія сербскихъ вождей. Сербы, по словамъ ихъ, находились въ самомъ тяжеломъ положеніи; Младенъ и Милошъ не скрыли предъ австрійскими офицерами, что они имѣютъ не болѣе двухсотъ центнеровъ пороха, что нѣтъ ни свинца, ни жизненныхъ припасовъ, а жители мѣстностей, окружающихъ Бѣлградъ, питаются сухими плодами. Вожди изливались въ жалобахъ.

Гораздо существеннѣе была встрѣча Карагеоргія съ Зимбшеномъ, столь желанная сербскимъ предводителемъ и состоявшаяся на кордонномъ посту. Карагеоргій подробно изложилъ положеніе Сербіи: сербамъ удалось избавиться отъ турецкаго господства, благодаря поддержкѣ его высочества эрцгерцога Карла; тѣмъ грустнѣе и горьче было имъ узнать, что императоръ въ истекшемъ году по совѣту венгерскаго ландтага отрекся отъ сербовъ и даже наложилъ запрещеніе на купленные ими жизненные припасы и военные снаряды. Въ прошедшемъ году сербы обращались къ петербургскому двору и получили пособіе деньгами и снарядами, а также были подкрѣплены русскими войсками въ дѣлахъ подъ Тимокомъ и Виддиномъ; нынѣ же, не смотря на всѣ обѣщанія, Россія не въ состояніи снабдить ихъ продовольствіемъ и населеніе терпитъ большую

нужду, такъ что ему грозитъ голодная смерть. Въ началѣ истекшей зимы въ Сербію пріѣзжали два французскіе офицера, которые обѣщали имъ два милліона піастровъ, если они передадутся подъ покровительство Франціи; но онъ, Карагеоргій, сказалъ имъ, также какъ и русскому консулу, что сербскому народу нельзя помочь одними деньгами, хотя бы и многими милліонами, потому что все же сербы умрутъ съ голода, ежели Австрія не сниметъ запрещенія на Дунаѣ и Савѣ, по которымъ имъ доставляютъ средства жизни, оружіе и снаряды. Хотя русскій консулъ и французы обѣщали обезпечить подвозъ необходимаго, но все это остается неисполненнымъ, а нужда ежедневно ростетъ; поэтому синодъ и народные представители рѣшили, что не остается другаго средства, какъ снова просить императора Австріи о покровительствѣ, и чтобы счастіе ихъ, имъ начатое, было имъ же завершено. Они просятъ не только о покровительствѣ императора, но и о присоединеніи Сербіи къ Австріи на слѣдующихъ условіяхъ: Никогда Сербія не должна быть присоединяема къ Венгріи, но должна служить военной границей имперіи; она должна быть свободна отъ всякаго стѣсненія въ религіи, быть въ подданствѣ императора и управляться военными представителями. Императоръ не долженъ принуждать сербовъ заключать миръ съ турками, пока Нисса и прочія части Сербіи не будутъ освобождены. Сербы просятъ пособія провизіей и мукой, за которыя они уплатятъ по возстановленіи мира. Карагеоргій закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами: „исполни намъ это, нашъ справедливый императоръ и отецъ, и дѣлай съ нами, сербами, что хочешь, а мы вмѣстѣ съ тобою готовы идти хоть до Константинополя“ [1])

Вслѣдствіе своего донесенія, Зимбшенъ получилъ предписаніе выставить въ надежное мѣсто помощь провизіей

---

[1]) Зимбшенъ эрцергерцогу Карлу изъ Землина 5 Апрѣля 1808 г.

подъ условіемъ, чтобы сербы дѣйствительно приняли подданство, присягнувъ на вѣчную вѣрность. Переговоры слѣдовало вести такимъ образомъ, чтобы сербы сами напали на мысль сдать Бѣлградъ, получивъ просимыя средства жизни. Зимбшенъ былъ уполномоченъ заключить договоръ съ ручательствомъ, что Сербія никогда не будетъ соединена съ Венгріею и не будетъ управляема по венгерскимъ законамъ. При малѣйшей опасности захвата Бѣлграда русскими, австрійскій генералъ имѣлъ разрѣшеніе взять этотъ городъ, не ожидая приказаній изъ Вѣны [5]).

Но вторичная встрѣча Зимбшена съ Карагеоргіемъ не состоялась. Хотя этотъ послѣдній получилъ приглашеніе прибыть на свиданіе, но отвѣчалъ, что не можетъ прибыть лично, такъ какъ узналъ, что турки собираются вторгнуться въ Дринскій округъ и потому долженъ тамъ находиться для принятія необходимыхъ мѣръ, а вмѣсто себя посылаетъ своего секретаря Іефтича и Младена, которые пользуются его полнымъ довѣріемъ [6]). Зимбшенъ въ тотъ же день отвѣтилъ письмомъ, что ему также невозможно лично договариваться объ извѣстныхъ условіяхъ, такъ какъ эрцгерцогъ Людвигъ инспектируетъ его генералъ-губернаторство и Зимбшенъ долженъ сопровождать его; но что онъ назначилъ четырехъ человѣкъ, которые имѣютъ наставленіе, полномочіе и силу къ заключенію условія съ двумя посланцами Карагеоргія. Между полковникомъ Персомъ и Іефтичемъ состоялись переговоры, о которыхъ этотъ извѣстилъ Карагеоргія, ожидая приказаній, на какихъ условіяхъ весь сербскій народъ долженъ передаться Австріи.

Русскому консулу Родофинаки удалось узнать о секретныхъ переговорахъ между Зимбшеномъ и сербскими предводителями. Зимбшенъ пользовался посредничествомъ жив-

[5]) Эрцгерцогъ Карлъ Зимбшену 14 Апрѣля 1808 г.

[6]) Письмо Карагеоргія, полученное 19 мая 1808 г. и письмо Зимбшена 20 мая.

шаго въ Землинѣ серба Милоша Уросевича, который былъ ему рекомендованъ его предмѣстникомъ; 13 мая Уросевичъ писалъ Карагеоргію, что онъ имѣетъ сообщить ему наилучшія извѣстія, что Австрія обѣщаетъ поддержку и принимаетъ Сербію подъ свое покровительство, признавая Карагеоргія ея главаремъ, что Зимбшенъ предлагаетъ свиданіе въ Варасдинѣ или въ другомъ какомъ либо пунктѣ. Должно быть, Карагеоргій сообщилъ объ этомъ письмѣ Родофинаки и по его совѣту отвѣтилъ въ дружескомъ тонѣ, что онъ удивляется, какъ въ подобномъ важномъ дѣлѣ Зимбшенъ не пишетъ ему самъ. Этотъ отвѣтилъ Карагеоргію письмомъ, въ которомъ подтверждалъ готовность Австріи принять Сербію подъ защиту, если сербы согласны принять подданство. Стадіонъ былъ въ большомъ замѣшательствѣ, когда русскій посланникъ въ Вѣнѣ, князь Куракинъ, прислалъ ему оба письма въ французскомъ переводѣ. Онъ ограничился возраженіемъ, что все это ему совершенно чуждо, и что онъ сомнѣвается какъ въ справедливости извѣстія, такъ и въ подлинности писемъ, что лукавство сербовъ извѣстно, а Милошъ Уросевичъ интриганъ [7]). Эрцгерцогу же онъ письменно высказалъ, что всѣ умныя приготовленія, бывшія доселѣ, потеряли теперь значеніе, и что надо принять другія мѣры для того, чтобы удержать хотя нѣкоторое вліяніе на сербскій народъ и не отдать его на жертву русскихъ интригъ.

Пришлось отказаться отъ мысли овладѣть Бѣлградомъ при содѣйствіи сербовъ и Карагеоргія; являлся вопросъ: не слѣдуетъ ли Австріи дѣйствовать самостоятельно, чтобы во всякомъ случаѣ обезпечить за собою городъ и крѣпость. Императоръ потребовалъ на этотъ счетъ мнѣнія Стадіона.

Министръ высказался противъ этого. Настоящее время было неблагопріятно; слѣдовало остерегаться двухъ дер-

---

[7]) Письмо Стадіона эрцгерцогу Карлу 6 іюня 1808 г.

жавъ: Россіи и Франціи; если Наполеонъ еще держится своего плана разрушенія Порты, то, конечно, захватъ Бѣлграда могъ быть представленъ ему, какъ мѣра, способствующая военнымъ операціямъ въ той мѣстности; если же императоръ французовъ находится въ болѣе благосклонномъ настроеніи къ Турціи, то обладаніе Бѣлградомъ будетъ объяснено въ выгодахъ Порты, потому что эта значительная крѣпость вырвана изъ рукъ бунтующихъ сербовъ, служа депозитомъ, который при случаѣ передадутъ турецкому гарнизону. Конечно, весь вопросъ былъ въ томъ, какъ Австрія, въ минуту захвата, будетъ относиться къ Франціи и имѣетъ ли она соотвѣтственныя средства укрѣпить за собою подобное пріобрѣтеніе, не ослабляя своего могущества. Относительно же Россіи не слѣдуетъ упускать изъ виду, что укрѣпленіе дружескихъ отношеній съ этою державою имѣетъ въ настоящее время высшее значеніе; ему должны подчиняться всѣ остальные интересы и если Россія, во время совѣщаній объ этомъ вопросѣ, будетъ еще находиться въ войнѣ съ Турціей, то неожиданное занятіе Бѣлграда австрійскими войсками произведетъ въ Петербургѣ самое дурное впечатлѣніе. Если же бы между Россіей и Портой въ скорости былъ заключенъ миръ, то въ высшей степени вѣроятно, что судьба сербовъ и Бѣлграда рѣшится. Только на тотъ случай, если бы Россія попробовала нечаянно захватить Бѣлградъ или Орсову, слѣдуетъ рѣшить вопросъ, не должны ли австрійскіе военачальники предупредить ихъ, овладѣвъ Бѣлградомъ, потому что ежели русскіе тамъ укрѣпятся, то трудно будетъ ихъ удалить оттуда.

Большинствомъ голосовъ, министры отсовѣтовали подобное предпріятіе, во вниманіе ко всеобщимъ политическимъ затрудненіямъ. Зимбшенъ получилъ въ этомъ смыслѣ инструкціи и переговоры съ сербами были прерваны [8]).

[8]) Эрцгерцогъ Карлъ Зимбшену 10 іюня 1808 г.

Въ теченіи 1808 г. между сербами и турками шла непрерывная война; въ началѣ сербы имѣли успѣхъ, но затѣмъ наступилъ рядъ неудачъ и сербамъ было бы трудно помѣшать наступленію турокъ, еслибы въ августѣ 1809 г. русскія войска, перешагнувъ нижній Дунай, не принудили великаго визиря притянуть къ себѣ войска, дѣйствовавшія въ Сербіи. Несчастные результаты кампаніи возбудили неудовольствіе вождей противъ Карагеоргія, которому ставили въ вину, что русскіе оказывали сербамъ ничтожную помощь, вслѣдствіе того, что тотъ выступилъ со своимъ планомъ передачи Сербіи въ подданство Австріи.

Въ дѣйствительности, Карагеоргій снова сдѣлалъ шагъ въ этомъ направленіи; сношенія его съ Зимбшеномъ не были вполнѣ прерваны и, весною 1809 г., когда сербы открыли дѣйствія противъ турокъ, онъ извѣщалъ объ этомъ австрійскаго военачальника; а когда въ Сербію пришло извѣстіе, что Австрія возобновляетъ войну съ Наполеономъ, то онъ спѣшилъ передать дружественныя увѣренія, говоря, что если бы границы были даже совсѣмъ очищены отъ австрійскихъ войскъ, то со стороны сербовъ нечего бояться нападенія [9]).

Въ іюлѣ Карагеоргій снова дѣлалъ Зимбшену предложенія, но на нихъ данъ былъ уклончивый отвѣтъ. Въ Вѣнѣ одобрили поведеніе австрійскаго начальника, но высказали желаніе, чтобы переговоры съ сербами не были прерваны. „Австрійскому дому не все равно“, сказано было съ инструкціи, „находится ли Сербія подъ властью Турціи или Россіи, такъ какъ расширеніе послѣдней вдоль австрійской границы и умноженіе точекъ соприкосновенія съ нею, было бы чрезвычайно невыгодно“. Въ августѣ Карагеоргій возобновилъ настоятельную просьбу о покровительствѣ Австріи и высказалъ готовность передать им-

[9]) Карагеоргій къ Зимбшену 14 апрѣля 1809 г.

перскимъ войскамъ крѣпости Бѣлградъ, Семендрію и Собацъ, прибавляя, что если бы принятіе ихъ оказалось неисполнимымъ, то надо послать курьера съ депешами къ предводителю турецкихъ войскъ и къ интернунцію и требовать отъ Порты перемирія.

Вслѣдствіе наступленія османовъ въ нѣкоторыхъ округахъ Сербіи, стали громко требовать мира и Карагеоргій обратился къ Зимбшену съ предложеніемъ занять Сербію австрійскими войсками. Онъ считалъ этотъ шагъ своевременнымъ еще и потому, что австрійскому начальнику удалось распространить между сербами мнѣніе, что въ войнѣ съ Наполеономъ Австрія осталась побѣдительницею и, по желанію императоровъ, начаты мирные переговоры [10]).

Въ это время, Метернихъ пріобрѣлъ вліяніе на внѣшнюю политику и рѣшительно высказался противъ всякихъ усложненій, говоря, что Австрія можетъ только принять роль посредницы и настаивать на прекращеніи вражды между сербами и турками. Не то, чтобы онъ не признавалъ значенія въ обладаніи Сербіей; онъ высказывалъ, что она должна принадлежать Турціи или Австріи, но настоящія дѣла, по мнѣнію его, не располагали къ завоевательной политикѣ. Примиреніе же имѣло бы важныя послѣдствія, оставляя всѣ вопросы открытыми для будущаго и ограждая интересы Австріи.

Императоръ Францъ послалъ Зимбшену письмо для объявленія сербскимъ вождямъ, что дружескія отношенія, существующія между Австріей и Портой, не позволяютъ ему дѣйствовать согласно желаніямъ сербскаго народа, но что онъ съ удовольствіемъ готовъ содѣйствовать сближенію враждующихъ сторонъ и посылаетъ интернунцію инструкцію въ этомъ духѣ.

Тогда Карагеоргій представилъ Зимбшену условія, на

---

[10]) Оправдательная записка Зимбшена 1811 г.

которыхъ отъ лица сербской націи онъ шелъ на соглашеніе съ Портой: „Хотя сербскій народъ и теперь стремится находиться подъ благодѣтельнымъ скипетромъ Австріи“, говорилъ онъ, „но если уже обстоятельства и политическія отношенія противятся тому, то онъ долженъ, въ ожиданіи болѣе благопріятныхъ дней, всеподданнѣйше просить посредничества императора, для соглашенія съ Турціей на слѣдующихъ условіяхъ: Австрійскій императоръ долженъ считаться покровителемъ сербовъ. Всѣмъ должно быть обѣщано полное прощеніе за все происшедшее во время войны. Сербы будутъ освобождены отъ всѣхъ обязательствъ относительно Порты, кромѣ внесенія ежегодной дани. Границы Сербіи должны быть точно опредѣлены. Императорскій консулъ долженъ имѣть постоянное пребываніе въ Бѣлградѣ и всѣ важные правительственные вопросы будутъ проходить чрезъ его руки для передачи сербскому народу. Сербія назначитъ своего представителя въ Вѣну. Мирные переговоры должны происходить на конгрессѣ, въ мѣстѣ, избранномъ императоромъ и на немъ не должны участвовать никакія державы, кромѣ уполномоченныхъ Сербіи и Турціи [11])“.

Въ началѣ 1810 г., Порта формально заявила о своемъ желаніи, чтобы Австрія взяла на себя роль миротворца, предлагая сербамъ полную амнистію и соглашаясь удалить ненавидимаго населеніемъ Куршида-пашу, не взыскивать дани чрезъ турецкихъ сборщиковъ, но предоставить сербамъ право самимъ доставлять ее бѣлградскому пашѣ, и наконецъ, простить всѣ недоимки. Въ видѣ гарантіи она требовала, чтобы Карагеоргій и прочіе вожди были навсегда удалены изъ страны, обѣщая доставить имъ обезпеченное существованіе [12]). Непремѣннымъ условіемъ со-

---

[11]) Изъ Бѣлграда 29 декабря 1809 г. за подписью Карагеоргія.

[12]) Докладъ императору 24 января 1812 г.

глашенія, Порта ставила исключеніе всякаго иностраннаго вмѣшательства въ сербскія дѣла и отреченіе отъ мысли о независимости со стороны Сербіи.

Соглашенія такихъ противуположныхъ требованій ожидать было трудно; но все же въ Вѣнѣ рѣшились сдѣлать попытку какъ въ Константинополѣ, такъ и у сербскихъ вождей и, не вступая открыто въ посредничество, указать обѣимъ сторонамъ необходимость примиренія. 21 марта 1810 г. Зимбшенъ получилъ инструкцію, которою предоставлялось ему, на основаніи его знакомства съ настроеніемъ населенія Сербіи, обсудить, не найдется ли способа, предложенныя Портою условія довести до свѣдѣнія простыхъ классовъ народа, чтобы добиться отъ нихъ всего, чего желаютъ, и тогда вожди, конечно, будутъ принуждены подчиниться общему голосу и сдѣлаться уступчивѣе въ требованіяхъ.

Нѣсколько недѣль спустя, въ Вѣнѣ появился сербъ Юговичъ, съ поздравительнымъ письмомъ по случаю брака Наполеона съ Маріей-Луизой; при этомъ высказывалось, что судьба Сербіи передается въ руки Наполеона и императора [13]). Юговичъ предъявилъ полномочіе, подписанное членами сената и главнымъ вождемъ, которымъ предоставлялось ему вступить въ переговоры съ австрійскимъ правительствомъ о передачѣ Бѣлграда. Одновременно пришло въ Вѣну извѣстіе, что корпусъ русскихъ войскъ направляется въ Сербію.

Но все это не могло побудить Австрію на рѣшительный шагъ. Сербскому послу передано было императорское благоволеніе къ сербскому народу за выраженную имъ привязанность и довѣріе, въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ; ему выдали тысячу гульденовъ на покрытіе расходовъ, но, въ сущности, онъ не добился ничего. Удоволь-

13) Народный сенатъ въ Бѣлградѣ 16 марта 1810 г., за подписью Карагеоргія.

ствовались замѣтить ему, что въ сообщенныхъ Зимбшену предписаніяхъ сербы увидятъ новое доказательство отеческой заботливости императора о возстановленіи у нихъ спокойствія на продолжительное время, что будутъ приняты возможныя мѣры для обезпеченія судьбы сербовъ, и при этомъ выразили надежду, что сербы съ своей стороны будутъ содѣйствовать достиженію этой цѣли.

Но всѣ старанія Австріи къ примиренію не нашли отзыва въ сербскихъ вождяхъ.

Съ особеннымъ вниманіемъ и тревогою продолжалъ императоръ Францъ слѣдить за сербскими дѣлами; онъ опасался обращенія сербовъ къ Франціи, такъ какъ стало извѣстнымъ, что нѣкоторые вожди обращались къ маршалу Мармону съ просьбою доставить Наполеону письмо, и съ нѣкотораго времени въ Сербіи образовалась небольшая партія сторонниковъ Франціи. Императоръ спросилъ мнѣнія князя Метерниха, что слѣдуетъ предпринять, если Франція приметъ сербовъ подъ свое покровительство [14])? но князь постарался успокоить своего государя указаніемъ, что сербы много разъ обращались съ подобными предложеніями въ Петербургъ и Вѣну; кажется, однако, что они нигдѣ не прилагали особаго старанія, а желаютъ только выиграть время, чтобы замаскировать собственную игру. Пока война въ Испаніи не будетъ покончена, французское правительство не вмѣшается въ новую распрю, такъ какъ всякое покровительство иностранной державы сербамъ будетъ принято Портою за враждебное настроеніе.

Императоръ успокоился относительно Франціи, но тутъ же получилъ донесеніе полиціи, что сербы обратились къ Россіи. Въ то же время прибыло отъ Зимбшена извѣстіе, что русскіе намѣреваются, какъ кажется, овладѣть Бѣлградомъ и другими крѣпостями. „Это будетъ роковое со-

[14]) Письмо императора Франца къ князю Метерниху. Прага, 18 мая 1810 г.

бытіе, если только состоится", говорилъ императоръ Меттерниху и поручилъ ему замѣтку объ этомъ переслать своему сыну, бывшему посломъ въ Парижѣ, чтобы тотъ выспросилъ мнѣніе Франціи, какъ слѣдуетъ поступить, ежели Сербія вступитъ въ подданство Россіи [15]).

Нѣсколько дней спустя, соединеніе сербовъ съ русскимъ войскомъ сдѣлалось совершившимся фактомъ.

Война Россіи съ Турціей впродолженіи лѣта 1809 г., не привела ни къ какому результату. Осажденные Журжа, Браиловъ и Силистрія не могли быть взяты; штурмъ Багратіона на укрѣпленный лагерь сераскира, подъ Силистріей, былъ отбитъ и русскіе удалились въ Молдавію въ началѣ зимы. Только обезпечивъ себя Фридрихсгамскимъ миромъ и освободясь отъ участія въ войнѣ съ Австріей, вслѣдствіе вѣнскаго мира, могла Россія энергично продолжать войну съ Портою. Весною 1810 г., главное начальство надъ 80 тысячной арміей было ввѣрено Каменскому. Съ увѣренностью ожидали въ Петербургѣ скораго мира, разсчитывая на взятіе Молдавіи и Валахіи съ крѣпостями. Переговоры съ сербами были ведены уже издавна и народный конгрессъ, не смотря на противодѣйствіе Карагеоргія, стоявшаго за соглашеніе съ Австріей, утвердилъ союзъ съ Россіей [16]).

Австрія была безсильна помѣшать утвержденію русскихъ на нижнемъ Дунаѣ; были основательныя предположенія, что между Россіей и Франціей существуетъ соглашеніе, что и выяснилось изъ рѣчи, произнесенной Наполеономъ въ сенатѣ. „Мой другъ и союзникъ", говорилъ Наполеонъ, „императоръ всероссійскій присоединилъ къ своей необъятной имперіи Финляндію, Молдавію, Валахію и часть Галиціи. Я безъ зависти смотрю на все, что счастливый

[15]) Резолюція императора отъ 28 мая 1810 г.
[16]) Отношеніе гофкригсрата къ Метерниху 4 іюня 1810 г.

случай даетъ этому государству; мои благопожеланія ея блистательному повелителю вполнѣ согласны съ моею политикою". Со времени этого объявленія, однако, многіе признаки указывали, что искренняя дружба обоихъ императоровъ стала ненадежна. Еще во время мирныхъ переговоровъ въ Альтенбургѣ, появились намеки на формальный союзъ съ австрійскимъ императорскимъ домомъ, а нѣсколько недѣль спустя, договорились о бракѣ Наполеона съ Маріей-Луизой. Отклоненіе Франціи отъ союза съ Россіей было одною изъ причинъ, побудившихъ князя Метерниха присовѣтовать своему государю отдать дочь за глубоко ненавидимаго человѣка. Тягостное положеніе, въ которомъ находилась Австрія, показывало, что только въ союзѣ съ Франціей являлась возможность, хотя на нѣсколько лѣтъ, обезпечить спокойствіе глубоко потрясенной имперіи Габсбурговъ.

Политическіе взгляды Австріи того времени изложены въ запискѣ извѣстнаго впослѣдствіи фельдмаршала Радецкаго, въ ней говорится:

„Великая артерія австрійской имперіи, составляющая ея военный базисъ и основаніе политической системы, есть Дунай, и всѣ дѣйствующія силы государства должны быть на немъ сосредоточены. До тѣхъ поръ, пока Австрія не обладаетъ всѣмъ его теченіемъ, она будетъ имѣть уязвимые пункты. Австрія имѣетъ только одну опасную соперницу въ своемъ сосѣдствѣ: Францію; стремленія Россіи къ расширенію, хотя бы онѣ были на столько же велики, какъ и французскія, грозятъ Австріи въ будущемъ, но въ настоящую минуту не опасны. Союзъ съ Франціей, ставя Австрію въ отрицательное положеніе, служитъ къ ея безопасности, но не обезпечиваетъ мира.

„Если Наполеонъ имѣетъ прямодушное намѣреніе вступить съ Австріей въ тѣсный и прочный союзъ, то можно и должно стать союзницей Франціи, добросовѣстно сообща

стремясь къ одинаковой цѣли. Тогда наша западная граница будетъ обезпечена и всѣ свои наличныя силы Австрія можетъ направить на югъ или на востокъ. Возстановленіемъ Польши Австрія была бы близко затронута, такъ какъ изъ за этого немедленно послѣдуетъ война между Франціей и Россіей, при которой намъ трудно оставаться нейтральными; съ утратой Польши, Россія терила бы плоды стараній цѣлаго столѣтія, тогда какъ для Австріи возстановленіе ея можетъ только быть полезнымъ. Карпаты представляютъ естественную нашу границу; что позади ихъ лежитъ въ Галиціи, можетъ быть возвращено безъ ослабленія имперіи, и за это Австрія должна въ другомъ мѣстѣ получить вознагражденіе.

„Для образованія прочной военной границы, слѣдуетъ требовать: Венеціанское герцогство и Мантую вдоль Огліо или наименѣе Минчіо; возвратъ южнаго Тироля, прусскую Силезію до Гольцбаха, Сербію, Боснію, Молдавію и Валахію [17]).“

Въ другой запискѣ говорится слѣдующее:

„Все политическое направленіе Австріи выражается въ ея названіи Oester-reich (восточное царство). Австрія — имперія востока; ея естественныя границы составляютъ Инн. Богемія, Моравія, Силезія, Карпаты, Буковина, западный берегъ Чернаго моря, Адріатическое море, на сколько это возможно, Изонцо, границы Коринтіи и Зальцбургъ. Уступая Галицію, слѣдуетъ требовать возстановленія Польши и завоевать Молдавію, Валахію и Бессарабію. Области на правомъ берегу Дуная въ Босніи, Сербіи, Болгаріи и Румеліи, Албаніи, Македоніи и Греціи должны составлять зародышъ второй части австрійской имперіи. Война противъ Россіи и Турціи была бы блистательнѣйшимъ собы-

---

[17]) Politisch-militärisch Betrachtung der Monarchie, Radetzky. März, 1810.

тіемъ для оружія Австріи, такъ какъ послѣдствіемъ ея было бы возвращеніе Россіи въ ея прежнія границы; вмѣстѣ съ тѣмъ было бы удовлетворено желаніе Европы и всего цивилизованнаго міра: изгнаніе османовъ въ Азію".

Это изложеніе взглядовъ не прошло безслѣдно для австрійскаго государственнаго дѣятеля; хотя, конечно, онъ ни на минуту не поддался такой увлекательной фантазіи, но для него было ясно, что Австрія только при союзѣ съ Франціей можетъ подняться изъ своего подневольнаго положенія и парализовать успѣхи русскихъ. Князь Метернихъ рѣшился предпринять поѣздку въ Парижъ, чтобы порѣшить нѣкоторыя второстепенныя дѣла и выяснить отношенія императоровъ и чтобы согласно съ тѣмъ дать направленіе политикѣ Австріи.

Первые признаки непріязненныхъ отношеній между Франціей и Россіей стали замѣтны лѣтомъ 1810 г., когда Наполеонъ отклонилъ предложеніе петербургскаго кабинета относительно Польши. Изъ нѣкоторыхъ признаковъ выяснилось, что онъ склонялся къ союзу съ Австріей; нѣсколько разъ высказывалъ онъ австрійскимъ государственнымъ людямъ, что при Эрфуртскихъ переговорахъ не могъ поступить иначе, какъ предоставить Россіи дунайскія княжества, чтобы чрезъ то парализировать ея силы, но теперь для сопротивленія стремленію русскихъ къ захватамъ имѣется дѣйствительный противувѣсъ—союзъ Австріи съ Франціей.

Въ первыхъ числахъ іюля, въ Парижѣ получены были извѣстія съ театра войны; Каменскій, въ маѣ 1810 года, перешелъ у Гирсовы Дунай и утвердился подъ стѣнами Силистріи; 2 іюня взятъ былъ штурмомъ Базарджикъ, гдѣ укрѣпилась часть турецкой арміи; послѣ краткой, но сильной перестрѣлки 11 іюня, сдалась Силистрія. Графъ Метернихъ, получивъ изъ Вѣны депеши, отправился къ Наполеону; императоръ въ продолженіи четверти часа изучалъ

карту войны и затѣмъ воскликнулъ: „Это миръ! туркамъ придется идти на соглашеніе и союзъ Франціи съ Австріей будетъ его послѣдствіемъ; мы имѣемъ съ вами общіе интересы. Между нами существуетъ уже родственная связь, это, конечно, нѣчто, но все же еще не политическій союзъ“. Метернихъ думалъ, что постигъ мысль императора, въ интересахъ котораго было, чтобы Порта не слагала оружія; въ сущности же Наполеонъ велѣлъ объявить султану, что Молдавію и Валахію онъ предоставилъ русскому царю, но будетъ охранять Турцію отъ всѣхъ дальнѣйшихъ притязаній.

Въ разговорѣ, Наполеонъ коснулся и сербскаго вопроса.

„Сербы хотѣли отдаться въ ваше подданство“? бросилъ онъ вопросъ. Графъ Метернихъ отвѣтилъ: „что они искали помощи Австріи, но имъ отвѣчали, что поддержаніе Порты составляетъ нашъ интересъ“. При другомъ случаѣ, Наполеонъ сказалъ: „Сербія когда нибудь будетъ вамъ принадлежать; не въ моихъ интересахъ вызывать разрушеніе Турціи и не въ вашихъ; но если вы желаете обладать Бѣлградомъ, я этому противиться не буду; заключи Порта миръ съ сербами, предоставя имъ національнаго князя, который былъ бы подъ вашимъ покровительствомъ, я ничего противъ этого не имѣю, но господаря подъ покровительствомъ Россіи и утвержденія русскихъ на правомъ берегу Дуная, я допустить не могу. Если они будутъ имѣть опорный пунктъ по ту сторону устья, то я буду считать это равносильнымъ завоеванію Константинополя. Дунай представляетъ большое препятствіе, переходъ его задерживалъ русское оружіе, но перешагнувъ на правый берегъ рѣки, они будутъ имѣть возможность разрушить турецкую имперію“. При дальнѣйшемъ ходѣ разговора, Наполеонъ совѣтовалъ овладѣть Бѣлградомъ и держать его депозитомъ. „Сербы подъ вашимъ покровительствомъ“, сказалъ

онъ, „доставятъ мнѣ только выгоды; они станутъ содѣйствовать мнѣ и служить поддержкой“.

Метернихъ видѣлъ, что въ предстоящемъ разрывѣ Парижа съ Петербургомъ, значеніе Австріи увеличивалось; „съ обѣихъ сторонъ“, писалъ онъ монарху, „въ насъ будутъ заискивать; та сторона, къ которой примкнетъ Австрія, получитъ перевѣсъ“. И онъ былъ уже готовъ на заключеніе союза, еслибы Наполеонъ выказалъ готовность сообща съ Австріей оградить отъ русскихъ лѣвый берегъ Дуная. Но не въ интересахъ завоевателя было ускорять разрывъ съ Россіей и онъ предоставлялъ Австріи принять надлежащія мѣры, чтобы воспрепятствовать успѣхамъ русскихъ, давая понять, что самъ останется нейтральнымъ. Въ Вѣнѣ узнали, что въ Петербургѣ Коленкуръ поощрялъ къ продолженію войны, изъ чего заключили, что Наполеонъ хочетъ этимъ способомъ заставить Порту броситься въ объятія Франціи. „Самою счастливою случайностью было бы“, говорится въ депешѣ Шварценбергу отъ 17 іюля 1810 г., „еслибы Наполеонъ соединился съ Австріей и воспрепятствовалъ русскимъ захватамъ на югѣ Дуная. Представленное въ Петербургѣ общее заявленіе Франціи съ Австріей было бы достаточнымъ для достиженія этой цѣли; владѣя лѣвой стороной устья Дуная, Россія будетъ держать въ своихъ рукахъ торговлю съ Левантомъ. Австрія не желаетъ принимать на себя иниціативу, но готова сдѣлать демонстрацію, еслибы она была увѣрена во Франціи“.

„Если Франція“, писалъ графъ Метернихъ 28 іюля 1810 года въ Вѣну, „удовольствуется однимъ словеснымъ заявленіемъ, тогда какъ Австрія сосредоточитъ на восточной границѣ военныя силы, оставя безъ защиты свои западныя и южныя границы, то это будетъ для Австріи опасною игрою“. Войну противъ Россіи въ союзѣ съ одною Турціею онъ совѣтовать не можетъ, такъ какъ отношенія Россіи къ Франціи и Порты къ Австріи представляютъ

обширное поле для компликацій, которыми Россія можетъ воспользоваться во вредъ Австріи [18]).

Подстрекаемый, однако, мыслью, высказанною Наполеономъ, графъ Метернихъ совѣтовалъ принять открытое посредничество между Портою и сербами и воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы на всякій случай овладѣть Бѣлградомъ, который могъ служить залогомъ. „Изъ дальнѣйшаго хода переговоровъ многое выяснится, но все же послѣдствіемъ этого шага“, писалъ Метернихъ, „будетъ увеличеніе вліянія нашего на Сербію, которую Австрія во всѣхъ случайностяхъ будущаго должна считать какъ бы своею“.

Совѣтъ графа Метерниха встрѣтилъ сильное сопротивленіе въ его отцѣ, который отсовѣтывалъ слушать намеки сына. „Какъ можетъ Австрія надѣяться“, говорится въ докладѣ князя Метерниха, „согласить подобное предпріятіе съ собственными интересами, основанными на поддержаніи Турціи и спокойствія на восточной окраинѣ государства? Первымъ послѣдствіемъ были бы усложненія съ Россіею и Портою и напослѣдокъ ничего болѣе не осталось бы, какъ броситься въ объятія французскаго императора. Это та же система, которой Наполеонъ держался относительно Швеціи и которая ему такъ хорошо удалась. Планъ Наполеона состоитъ въ томъ, чтобы Порту, потрясенную внутренними волненіями, до тѣхъ поръ тревожить сосѣдями, пока султанъ не сдѣлается податливымъ къ его планамъ. Австріи нѣтъ основанія измѣнять своихъ отношеній къ Турціи; доселѣ всѣ наши старанія были направлены, чтобы поднять духъ Порты и увѣрить ее въ искреннемъ участіи. Австрія должна обнадежить ее своей поддержкой въ упорномъ продолженіи войны; но только не слѣдуетъ допускать ничего, что компрометировало бы насъ предъ

---

[18]) Изъ бумагъ Метерниха, томъ II, стр. 387.

Россіей. Эта держава должна знать и чувствовать, что во власти Австріи содѣйствовать или препятствовать ея планамъ, служить имъ или вредить. Военныя событія ближайшихъ мѣсяцевъ должны все рѣшить; до тѣхъ же поръ слѣдуетъ держаться выжидательной, благосклонной политики къ Турціи; но еслибы Россія выказала намѣреніе приблизиться къ Бѣлграду, то намъ слѣдуетъ завладѣть имъ [19]).“

Императоръ Францъ выразилъ желаніе, чтобы Зимбшенъ ставилъ затрудненія сербамъ въ ихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Австріей до тѣхъ поръ, пока они, сообща съ Россіей, дѣйствуютъ противъ Порты; но князь Метернихъ не соглашался, говоря, что это дастъ поводъ къ враждѣ Петербурга съ Вѣной; къ тому же сербскій сенатъ съ своей стороны можетъ воспретить вывозъ скота въ Австрію, что будетъ убыточно; это было даже причиною того, что и прежде къ возмутившимся сербамъ не отнеслись съ надлежащей строгостью. При неизвѣстности будущей судьбы Сербіи, не слѣдуетъ давать повода къ уменьшенію симпатій сербскаго народа.

Полученныя извѣстія оправдывали опасенія императора: наступленіе русскихъ ясно выказало намѣреніе ихъ овладѣть Бѣлградомъ и его крѣпостью, поэтому императоръ Францъ далъ настоятельный приказъ ни подъ какимъ видомъ не допускать этого захвата и подготовить движеніе австрійскихъ войскъ такъ, чтобы они могли предупредить вступленіе русскихъ въ крѣпость; этотъ шагъ несомнѣнно былъ бы принятъ въ Константинополѣ съ благодарностью; если же турки сами двинутся въ Сербію, то слѣдуетъ оставаться спокойно, но относительно бѣглецовъ, надо держаться того же образа дѣйствій, какъ и прежде, то есть, допускать въ Австрію безоружныхъ поселянъ съ семьями и имуществомъ и оказывать имъ помощь.

---

[19]) Докладъ императору и его рѣшеніе. 8 августа 1840 г.

Почти весь Августъ мѣсяцъ продолжались въ Вѣнѣ совѣщанія на счетъ овладѣнія Бѣлградомъ, и хотя по общему мнѣнію это предпріятіе было бы легко исполнить, но не пришли къ рѣшенію, слѣдуетъ ли сдѣлать этотъ шагъ. Воздержность Австріи оправдывалась двумя мотивами: во первыхъ, нежеланіемъ ставить на карту довѣріе Порты, пріобрѣтенное съ большимъ трудомъ, а во вторыхъ, извѣстіемъ, что военныя дѣйствія русскихъ на нижнемъ Дунаѣ приняли неблагопріятный для нихъ оборотъ. Къ тому же императоръ Наполеонъ далъ понять Петербургскому кабинету, что всякое вмѣшательство его въ сербскія дѣла, и въ особенности утвержденіе русскихъ на правомъ берегу Дуная, будетъ имъ принято за нарушеніе обязательства и тогда онъ уже не будетъ считать себя ничѣмъ связаннымъ [20]).

Натянутость отношеній не помѣшала, однако, австрійской дипломатіи искать сближенія съ Россіей; къ тому же и изъ Петербурга дѣлались попытки въ этомъ смыслѣ. На берегахъ Невы были озадачены внезапной дружбой Франціи съ Австріей и русскіе дипломаты старались разстроить союзъ этихъ державъ. Вскорѣ по возстановленіи мира, Австрія сдѣлала первый шагъ посылкой въ Петербургъ графа Сенъ-Жюльена для возстановленія дипломатическихъ сношеній и императоръ Францъ отправилъ царю дружеское письмо.

28 ноября 1809 г., графъ Шуваловъ привезъ отвѣтъ Александра, который, поздравляя съ заключеніемъ мира, выражалъ сожалѣніе, что Россія принимала участіе въ войнѣ. Вскорѣ по прибытіи русскаго посла послѣдовалъ сговоръ австрійской принцессы съ Наполеономъ, событіе, сдѣлавшее на графа глубокое впечатлѣніе. Между нимъ и Метернихомъ устроились частыя совѣщанія; графъ Шува-

20) Докладъ 23 Августа 1810 г.

ловъ старался успокоить австрійское общество на счетъ видовъ Россіи на Сербію и далъ увѣреніе, что императоръ Александръ ищетъ заключить миръ съ Турціей, желая лишь удержать Бессарабію и дунайскія княжества.

Князь Метернихъ отвѣчалъ: что „изъ взаимныхъ обвиненій обнаруживается совершенно согласный взглядъ обѣихъ державъ на положеніе Сербіи; что же касается до желанія Россіи удержать за собою княжества, то вамъ придется за нихъ драться“ [21]).

Румянцевъ также выказалъ австрійскому послу на берегахъ Невы дружественное расположеніе, но его объясненія нѣсколько разнились отъ того, что говорилъ о Сербіи Шуваловъ. „Россія желаетъ только имѣть границею Дунай“, говорилъ Сенъ-Жюльену Румянцевъ, „но не имѣетъ видовъ на присоединеніе Сербіи. Достоинство русскаго двора и основанія справедливости воспрещаютъ отдать эту страну на грабежъ туркамъ; поэтому мы имѣемъ въ виду образованіе независимаго, но во всякомъ случаѣ, платящаго Портѣ дань, государства, которое было бы для Австріи мирнымъ сосѣдомъ и съ которымъ она поддерживала бы прежнія торговыя сношенія“.

Нѣсколько дней спустя, присланы были въ Вѣну депеши изъ Петербурга съ предложеніемъ обмѣна Буковины на Малую Валахію. Это предложеніе удивило и вѣнскій кабинетъ не зналъ, слѣдуетъ ли его считать серьезнымъ, или Россія имѣла цѣлью только выпытать политическіе взгляды Австріи. Князь Метернихъ высказался за отклоненіе предложенія, говоря, что нельзя соглашаться на обмѣнъ области, которая должна еще сначала перейти подъ власть Россіи по договору; дружескія отношенія къ Портѣ не дозволяютъ принять подобнаго предложенія. Шуваловъ не

---

[21]) Докладъ Метерниха 10 марта 1801. См. у Мартенса, Т. III, стр. 36.

переставалъ выражать желанія на возстановленіе прежнихъ дружескихъ отношеній между обоими дворами. „Да и Австрія проникнута тѣмъ же желаніемъ“, говорилъ Метернихъ; „но чтобы достигнуть этой цѣли, прежде всего необходимо разрѣшить несогласіе относительно обладанія Молдавіей и Валахіей“.

Графъ Шуваловъ заявилъ, что съ той минуты, какъ съ вѣнскимъ дворомъ установятся сношенія по вопросамъ о турецкихъ провинціяхъ, русскій кабинетъ не приметъ отъ Порты никакихъ предложеній и самъ не станетъ ихъ дѣлать, не переговоривъ предварительно о томъ съ австрійскимъ кабинетомъ; но просилъ, чтобы всѣ совѣщанія сохранялись въ совершенной тайнѣ. Князь Метернихъ успокоилъ графа замѣчаніемъ, что состоявшееся въ 1781 году между Австріей и Россіей соглашеніе до сего дня осталось тайною для всѣхъ европейскихъ кабинетовъ; поэтому Австрія имѣетъ полное право расчитывать на довѣріе къ ней; но при этомъ спросилъ, есть ли надежда на скорый миръ съ Турціей, такъ какъ иначе было бы странно совѣщаться о провинціяхъ, судьба которыхъ еще не рѣшена. Австрія въ войнѣ Россіи съ Портою до сего дня сохраняла нейтралитетъ; принимая русскія предложенія, Австрія тѣмъ самымъ какъ бы приметъ сторону Россіи и станетъ враждебною Портѣ. Онъ коснулся также вопроса о томъ, что такъ какъ основаніемъ прежняго тѣснаго союза Австріи съ Россіей былъ тайный трактатъ о раздѣлѣ турецкой имперіи, то въ настоящее время слѣдуетъ опредѣлить, будетъ ли въ интересахъ Австріи принимать это обязательство за основаніе переговоровъ?

Предпринявъ поѣздку въ Парижъ, князь Метернихъ писалъ императору Францу, совѣтуя по этимъ вопросамъ вступить въ соглашеніе съ Россіей; онъ ожидалъ отъ того значительныхъ выгодъ, а въ случаѣ отклоненія предложенія

—убытка [22]). Императоръ отсрочилъ свое рѣшеніе, поручивъ временно-управляющему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ просить графа Шувалова обождать скораго возвращенія министра для полученія опредѣлительнаго отвѣта.

Между тѣмъ, отношенія Франціи къ Россіи становились все болѣе натянутыми, и Австріи приходилось опредѣлить свое положеніе. Между союзомъ съ Наполеономъ или Александромъ князь Метернихъ въ выборѣ не колебался; незадолго до его отъѣзда изъ Парижа, Наполеонъ еще разъ коснулся возможности войны. „Я буду", говорилъ онъ, „имѣть въ виду войну съ Россіей, которая предстоитъ безъ всякаго сомнѣнія, такъ какъ причины ея коренятся въ самомъ свойствѣ вещей. Время къ тому близится, хотя я далекъ отъ мысли ускорить своими дѣйствіями эту жестокую борьбу. Какую роль будете вы тогда играть?" спрашивалъ онъ австрійскаго министра. Въ продолженіи разговора, онъ указалъ на отнятыя у Австріи, по вѣнскому миру, Далмацію и Иллирію, какъ на провинціи наиболѣе удобныя для нея, и спрашивалъ, не согласятся ли промѣнять ихъ на соотвѣтственную часть Галиціи? Съ того дня, какъ онъ принужденъ будетъ вести войну съ Россіей, онъ считаетъ лучшимъ и сильнѣйшимъ союзникомъ своимъ короля Польши.

Наполеонъ не требовалъ содѣйствія Австріи, но только ея нейтралитетъ; теперь онъ хотѣлъ только вывѣдать политику Австріи. „Если основнымъ расчетомъ Австріи", говорилъ онъ Метерниху, „будетъ полное соглашеніе съ Франціей, то, разсматривая съ административной точки, Иллирійскія провинціи принесутъ вамъ гораздо болѣе выгоды, нежели часть Галиціи, такъ какъ земли этой послѣдней всегда служатъ предметомъ зависти двухъ монархій; если

[22]) Докладъ 17 октября 1810 г. въ Wiener Abendpost 1879.

же Австрія болѣе склоняется къ Россіи, то Галиція должна стоять у васъ на первомъ планѣ, такъ какъ она служитъ связью".

Немедленно по своемъ возвращеніи, Метернихъ имѣлъ объясненіе съ графомъ Шуваловымъ, при чемъ разбирался вопросъ о союзѣ; русскій уполномоченный высказалъ, что императоръ Александръ не отступится отъ соединенія княжествъ, но при соглашеніи Австрія можетъ пріобрѣсти много выгодъ, и тутъ же представилъ на-скоро набросанный проектъ обмѣна Валахіи на часть Польши [23]).

Если бы князь Метернихъ былъ даже расположенъ установить сближеніе съ Россіей, то упорство ея въ пріобрѣтеніи Дунайскихъ княжествъ составляло препятствіе, отстранявшее всякое соглашеніе. Выгоды союза съ Франціей выказывались явственнѣе, и сдѣлкой съ Наполеономъ надѣялись оградить правыя устья Дуная отъ русскихъ притязаній. Поэтому всѣ усилія Шувалова достичь соглашенія съ Австріей остались безуспѣшны и онъ вернулся въ Петербургъ.

Опасенія за участь Бѣлграда возростали, и Метернихъ объявилъ, что долѣе нельзя оставаться равнодушнымъ; въ Парижѣ не поняли бы пассивнаго положенія Австріи послѣ того, какъ столько разъ указывали ей, какіе интересы приходится охранять въ Сербіи, и Россію просили высказаться. Графъ Сенъ-Жюльенъ получилъ отъ царя и отъ Румянцева самыя успокоительныя увѣренія. „Россія не имѣетъ въ виду удерживать Бѣлградъ", говорилъ Александръ; „она готова при случаѣ обезпечить за Австріей всю Сербію". Предложенія царя чрезъ посредства Кошелева шли еще далѣе: „Россія", говорилъ онъ, „намѣрена удержать лишь Бессарабію и Молдавію до Серета, а всю Валахію и за-

23) Докладъ Метерниха 31 октября 1810 г. по оставленнымъ имъ запискамъ. Сравни у Мартенса, Bd. III, p. 74.

падную часть Молдавіи готова уступить Австріи, а также всѣ тѣ части Сербіи, которыми она пожелала бы овладѣть".

Относительно Сербіи Австрія осталась въ бездѣйствіи, и случилось то, чего давно опасались: 10 февраля 1811 г. русскія войска овладѣли Бѣлградомъ и были встрѣчены сербскими властями съ большимъ торжествомъ. Сабацъ и Семендрія были также заняты русскими гарнизонами.

Въ запискахъ, оставленныхъ Радецкимъ, строго осуждаются дѣйствія Австріи того времени.

„Нѣтъ никакого сомнѣнія", говорится въ нихъ, „что одна сербская партія, хотя бы и меньшая, искала покровительства Австріи; двери Бѣлграда были для нея открыты, ея войскъ ожидали, и въ этомъ сомнѣваться нельзя. Весьма естественно, что благоразумная часть сербовъ стояла за соединеніе съ Австріей, желая сохранить свободное управленіе. Сербы живутъ въ той же дунайской долинѣ и по природѣ во всемъ родственны Австріи, а въ экономическомъ—находятся даже въ зависимости отъ нея".

„Но въ Вѣнѣ воспротивились вступленію въ Бѣлградъ; Карагеоргій, оставленный своею партіею и не имѣя поддержки Австріи, противъ желанія отдался въ русскія руки. Потеря Сербіи или ея зависимость отъ Россіи вѣчно живо чувствовалась бы, еслибъ только была невозвратна" [24]).

Опасность, предусматриваемая въ Вѣнѣ отъ утвержденія русскихъ на Дунаѣ, была счастливо отстранена распрей между Наполеономъ и Александромъ. Осенью 1811 года начаты были съ Турціей мирные переговоры и, послѣ различныхъ колебаній, 28 мая 1812 года, миръ былъ подписанъ.

Условія мира съ Портою распространили въ Сербіи страхъ и смущеніе. Для огражденія своихъ интересовъ,

---

24) Denkschrift befindet sich unter dem im Kriegsarchiv befindlicher Nachlass Radetzky's.

сербскій сенатъ послалъ въ Петербургъ трехъ лицъ: Георгія Ненадовича, Симу Марковича и Михаила Груевича, которые были сильно огорчены, убѣдившись, что Россія не придаетъ желаніямъ Сербіи никакого значенія. Въ то время, какъ сербская депутація пребывала въ русской столицѣ, въ Букарестѣ былъ подписанъ трактатъ, восьмой пунктъ котораго говоритъ о сербахъ: Порта обѣщала полную амнистію; въ нѣкоторыя крѣпости должны были вступить турецкіе гарнизоны, остальныя же срыты; Порта великодушно обезпечивала сербамъ внутреннее самоуправленіе, обѣщала облегчить налоги и распредѣлять ихъ по соглашенію съ сербскимъ народомъ.

Сербы увидали себя обманутыми въ своихъ ожиданіяхъ; прежніе годы Порта многократно обѣщала имъ болѣе благопріятныя условія; еще въ 1811 году Шуршидъ-паша предлагалъ Карагеоргію положеніе, равное господарямъ Молдавіи и Валахіи; но этотъ отослалъ предложенія въ главную русскую квартиру и объявилъ османамъ, что не думаетъ объ этомъ и, отклоняя отъ себя переговоры, подчинится всему, что будетъ постановлено между султаномъ и русскимъ царемъ. Въ іюлѣ 1812 г. сербская депутація вернулась изъ Петербурга съ грустными видами на будущее; имъ объявили, что Россія сдѣлала все возможное, но война съ Наполеономъ должна быть сперва покончена, а пока пусть сербы упражняются съ оружіемъ и ожидаютъ лучшихъ дней.

Въ августѣ 1812 г., русскія войска оставили Сербію, а нѣсколько недѣль спустя, сербы снова обратились въ Вѣну съ просьбою принять ихъ въ подданство, объявляя, что они рѣшились свергнуть турецкое иго.

Переговоры, веденные между сербами и турками въ Ниссѣ, прервались; сербы рѣшились на возстаніе и послали архимандрита Спиридона Филиповича въ Петербургъ просить помощи; Россія не могла этого исполнить, такъ

какъ всѣ силы свои употребляла на войну съ Наполеономъ; петербургскій кабинетъ ограничился тѣмъ, что предложилъ сербамъ вступить въ переговоры съ турками чрезъ русскаго посла въ Константинополѣ. Вслѣдствіе этого, сербскіе уполномоченные явились въ Софію, но вернулись, ничего не добившись, такъ какъ Порта подъ французскимъ вліяніемъ не приняла русскаго посредничества. Война загорѣлась снова, но была несчастна для сербскаго оружія; одолѣваемые превосходными силами турокъ, двинувшихся съ разныхъ сторонъ, сербы къ тому же ощущали недостатокъ въ снарядахъ. Въ сентябрѣ 1813 г. Карагеоргій послалъ своего секретаря Лазаря Ѳеодоровича къ генералу Зигенталю, начальствовавшему въ Славоніи, съ просьбою принять сербскія крѣпости. По отклоненіи этого предложенія, Ефтикъ появился 11 сентября въ Землинѣ съ просьбою остановить великаго визиря въ его нашествіи на Сербію; но еслибъ это не удалось, то разрѣшить семействамъ сербовъ съ ихъ имуществомъ бѣжать за австрійскую границу. Ефтикъ спрашивалъ Зигенталя, могутъ ли сербы расчитывать въ будущемъ году на поддержку Австріи, если имъ удастся продержаться еще зиму, и получилъ въ отвѣтъ, что единственно отъ сербовъ зависитъ, войдя въ соглашеніе съ великимъ визиремъ, положить конецъ враждѣ; что касается до пріюта беззащитнымъ, то сербскія семейства найдутъ покровительство въ Австріи и для ихъ продовольствія будутъ приготовлены запасы.

Въ то время, полное событій, Австрія была не въ состояніи оказать сербамъ другой помощи. Почти 9000 сербовъ, большею частью старики, женщины и дѣти нашли себѣ пріютъ на австрійской почвѣ. Положеніе сербовъ къ концу сентября было безнадежно; столкновенія подъ Валіевомъ и Уксицей были побѣдоносны для турокъ, и Карагеоргій съ толпою бѣглецовъ, 3 октября, появился въ Землинѣ; съ нимъ вмѣстѣ оставилъ отечество и Спиридоній

Филиповичъ, а другіе вожди, какъ то: Ненадовичъ, Марковичъ, Младенъ перешли границу въ другихъ пунктахъ.

Пограничныя власти снабдили главарей на дорогу деньгами и водворили ихъ въ Штейнмаркѣ, а Карагеоргія въ Грацѣ. Губернаторъ Штейермарка, князь Гогенцолернъ, требовалъ отъ него присяги на вѣрность австрійскому дому, обѣщая княжескій титулъ и управленіе Сербіей, Босніей и Герцеговиной, когда эти земли перейдутъ къ Австріи. „Рубашка ближе къ тѣлу, чѣмъ кафтанъ“, говорилъ онъ ему, „и Австрія ближе къ Сербіи, чѣмъ Россія, которая никогда не будетъ властвовать въ Сербіи“.

Карагеоргій пропустилъ, однако, безъ вниманія всѣ эти нашептыванія.

ГЛАВА IV.

ГРЕЧЕСКОЕ ВОЗСТАНІЕ.

Грозные планы о раздѣлѣ турецкаго наслѣдства, созрѣвшіе въ Петербургѣ и Парижѣ во второй половинѣ восемьнадцатаго столѣтія и во времена революціи, не осуществились. Одна Россія извлекла выгоды: хотя горячо желаемое присоединеніе Дунайскихъ княжествъ не состоялось, но съ пріобрѣтеніемъ Бессарабіи съ крѣпостями Хотинъ, Бендеры, Аккерманъ, Килія и Измаилъ, она присоединила къ своимъ владѣніямъ крупный участокъ земли и заняла выгодное положеніе въ южной части Дуная. Уже въ то время можно было составить себѣ понятіе о характерѣ русской политики, что никакія препятствія не измѣнятъ ея намѣреній. Постепенно двигаясь впередъ, она не упускаетъ изъ виду своей цѣли занять вліятельное положеніе на востокѣ и въ особенности на Балканахъ.

Для австрійской политики востокъ стоялъ на второмъ планѣ; наслѣдникамъ князя Кауница предстояло возвращеніе утраченныхъ провинцій и возстановленіе вліятельнаго положенія на западѣ. Сохраненіе существованія Порты было главною аксіомою австрійской политики, и только противъ желанія принимала она участіе въ планахъ раздѣла; того требовали политическія обстоятельства, а собственныя силы Австріи были недостаточны, чтобы можно было восточный вопросъ прятать подъ сукно. Поэтому и взгляды на счетъ доли въ дѣлежѣ измѣнялись; то Дунайскія княжества, то сербско-боснійскія земли поперемѣнно

указывались, какъ первая необходимость. Созданный въ Петербургѣ планъ, дать христіанскимъ населеніямъ полуострова самостоятельность и чрезъ то пріобрѣсти вліяніе на Балканахъ, никогда не былъ по вкусу Австріи.

Во времена революціи и Наполеона, Австріи приходилось заботиться о собственномъ существованіи; ей недоставало силъ для борьбы; могла ли она проводить дѣятельную политику на востокѣ? Впрочемъ, не употребляя успленныхъ средствъ, можно было бы воспользоваться нѣкоторыми удобными минутами и удержаться твердою ногою въ Сербіи; но въ тѣ дни изо всѣхъ государственныхъ людей Австріи одинъ только эрцгерцогъ Карлъ вполнѣ понялъ огромное значеніе востока для Австріи; ему пришлось, однако, уступить общему теченію.

Стадіонъ, окруженный многочисленными сотрудниками, съ трудомъ схватывалъ сущность дѣлъ и, кромѣ того, увлекался прекраснымъ поломъ; въ политикѣ онъ вращался въ прежней избитой колеѣ. Молдавія и Валахія, такъ же, какъ и Сербія, обязаны своимъ независимымъ положеніемъ исключительно Россіи, которая поставила эти области въ обязательныя отношенія къ себѣ и пріобрѣла большое вліяніе на ихъ внутреннія дѣла, тогда какъ по ихъ географическому положенію они должны бы исключительно служить интересамъ Австріи.

Метернихъ былъ тоже питомцемъ старой школы дипломатовъ; когда онъ принимался улучшать отношенія съ Франціей, то на юго-востокѣ онъ жертвовалъ интересами Австріи. Когда грозила опасность Дунайскимъ княжествамъ со стороны Россіи, онъ работалъ, чтобы воспрепятствовать этому, но не дѣлалъ никакой попытки замѣнить русское вліяніе австрійскимъ. Во время переговоровъ съ Наполеономъ о союзѣ не замѣтно, чтобы имъ руководило желаніе укрѣпиться на востокѣ; при выборѣ вознагражденія за оказанныя Австріей услуги, на первомъ планѣ стояло возвра-

щеніе Силезіи. Впослѣдствіи же, при побѣдоносныхъ войнахъ противъ Наполеона, Австрія укрѣпляла свое положеніе въ Италіи и Германіи, отдавая всѣ свои силы этимъ интересамъ.

Политическое преобладаніе, происшедшее отъ священнаго союза Австріи съ Россіей и Пруссіей, не осталось безъ вліянія на отношенія вѣнскаго кабинета къ Сербіи. До сихъ поръ ей выказывали благосклонное сочувствіе, но когда изчезло опасеніе русскихъ захватовъ на Тимокѣ и Моравѣ, то сербы, появлявшіеся въ Вѣнѣ во время конгресса, едва удостоивались вниманія. Ненадовичъ, проживавшій въ Австріи съ 1813 года, въ Декабрѣ 1814 года прибылъ въ Вѣну и при свиданіи съ лордомъ Кастельридежмъ получилъ въ отвѣтъ: что Англія не станетъ вмѣшиваться въ такія деликатныя дѣла; пусть сербскіе уполномоченные не утруждаютъ его, а обращаются къ Россіи и Австріи. Императоръ Францъ, къ которому они отнеслись съ просьбой, какъ къ освободителю народовъ, моля его сжалиться надъ сербами, высказалъ депутатамъ свои симпатіи къ столь любезному и полезному для Австріи народу, прибавивъ, что ему извѣстна взаимная ненависть сербовъ къ туркамъ, но что конгрессъ не въ состояніи теперь заняться сербскимъ вопросомъ.

Полгода спустя, во время возстанія Милоша, Ненадовичъ снова находился въ Вѣнѣ, чтобы выхлопотать сербамъ поддержку оружіемъ и снарядами. Такъ какъ Ненадовичъ настаивалъ на своей просьбѣ, то ему велѣли навѣдаться чрезъ нѣсколько дней; когда же онъ снова явился въ государственную канцелярію, то получилъ извѣстіе, что императоръ отправился къ войску, не оставивъ на счетъ его никакого приказанія; что его просьба объ оружіи не можетъ быть исполнена здѣсь, а ему надо обратиться къ главнокомандующему въ Славоніи, и тутъ же, подъ угрозой ареста, ему было воспрещено именоваться уполномо-

ченнымъ сербовъ, существованіе которыхъ, какъ націи, Австрія не признаетъ.

Въ Вѣнѣ желали избѣжать всего, что могло вызвать раздраженіе или неудовольствіе Порты; а такъ какъ съ границы получены были извѣстія о заразѣ, то этимъ воспользовались, чтобы воспретить сербскимъ бѣглецамъ переходъ на австрійскую территорію.

Нѣсколько недѣль спустя, сербскій главарь Милошъ Обреновичъ отнесся къ коменданту Землина, прося выдать паспорты нѣсколькимъ лицамъ, которыхъ сербы хотѣли послать „къ величайшему монарху христіанства“. Получивъ пропускъ, Младенъ, Миланевичъ, Наваковичъ и Добринычъ отправились въ Вѣну и затѣмъ въ главную квартиру русскаго императора, котораго нашли наконецъ въ Парижѣ. Сербы ходатайствовали только о дипломатическомъ заступничествѣ Россіи въ Константинополѣ, а Милошъ отнесся непосредственно къ русскому послу на Босфорѣ, Строгонову, который пріобрѣлъ большое вліяніе на дѣла Порты.

На вѣнскомъ конгрессѣ о восточномъ вопросѣ было упомянуто мимоходомъ; Порта отнеслась было къ австрійскому министру съ ходатайствомъ о возвращеніи Россіей тѣхъ земель, которыя были договорены по Букарестскому миру, но Метернихъ отклонилъ это ходатайство. Отношенія Австріи къ Россіи были безъ того временно натянуты, и австрійскій министръ не желалъ, изъ любви къ туркамъ, устраивать ихъ дѣла, рискуя тѣмъ, что Россія совершенно передастся на сторону Пруссіи. Онъ имѣлъ, однако, въ виду возбудить на конгрессѣ вопросъ объ обезпеченіи за Турціей ея настоящихъ владѣній; этотъ предметъ занималъ его еще въ Октябрѣ 1813 года и Метернихъ старался заручиться содѣйствіемъ лорда Кастельриджъ. На предложеніе англійскаго дипломата, русскій царь выразилъ готовность дать свое согласіе на такую гарантію, но съ тѣмъ,

чтобы разрѣшены были предварительно недоразумѣнія между Россіей и Портой относительно нѣкоторыхъ пунктовъ на Черномъ морѣ.

Когда въ Вѣнѣ шли переговоры для включенія въ актъ конгресса статьи, которою бы гарантировались земельныя владѣнія нѣкоторыхъ государствъ, то Россія и Англія высказались противъ подобнаго обязательства, и этотъ отказъ послѣдовалъ именно потому, что тутъ была включена и Порта. Напротивъ того, Александръ сдѣлалъ предложеніе поставить христіанскія населенія Турціи подъ общее покровительство европейскихъ державъ, на томъ основаніи, что христіанская и цивилизованная Европа имѣетъ не только право, но и обязанность ограждать христіанъ отъ фанатизма магометанъ. Воспитанникъ и любимецъ Екатерины проводилъ политическую идею своей бабки.

Мирное настроеніе императора Александра казалось австрійскому министру достаточною гарантіею для продолжительнаго покоя на берегу Дуная, и Метернихъ надѣялся на свой установленный кредитъ у царя, чтобы предотвратить всѣ русскія тенденціи къ расширенію. Только въ Константинополѣ не вѣрили миру и опасались скораго нападенія со стороны Россіи, но Метернихъ и его сотрудникъ Гентцъ были усердно заняты тѣмъ, чтобы наставить турецкихъ администраторовъ на лучшій путь. Они были убѣждены, что въ Россіи и не помышляли о войнѣ съ Портою, Александръ желалъ мира, зная, что это разъединило бы его съ Австріей и Англіей, вслѣдствіе чего могла возникнуть всеобщая война и ниспроверженіе европейской государственной системы было бы ея послѣдствіемъ.

„Фабриканты политическаго романа“, писалъ Гентцъ 15 Октября 1815 года господарю Валахіи, „говорятъ о завоеваніи турецкой имперіи, какъ объ одномъ изъ актовъ великой трагедіи, не сознавая, куда заведетъ ихъ этотъ великій вопросъ“.

Но Турція не успокоивалась этими увѣреніями и возможность войны съ Россіей ее постоянно занимала; при исполненіи нѣкоторыхъ статей букарестскаго договора являлись обстоятельства, дававшія сѣверной державѣ возможность довести дѣло до разрыва, и изъ объясненій англійскаго посла на Босфорѣ видно, что война между Россіей и Портою вѣроятна, если въ Константинополѣ одержитъ верхъ воинственная партія. Но въ Вѣнѣ были увѣрены въ мирномъ рѣшеніи спора, такъ какъ Александръ далъ Францу письменное завѣреніе въ своемъ миролюбіи, и даже, извѣщая Порту о заключеніи священнаго союза, высказалъ сожалѣніе, „что форма договора не дала возможности включить въ него Турцію“.

Метерниху было весьма желательно, чтобы изъ Константинополя обратились къ нему съ просьбою развязать несогласія съ Россіей; дѣло въ томъ, что эта послѣдняя не возвратила крѣпостей, захваченныхъ ею въ Азіи и въ 1816 году вступила въ переговоры съ Турціей объ оставленіи ихъ за нею; но Порта, ссылаясь на постановленія Корана, не соглашалась на уступку азіатскихъ крѣпостей, которыми фактически владѣла Россія. Что Александръ не желаетъ войны, это было символомъ вѣры европейскихъ дипломатовъ, но все же въ отношеніяхъ двухъ державъ оставалась открытая рана, которая при всякой случайности могла имѣть кровавыя послѣдствія.

Эти ничтожныя тревоги о турецко-русскомъ несогласіи, омрачавшія ясный политическій горизонтъ, были совершенно забыты, когда возникли революціонныя движенія въ Испаніи и въ особенности въ Италіи, озаботившія австрійскій дворъ. Метернихъ и Гентцъ были очень довольны поведеніемъ Александра; въ особенности ихъ радовало сознаніе, что онъ оставилъ тѣ либеральныя идеи, которыя прежде выхвалялъ, и усвоилъ принципъ, что апостолы свободы и народныхъ правъ производятъ только анархію и раз-

стройство всей европейской государственной системы. Когда стало извѣстнымъ, что русскіе агенты поддерживаютъ тѣсныя сношенія съ итальянскими карбонаріями и привѣтствуютъ стремленія къ свободѣ Неаполя и Пьемонта, то Александръ призналъ необходимымъ остановить эти вспышки въ зародышѣ и охотно далъ свое согласіе на вступленіе австрійскихъ войскъ на Аппенинскій полуостровъ.

Сомнительно, чтобы въ Вѣнѣ имѣли вѣрный взглядъ на отношенія русскаго кабинета къ христіанскому населенію Балканскаго полуострова. Одно изъ близкихъ къ императору Александру лицъ, корфіотъ графъ Каподистрія, былъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ афинскими филлеленами, состоя членомъ общества, которое поставило себѣ задачею соединить всѣхъ христіанъ турецкой имперіи для низверженія Порты. И въ то время, когда въ Троппау и Лайбахѣ дипломаты священнаго союза совѣщались о тѣхъ мѣрахъ, которыя слѣдовало принять противъ революціи въ Италіи, они, конечно, не подозрѣвали, что Каподистрія былъ сильно замѣшанъ въ движеніи, которое одновременно приготовлялись въ разныхъ пунктахъ турецкихъ владѣній, и что во главѣ его стоялъ Александръ Ипсиланти съ полнаго согласія русскаго министра.

Инстинктъ Метерниха не обманулъ его, когда въ возстаніи янинскаго Али-паши онъ усмотрѣлъ начало серьезной революціи [1]). Али-паша находился въ постоянной перепискѣ съ гетеристами и, желая завладѣть Яниной, Эпиромъ и Акарнаніей, счелъ возможнымъ достигнуть своей цѣли, вступая въ союзъ съ христіанами. Лихорадочное настроеніе охватило все населеніе Греціи со времени начала вражды между пашею и падишахомъ, и минуты казались благопріятными для осуществленія давно желаемаго плана.

---

[1]) *Гентцъ.* Неизданныя депеши. Т. II, стр. 31.

Но извѣстіе о возстаніи Ипсиланти не сдѣлало никакого впечатлѣнія на дипломатовъ, собравшихся въ Лайбахѣ; о послѣдствіяхъ событія никто не помышлялъ, кромѣ глубоко-скрытнаго Каподистрія. Метерних и его окружающіе не придавали всцышкѣ большаго значенія; дѣло объяснялось очень просто: это былъ бунтъ дрянной сволочи противъ бояръ. Только извѣстіе, что греки выступаютъ массами для сверженія господства, давившаго ихъ четыреста лѣтъ, а также требованіе, чтобы русскія войска вступили въ возмутившуюся Молдавію, указали на грозящую опасность. Впрочемъ, полагали, что возстаніе будетъ несомнѣнно усмирено турками, хотя бы и цѣною жестокаго кровопролитія; что за тѣмъ послѣдуетъ, объ этомъ никто не помышлялъ.

„Что произойдетъ на Востокѣ," говорится въ одной характеристичной замѣткѣ Метерниха, „не подается разсчетамъ; можетъ быть ничего не выйдетъ. За нашей пограничной чертой считаютъ отъ 30 до 40 тысячъ повѣшенныхъ, удавленныхъ и посаженныхъ на колъ".

Изъ всего видно, что возстаніе въ Дунайскихъ княжествахъ и Греціи Метернихъ приписывалъ тѣмъ-же революціоннымъ движеніямъ, какъ и на Пиренейскомъ и Аппенинскомъ полуостровахъ. Жители княжествъ были подданные, возставшіе противъ своего законнаго повелителя, такъ же, какъ испанцы и неаполитанцы; это были бунтовщики, которыхъ слѣдовало привести къ повиновенію, и австрійскій министръ почувствовалъ глубокое удовольствіе, когда русскій царь высказался въ томъ-же смыслѣ.

Въ совѣщательномъ засѣданіи, состоявшемся 14 Марта и которое Гентцъ называетъ величайшимъ событіемъ, императоръ Александръ торжественно высказалъ, что онъ твердо держится основаній священнаго союза, имѣющаго цѣлью противодѣйствовать революціи. Императоръ говорилъ

прекрасно и присутствующіе, глубоко потрясенные, выражали ему свое удивленіе.

„Не ко мнѣ, но къ Богу должны быть обращены ваши слова“, отвѣтилъ Александръ; „если мы спасемъ Европу, то, значитъ, Онъ того хочетъ!“

Собственно сказать, скептическій Гентцъ не вѣрилъ въ непосредственное вмѣшательство Провидѣнія. „Въ то время, какъ милліоны людей“, писалъ онъ Метерниху, „остаются въ полномъ незнаніи Александра, шесть или восемь человѣкъ знаютъ и понимаютъ тайну его жизни; это самая выдающаяся личность нашего вѣка“.

Подозрѣніе Гентца, что Россія сыграетъ злую шутку на Востокѣ, должно было изчезнуть предъ событіями. Александръ строго осудилъ предпріятіе Ипсиланти, велѣлъ вычеркнуть его имя изъ списковъ русской арміи и въ депешѣ отъ 26 Марта къ Строганову поручилъ объявить Портѣ, что политика русскаго двора далека отъ всякихъ дѣйствій, которыя нарушаютъ покой турецкихъ провинцій. Россія и Австрія дали увѣреніе, что обѣ державы не станутъ поддерживать враговъ установленнаго порядка; что возставшіе греки не получатъ никакой поддержки, и Портѣ предоставляется принять тѣ мѣры, которыя она признаетъ нужными для своей безопасности. Въ тотъ-же день данъ былъ отвѣтъ Ипсиланти, чтобы возставшіе греки отказались отъ всякой надежды на поддержку Россіи, потому что было бы недостойно императора разрушать турецкую имперію посредствомъ тайнаго общества, дѣйствующаго виновнымъ и постыднымъ образомъ.[1])

Со времени Карльсбадскаго свиданія сложилось убѣжденіе, что настала новая эра въ системѣ европейской политики. По отъѣздѣ русскаго императора, Метернихъ вслѣдъ за нимъ послалъ меморію, содержащую принципы, кото-

[1]) Метернихъ писалъ Стадіону 26 Марта 1821: «На это дѣло слѣдуетъ смотрѣть, какъ на вопросъ внѣ цивилизаціи».

рыхъ отнынѣ слѣдовало твердо держаться. Въ ней указывалъ онъ на зло, подрывающее порядокъ въ Европѣ. Общество погибло-бы, еслибъ въ послѣдніе мѣсяцы не были приняты мѣры. Заря лучшей будущности появляется на небосклонѣ и наступитъ день, когда народы утвердятся на прочномъ пути; но если будетъ нарушенъ хотя одинъ изъ принциповъ, то наступитъ ночь и послѣдуетъ хаосъ. Замышляемое низпроверженіе порядка можетъ быть остановлено поддержаніемъ законно-существующаго и устраненіемъ всякой новизны, и лайбахское соглашеніе должно служить основаніемъ неизмѣннымъ, до новаго съѣзда представителей кабинетовъ.

Во второй запискѣ, исключительно посвященной греческимъ дѣламъ, Метернихъ старался доказать, что это движеніе не можетъ служить на пользу народовъ, такъ какъ въ послѣднее столѣтіе греки пришли въ послѣднюю степень упадка. Греческое возстаніе есть факелъ раздора, брошенный между Россіей и Австріей.

Тѣ-же взгляды изложены въ декларацiи союзныхъ державъ и въ циркулярной депешѣ Австріи отъ 21 Мая 1821 г.

Поведеніе Александра въ Лайбахѣ укрѣпило духъ австрійскаго министра и сулило успѣхъ стараніямъ его поддержать миръ между Россіей и Турціей. Привязать къ своей политикѣ русскаго царя, отстранивъ отъ него прочихъ совѣтниковъ, сдѣлалось отнынѣ главной цѣлью дипломатіи Метерниха. Совѣтники могли-бы вліять на Александра или посредствомъ привязанности къ традиціямъ русской политики, или своими симпатіями къ грекамъ, дѣйствуя на чувствительную душу императора.

Неудача возстанія въ Дунайскихъ княжествахъ укрѣпила Метерниха въ убѣжденіи, что Портѣ удастся такъ же скоро подавить возмущеніе грековъ. Къ сожалѣнію, вскорѣ возникли пререканія между Портою и русскимъ посломъ

на Босфорѣ, которыя сдѣлали положеніе затруднительнымъ. Заарестованіе Константинопольскаго патріарха Григорія, который послѣ пасхальной заутрени 22 Апрѣля отведенъ былъ въ темницу и нѣсколько часовъ спустя повѣшенъ на вратахъ церкви, дало толчокъ къ разрыву съ Россіей. По поводу жестокаго поступка, между Строгановымъ и Портою завязалась переписка, вскорѣ принявшая враждебный тонъ. Насильственныя дѣйствія, принятыя противъ православнаго населенія, повторявшіеся аресты и казни, необычайно строгіе розыски на русскихъ судахъ, чтобы препятствовать бѣгству грековъ, усилили раздраженіе. Рѣшеніе Порты возвысить пошлины на зерновые грузы, идущіе изъ Чернаго моря, то есть мѣра, прямо направленная противъ русской торговли, повело къ рѣзкимъ объясненіямъ и Строгановъ потребовалъ своего паспорта въ случаѣ, ежели представленія его не будутъ уважены. Визирь возбудилъ противъ Строганова жалобы и послалъ письмо Метерниху, для доставленія его русскому кабинету.

Въ то же время прибыла въ Вѣну нота русскаго кабинета отъ 28 Іюня, которая содержала ультиматумъ. Въ ней говорилось, что Порта пренебрегла совѣтомъ и содѣйствіемъ Россіи для низверженія революціи и придаетъ возстанію характеръ законнаго сопротивленія. Стремясь истребить греческую націю и религію, она дѣлаетъ воззваніе къ фанатизму мусульманъ, и тѣмъ возбуждаетъ сочувствіе къ мятежникамъ; она затрогиваетъ тѣ чувства, которыми гордятся всѣ народы: человѣколюбіе, любовь къ отечеству и вѣру. Возможно-ли при подобныхъ условіяхъ существованіе Турціи въ системѣ европейскихъ государствъ; это будетъ зависѣть отъ трехъ условій: чтобы Порта не преслѣдовала христіанской религіи посрамленіемъ и войною, чтобы она не допускала истребленія цѣлой націи, и чтобы не нарушала мира, купленнаго Европой цѣною большихъ пожертвованій. Россія, защищая дѣло Европы, основываетъ

свои требованія на договорахъ; Порта обязана возстановить разрушенныя церкви, доставя защиту христіанской вѣрѣ, и удалить свои войска изъ Дунайскихъ княжествъ, назначивъ туда господарей.

Одновременно съ тѣмъ царь относился къ европейскимъ кабинетамъ, увѣдомляя ихъ, что Россія, на основаніи Кучукъ-Кайнардскаго договора, рѣшается принять участія въ судьбѣ Греціи; поэтому онъ желаетъ знать взгляды и рѣшенія державъ въ случаѣ, ежели дѣло дойдетъ до войны съ Портою, и какой системы намѣрены они держаться, если послѣдуетъ разрушеніе турецкой имперіи. Въ припискѣ, адресованной въ Вѣну, было сказано, какъ сердечно желаетъ царь дѣйствовать за-одно со своими союзниками; и если Порта не измѣнитъ своей системы, то Европа должна будетъ принять великое рѣшеніе.

Это было первое горькое объясненіе, которое выслушалъ Метернихъ; прежнія вѣсти изъ Петербурга были такъ благопріятны, Александръ такъ твердо держался принциповъ, изложенныхъ въ меморіи, что тѣмъ поразительнѣе было впечатлѣніе, произведенное русскою нотою, которая какъ-бы нарушала взаимность европейскихъ интересовъ и говорила о самостоятельномъ шагѣ Россіи. Поэтому русскія представленія встрѣтили въ Вѣнѣ холодный пріемъ; но Александръ поспѣшилъ разсѣять первое впечатлѣніе письмомъ къ Францу, къ которому онъ, по мнѣнію Гентца, питалъ самыя дружескія чувства. Письмо это касалось такихъ струнъ, которыя несомнѣнно должны были найти отголосокъ у австрійскаго монарха; оно указывало на боязнь революціи и выставляло общность европейскихъ интересовъ, которые одинаково свято должны охраняться какъ въ Италіи, такъ и на Востокѣ. Александръ говорилъ о своемъ убѣжденіи, что въ Вѣнѣ не заподозрятъ чистоты его намѣреній, и высказывалъ надежду, что повелитель Австріи будетъ за него поручителемъ передъ другими дер-

жавами въ томъ, что если-бы онъ принужденъ былъ принять воинственныя мѣры противъ Порты, то никакъ не для-русскихъ цѣлей.

Метернихъ былъ успокоенъ; онъ сохранилъ убѣжденіе, что Александръ смотритъ на турецкія событія съ одинаковой съ нимъ точки, но, перемѣнивъ мѣстопребываніе, подчинился вліянію лицъ, отъ которыхъ его слѣдовало-бы удалить.

„Рамки, въ которыя вставленъ человѣкъ“, замѣчалъ Метернихъ, „имѣютъ большое вліяніе на него; требуется великая сила духа, чтобы противустоять вліянію окружающихъ лицъ и идти имъ наперекоръ. Царь держится твердо, но онъ одинокъ между своими“.

Австрійскій министръ выказалъ въ эту недѣлю удивительную дѣятельность; по всѣмъ направленіямъ полетѣли его курьеры, чтобы пустить въ ходъ моральныя средства, такъ какъ по его мнѣнію дѣло шло „о жизни или смерти здраваго смысла“. Въ Константинополь писалъ онъ, что Порта должна провести линію между прошедшимъ и настоящимъ; соединить строгость со снисхожденіемъ, умиротворить инсургентовъ и поддержать доброе сосѣдство. Упорный отказъ въ удовлетвореніи русскихъ требованій могъ вести къ тягостнымъ усложненіямъ и поставить Австрію въ невозможность охранять Турцію. Въ Лондонъ писалъ онъ: императоръ Александръ не желаетъ войны, но русскіе ищутъ ее; теперь рѣчь идетъ о томъ, смотрѣть-ли на это дѣло, какъ на исключительно русское, или какъ на общее всѣмъ интересамъ Европы; но все-же слѣдуетъ противодѣйствовать воинственному настроенію лицъ, окружающихъ царя.

Лордъ Лондондери письменно изложилъ царю почти тѣ же мысли; вмѣстѣ съ тѣмъ Метернихъ получилъ приглашеніе прибыть въ Ганноверъ, куда долженъ также пріѣхать англійскій король въ сопровожденіи своего министра. Ав-

стрійскій канцлеръ отправился въ путь, въ надеждѣ одержать новую дипломатическую побѣду, и эта надежда еще усилилась отъ пріема, сдѣланнаго ему королемъ. Георгъ привѣтствовалъ его, называя дорогимъ другомъ, призналъ его величайшимъ законодателемъ и самымъ выдающимся дипломатомъ всѣхъ временъ, сравнивалъ съ Миносомъ, Ѳемистокломъ, Катономъ и Цезаремъ, и выказалъ, сверхъ всякаго ожиданія, привязанность къ императору и австрійской системѣ управленія. 20 Октября Метернихъ прибылъ въ столицу Гвельфовъ, а четыре дня спустя уже могъ увѣдомить своего государя, что турецкимъ дѣламъ дано такое твердое направленіе, что злымъ намѣреніямъ будетъ поставлена очень трудная задача.

Между Метернихомъ и Лондондери состоялось полное соглашеніе; поддержаніе мира между Турціей и Россіей представилось имъ самой натуральной цѣлью ихъ общихъ стараній: Россіи слѣдовало выяснить опасность разрыва, а отъ Порты требовать точнаго исполненія трактатовъ и умѣренности. Депеша Метерниха въ Петербургъ должна была также свидѣтельствовать, какихъ результатовъ можно достичь, когда умѣешь говорить съ Англіей ея языкомъ.

Но Метернихъ ошибся: эти тонко составленныя ноты не сдѣлали на берегахъ Невы особаго впечатлѣнія, да и въ Константинополѣ не достигли ожидаемыхъ результатовъ. Графъ Лютцовъ поддержалъ русскія требованія: очищеніе и преобразованіе княжествъ, возстановленіе церквей и гарантія въ покровительствѣ христіанамъ на будущее время. Новый Рейсъ-эфенди, Магометъ-Садикъ, отклонилъ всѣ предложенія; старая воинственная турецкая партія взяла верхъ и потоки крови полились въ Триполицѣ. Турецкіе министры ставили предварительнымъ условіемъ для переговоровъ выдачу греческихъ бѣглецовъ, и чтобы до окончанія возстанія не было рѣчи объ очищеніи княжествъ. Послы убѣдились, что всѣ ихъ старанія будутъ напрасны, одна-

ко поддержали требованія интернунція и въ то же время ловко составленная нота лорда Странгфорда произвела впечатлѣніе на Порту, такъ что тонъ ея отвѣта сталъ мягче.

Хотя не всѣ требованія Россіи были приняты во вниманіе, но болѣе сговорчивости трудно было и ожидать отъ упрямыхъ турецкихъ сановниковъ и австрійскій министръ тотчасъ послалъ въ Петербургъ указаніе на результаты поддержки. Александръ, однако, не раздѣлялъ этого взгляда; онъ находилъ, что вѣнскій кабинетъ не далъ надлежащей поддержки его требованіямъ и высказывалъ горькія жалобы противъ Австріи, отъ которой ожидалъ болѣе благодарности за услугу, оказанную ей въ Италіи.

Но вотъ изъ Варшавы получено было увѣдомленіе отъ великаго князя Константина, что въ Польшѣ возникло волненіе, которое легко можетъ превратиться въ открытое возстаніе, ежели начнется война съ Турціей; это тревожное извѣстіе убѣдило царя умѣрить свои притязанія къ Портѣ и принять содѣйствіе Метерниха; для необходимыхъ переговоровъ въ Вѣну прибылъ Татищевъ.

Австрійскій министръ радовался этому обороту дѣлъ; съ гордымъ самодовольствомъ говорилъ онъ: „Ни одинъ изъ дипломатовъ не понимаетъ истиннаго смысла событій; я одинъ обладаю ключемъ къ разрѣшенію всѣхъ затрудненій; Каподистрія блуждаетъ въ темнотѣ, также какъ и императоръ Александръ; Лондондери и Веллингтонъ не знаютъ, что дѣлать и оба ожидаютъ извѣстія, чего хочетъ или не хочетъ Австрія. Всѣ чего то желаютъ, но не сознаютъ какъ устроиться съ дѣлами и получить желаемое; одинъ я знаю, чего хочу и что можно сдѣлать, но я остаюсь непроницаемъ“.

Въ меморіи отъ 19 Апрѣля, которую Татищевъ повезъ въ Петербургъ, Метернихъ развивалъ свои воззрѣнія на греческій вопросъ. Онъ совѣтовалъ царю поддерживать въ неприкосновенности прежнюю политическую систему, ко-

торая составляетъ единственную гарантію спокойствія Европы и общественнаго порядка. Предложенія его относительно Турціи были слѣдующія: очищеніе княжествъ отъ турецкихъ войскъ; ручательство въ амнистіи грекамъ, на которыхъ со стороны державъ произведено будетъ давленіе, и назначеніе Диваномъ уполномоченныхъ для совѣщанія съ представителями державъ о средствахъ доставить турецкой имперіи скорый и продолжительный миръ. Каподистрія усиленно старался противодѣйствовать предложеніямъ австрійскаго министра, но воинственное настроеніе Александра уже улеглось, уступивъ мѣсто желанію сохранить священный союзъ; тутъ же на помощь усиліямъ Метерниха пришло извѣстіе, что Порта, уступая вліянію англійскаго посла, согласилась очистить отъ войскъ Дунайскія княжества, отстранивъ такимъ образомъ, одинъ изъ крупныхъ мотивовъ столкновенія.

31 Мая 1822 года былъ для Метерниха радостнымъ днемъ: курьеръ, посланный Лебцельтерномъ изъ Петербурга, увѣдомлялъ о полной побѣдѣ австрійскаго министра надъ Каподистріей. „Царь принялъ всѣ наши предложенія“, докладывалъ Метернихъ своему государю; „Татищевъ прибудетъ въ Вѣну чрезъ десять дней и передастъ веденіе переговоровъ въ руки Австріи. Императоръ Александръ идетъ еще далѣе: извѣстіе объ очищеніи княжествъ сдѣлало такое на него впечатлѣніе, что его величество готово сейчасъ же возстановить съ Портою дипломатическія сношенія. Каподистрія окончательно побитъ и молчитъ, а Австрія возросла въ силѣ и вліяніи; дѣло Петра Великаго и его наслѣдниковъ нынѣшній русскій кабинетъ уничтожилъ однимъ ударомъ; теперь все станетъ на новый базисъ, и все, что теряетъ Россія, пріобрѣтетъ Порта; Австрія оказала ей эту услугу и вліяніе наше въ Константинополѣ будетъ преобладать“.

Въ Іюнѣ Татищевъ вторично появился въ Вѣнѣ, чтобы,

на основаніи меморандума Метерниха отъ 19 Апрѣля, продолжать переговоры. Россія требовала отъ Порты только присылки уполномоченнаго съ извѣщеніемъ объ очищеніи княжествъ, и ставила въ зависимость отъ исполненія этой формальности отправленія своего представителя въ Константинополь. Казалось, что согласія Порты можно было ожидать съ увѣренностью; если бы на Босфорѣ находился русскій уполномоченный, то это была бы значительная гарантія въ пользу мира, хотя Александръ не былъ расположенъ на возстановленіе правильныхъ отношеній съ Портою до тѣхъ поръ, пока греческій вопросъ не сойдетъ со сцены. Такимъ образомъ, тутъ уже не касались верховныхъ правъ султана и требовались лишь такія гарантіи, оторыя бы успокоили совѣсть русскаго императора: давши амнистію и предоставивъ грекамъ нѣкоторыя льготы, турецкіе министры удовлетворили бы Александра. Кромѣ того, Порта могла убѣдиться, что ей не одолѣть возстанія безъ помощи европейскихъ державъ; поэтому ей надлежало предложить условія подходящія.

Прежде, чѣмъ депеша Метерниха прибыла изъ Франкфурта въ Константинополь, призванъ былъ Диваномъ Георгій Гико въ Букарестъ, а два дня спустя Иванъ Стурдза въ Яссы на господство, и вмѣстѣ съ тѣмъ до двухъ тысячъ турецкаго войска вышло изъ княжествъ. Съ полнымъ основаніемъ поэтому расчитывали на уступчивость Порты, но въ этомъ ошиблись; Странгфордъ усиленно убѣждалъ Порту о посылкѣ уполномоченнаго въ Петербургъ, чтобы извѣстить русскій кабинетъ о свершившихся событіяхъ, но турецкіе министры возстали противъ этого:

„Къ чему уполномоченнаго? мы не имѣли никакой ссоры съ Россіей“, отвѣчали они англійскому послу. „Уполномоченный долженъ имѣть полномочія, а мы ихъ дать не желаемъ; договоры существуютъ, а не составляютъ предмета новаго соглашенія; мы ничего не требуемъ и ничего

другимъ рѣшились не уступать. Ничего намъ не надо отъ русскихъ; если къ намъ пришлютъ посла, мы его дружески примемъ, но не желаемъ никакого вмѣшательства державъ и настоятельно просимъ въ этомъ случаѣ оставить насъ въ покоѣ. Мы лучше знаемъ, какъ обращаться съ нашими подданными; при прежнихъ возстаніяхъ ни одна держава не вмѣшивалась и мы обходились безъ нихъ; такъ будетъ и впредь".

Это было плохимъ признакомъ для дипломатическаго похода Метерниха; сильные доводы австрійскаго канцлера, изъ которыхъ англійскій посолъ дѣлалъ добросовѣстное употребленіе, не производили впечатлѣнія. Странгфордъ предложилъ, чтобы Порта по крайней мѣрѣ объявила простую амнистію; если же греки не примутъ ее, то это будетъ уже ихъ дѣло. Но старанія его были напрасны. „Вы желаете", отвѣчала турецкая нота, „окончанія возстанія? хорошо, такъ не мѣшайтесь въ дѣло ни явно, ни подъ рукой".

Въ Сентябрѣ ожидали пріѣзда императора Александра въ Вѣну, думая порадовать его вполнѣ покоченнымъ несогласіемъ; но эта надежда изчезла; Странгфордъ оставилъ Константинополь, не достигнувъ цѣли. Тѣмъ не менѣе Метернихъ расчитывалъ удержать царя въ его миролюбивомъ настроеніи; тѣ лица, вліянія которыхъ на самодержца можно было опасаться, потеряли свое видное положеніе и Каподистрія удалился въ Эмсъ. „Онъ умеръ!" восклицалъ Метернихъ, „но я боюсь мертвецовъ и привидѣній." Другихъ приближенныхъ царя Метернихъ не опасался; Нессельроде казался ему мало значительнымъ, Татищевъ сонней, а въ себѣ Метернихъ сознавалъ рѣдкую способность извлекать пользу изъ спящихъ. „Мой талантъ", говорилъ онъ, „состоитъ въ томъ, что я могу привести Татищева въ положеніе, изъ котораго ему не отдѣлаться, не сломавши себѣ шеи, а милый человѣкъ дорожитъ ею".

Слѣдуетъ прибавить, что австрійскій министръ не любилъ имѣть противникомъ вполнѣ честнаго человѣка, находя, что съ такимъ трудно ладить.

Къ счастію, испанскія событія сильно заняли царя, который стремился къ тому, чтобы связать въ Европѣ революціонный духъ; ко всему остальному онъ былъ равнодушенъ. Несогласія съ Портой было для него лишь несчастнымъ эпизодомъ; не желая увеличивать своихъ владѣній, царь содрогался при мысли о войнѣ.

Въ Вѣнѣ и Веронѣ, гдѣ осенью съѣхались монархи со своими министрами, занялись они турецкимъ вопросомъ; въ совѣщаніи между Александромъ, Метернихомъ, Нессельроде, Татищевымъ и Странгфордомъ шла рѣчь о дальнѣйшихъ мѣрахъ. 9 Ноября 1822 года, Татищевъ формулировалъ весьма умѣренныя требованія Россіи. Дѣло шло лишь о возстановленіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Портою и это зависѣло отъ одного условія: Турція должна была предоставить итальянскимъ и испанскимъ судамъ свободное плаваніе въ Черномъ морѣ; затѣмъ, какъ только прежній порядокъ будетъ возстановленъ въ Дунайскихъ княжествахъ и Порта оффиціально извѣститъ о томъ, то царь пришлетъ въ Константинополь своихъ дипломатическихъ агентовъ. Что же касается до умиротворенія Греціи, то Порта можетъ вступить въ переговоры съ Россіей и ея союзниками, или указать на рядъ распоряженій, доказывающихъ ея уваженіе къ христіанской вѣрѣ и желаніе возстановить на прочныхъ основаніяхъ внутренній порядокъ.

Греческая депутація, подъ предводительствомъ Матаксы прибывшая въ Италію, не была принята, и даже на ея прошеніе, по предложенію Метерниха, не было дано никакого отвѣта. Гентцъ ликовалъ побѣду; по его словамъ „великій русскій монархъ отбросилъ всякую мысль о войнѣ съ турками, и если бы ему предложили въ даръ поло-

вину турецкой имперіи, то онъ даже не протянулъ бы руки".

Это мирное настроеніе возымѣло свое дѣйствіе; Турція съ готовностью пошла на встрѣчу желаніямъ англійскаго и австрійскаго министровъ и рѣшилась исполнить требуемое изъ любезности. Она послала въ Вѣну ноту съ просьбою передать ее въ Петербургъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ настаивала на исполненіи доселѣ не осуществленныхъ статей букарестскаго мира. Порта въ этомъ случаѣ была права, хотя австрійскимъ министрамъ эти требованія показались несвоевременными.

Но вотъ въ Лондонѣ послѣдовала перемѣна кабинета и въ виду этого событія, въ Вѣнѣ особенно желали скорѣйшаго возобновленія дипломатическихъ сношеній Порты съ Россіей. Лордъ Странгфордъ также усердно этому содѣйствовалъ. Правда, новый премьеръ Канингъ еще не высказалъ, какого направленія будетъ держаться онъ въ политикѣ, но нѣкоторые признаки указывали, что въ греко-турецкой распрѣ нельзя уже будетъ дѣйствовать съ прежнею увѣренностью. Нѣсколько недѣль спустя, получено было на этотъ счетъ разъясненіе: Канингъ отправилъ къ представителю Англіи на Босфорѣ новыя инструкціи, которыми опредѣлялся полный поворотъ ея политики. Англійскій министръ поручилъ объявить Портѣ, что Англія не можетъ болѣе оставаться съ нею въ дружбѣ, если она не исполнитъ обѣщаній относительно христіанъ, и тутъ включена была угроза, что Англія займетъ нѣкоторыя острова Архипелага. Странгфордъ возмутился противъ наступившей перемѣны, сознавая, что принужденъ будетъ оставить свой постъ. 25 Марта Англія признала греческую блокаду; Іоническимъ властямъ предписано было признавать грековъ воюющею державою.

Въ Петербургѣ также имѣли причины быть недовольными Портою; нѣсколько тысячъ турецкаго войска оста-

лись еще въ княжествахъ; одинъ изъ бояръ; вернувшихся въ отечество вслѣдствіе амнистіи, былъ схваченъ силистрійскимъ пашею и посаженъ въ тюрьму; вновь установленныя правила плаванія въ Черномъ морѣ были очень стѣснительны; турецкій фирманъ благопріятствовалъ исключительно турецкому судоходству и русскіе купцы возбудили на это жалобы, а въ Одессѣ произошло даже волненіе, вслѣдствіе этихъ мѣръ. Поэтому, содержаніе русской ноты отъ 20 Мая 1823 года было неудовлетворительно, и письмо Нессельроде къ Рейсъ-Эфенди, вѣжливое, но сухое, перечисляло новыя требованія Россіи для возстановленія дипломатическихъ сношеній.

Впрочемъ, въ Вѣнѣ этимъ не тревожились, находя, что требованія были незначительны, и только два пункта, касавшіеся княжествъ и мореплаванія, заслуживали полнаго вниманія. Дѣйствительно, изъ Константинополя пришли благопріятныя извѣстія: Рейсъ-Эфенди пѣлъ хвалебную пѣснь миролюбію Александра и превозносилъ до небесъ Метерниха, благодаря талантамъ котораго были отстранены затрудненія. Болѣе всего Порта была довольна тѣмъ, что Россія не отстраняла переговоровъ объ азіятскихъ владѣніяхъ, а хотѣла только выждать отъѣзда русской миссіи; и въ Вѣнѣ дѣлали все, чтобы поддержать въ Портѣ это радостное настроеніе. Особенно налегли на условія судоходства, съ которымъ связаны матеріальные интересы, и старанія эти возымѣли успѣхъ; въ Августѣ 1823 года Порта высказала готовность вознаградить убытки Россіи и предоставить судамъ всѣхъ державъ свободное плаваніе. Чтобы вполнѣ сгладить всѣ несогласія, Метернихъ чрезъ Лебцельтерна предложилъ въ Петербургѣ, при переговорахъ съ Портою, исключить вопросъ о греческомъ возстаніи, оставляя его открытымъ для будущаго. Разрывъ съ Портою австрійскій министръ считалъ концемъ священнаго союза и поэтому избѣгалъ говорить о возстаніи. Въ пер-

вой половинѣ Сентября прибыла въ Вѣну депеша Нессельроде, которая вполнѣ одобряла австрійскій взглядъ: императоръ Александръ принялъ раздѣленіе русскаго вопроса отъ греческаго; вслѣдствіе этого послѣдовательная серія русскихъ требованій была принята и рѣшена мирнымъ образомъ.

Въ концѣ Сентября состоялось свиданіе царя съ императоромъ Францомъ въ Черновицахъ, и подробная депеша Странгфорда о ходѣ переговоровъ была переслана Метернихомъ Александру въ столицу Буковины. Самъ канцлеръ, прикованный болѣзнью въ Лембергѣ, не могъ присутствовать при свиданіи императоровъ; поэтому Нессельроде отправился къ больному министру, чтобы условиться насчетъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Греческій вопросъ также обсуждался между ними, и оба министра были одинаковаго мнѣнія, что рано или поздно дѣло это потребуетъ вмѣшательства европейскихъ державъ, и что сама Порта придетъ къ тому-же заключенію. Метернихъ былъ очень доволенъ результатами: „Все сдѣлано для поддержанія мира“, писалъ онъ Гентцу 8 Ноября, „и честь этого должна быть приписана царю, сдержавшему слово, данное имъ австрійскому министру. Правда, царь настаиваетъ на полномъ очищеніи княжествъ, требуя того безусловно; но можно съ увѣренностью разсчитывать на уступчивость Порты, особенно въ виду угрозъ Россіи, отсрочить возобновленіе дипломатическихъ сношеній, ежели въ теченіи восьми дней княжества не будутъ очищены. Посылка Минцаки консуломъ въ Константинополь рѣшена; много значитъ, ежели хотя одинъ русскій появится на Босфорѣ. Дѣло совершенно покончено и разногласія между Россіей и Портой вполнѣ устранены“.

Для Метерниха весь вопросъ сводился къ тому, чтобы Россія не отдѣлялась отъ союза; все остальное было второстепеннымъ. Отсутствіе филлеленскихъ стремленій въ Александрѣ высказалось въ слѣдующей его фразѣ: „Греки,

благодаря выказаннымъ ими свойствамъ, внушаютъ мало симпатій, и я самъ желаю туркамъ побѣды. Греческій вопросъ принадлежитъ не Россіи, а Европѣ; къ тому же я никогда отдѣльно не обращу оружія противъ Турціи, и только когда союзники признаютъ, что наступила минута изгнать турокъ изъ Европы, я окажу этому свое содѣйствіе".

Австрійскій канцлеръ былъ убѣжденъ, что такого соглашенія никогда не состоится. „Пусть ведутъ переговоры, дѣлаютъ теоретическія соображенія и составляютъ планы", говорилъ онъ; „все это ничему не мѣшаетъ и удовлетворяетъ повстанцевъ, Порту и европейскія державы".

Едва окончились лембергскіе переговоры, какъ русскіе были уже готовы со своими греческими примирительными планами: новый 1824 годъ принесъ русскую меморію отъ 9 Января. Назначая Рибопьера посланникомъ въ Константинополь, петербургскій кабинетъ требовалъ заступничества державъ въ пользу грековъ и отвергалъ систему, которой хотѣли держаться относительно Порты. Такъ какъ турки никогда не предоставятъ грекамъ независимости, а греки ни за что не вернутся къ прежнему состоянію, бывшему до возстанія, то оставалось одно лишь средство къ разрѣшенію вопроса, а именно: Державы должны потребовать учрежденія трехъ княжествъ: Восточной Греціи, составленной изъ Θесаліи, Беотіи и Аттики; Западной Греціи, заключающей Эпиръ и Акарнанію, и Южной Греціи, содержащей Морею и, можетъ быть, Кандію. На островахъ Архипелага можно будетъ ввести муниципальное управленіе. Вновь созданныя княжества должны оставаться подъ верховною властью Порты и платить ежегодную дань. Мѣста и должности въ княжествахъ должны занимать мѣстные уроженцы; свобода торговли и собственный судъ будутъ имъ предоставлены; Порта сохранитъ право занимать нѣкоторыя крѣпости. Особыя постановленія о назначеніи князей и продолжительности ихъ управленія, о податяхъ

и т. п. будутъ составлены по образу того, какъ въ 1812 году было установлено для сербовъ. Поручительницами будутъ всѣ союзныя державы, или тѣ, которыя пожелаютъ того.

Русскій меморандумъ произвелъ удручающее впечатлѣніе въ Вѣнѣ; Гентцъ даже нѣсколько недѣль не могъ опомниться. Въ концѣ Апрѣля 1824 года онъ писалъ Оттенфельсу: „Порта выказала-бы свое ничтожество, принявъ эти предложенія; но если-бы Порта и опустилась до такой степени, то можно-ли думать, чтобъ греки приняли конституцію, которая и въ сущности, и въ формѣ заклеймитъ ихъ подданствомъ и данью. Въ этомъ проэктѣ лежитъ основаніе всего будущаго зла; ежели Порта отклонитъ русскія предложенія, то предстоитъ разрывъ и вѣроятная война. Только опасеніе Англіи можетъ удержать мечъ царя".

Въ то время соглашенія Англіи съ Россіей еще не было въ виду, хотя Гентцъ давно чуялъ возможность его и хорошо понималъ его обширныя послѣдствія. Положеніе Австріи при этой возможной комбинаціи становилось бы довольно затруднительнымъ; на связи съ Россіей была построена политическая система Метерниха; для него было аксіомой, что безъ поддержки русскаго кабинета Австрія сдѣлается безсильною. Онъ не допускалъ мысли идти рука объ руку съ Англіей противъ Россіи; а идя за-одно съ нею, приходили къ разрушенію Порты, ко всеобщей войнѣ и, что хуже всего, къ пробужденію всѣхъ революціонныхъ силъ въ Европѣ.

Политическіе друзья Каннинга были также въ волненіи: англійскій премьеръ высказывалъ, что въ русской памятной запискѣ заключается драгоцѣнный матеріалъ, и въ теоріи онъ какъ-бы одобрялъ эти взгляды, но самъ работалъ надъ измѣненіемъ ихъ, чтобы доставить Англіи вліяніе въ Греціи, въ ущербъ Россіи. Что касается Австріи, то въ Вѣнѣ были-бы счастливы, если-бъ Портѣ удалось

нѣсколькими удачными ударами подорвать возстаніе, сдѣлавъ всякія конференціи безцѣльными.

Русскій кабинетъ предложеніемъ конференціи надѣялся согласить мнѣнія всѣхъ державъ и даже самой Порты; но случилось противное: ни греки, ни турки не радовались русскимъ предложеніямъ. Ежели доселѣ греки чаяли спасенія отъ Россіи, разсчитывая на сильное вліяніе петербургскаго кабинета, то съ появленіемъ предложенія надежды ихъ погасли и взоры обратились къ Англіи, которая, признавъ независимость испанскихъ колоній въ Америкѣ, конечно, будетъ дѣйствовать въ томъ-же духѣ и относительно Греціи.

Отъ Порты нельзя было ожидать, чтобы она съ удовольствіемъ приняла вмѣшательство державъ. Съ самой осени прошлаго года, Оттенфельсъ и Странгфордъ дѣлали всѣ усилія, чтобы убѣдить турецкихъ министровъ вполнѣ очистить Дунайскія княжества. Англійскому представителю удалось сломить ихъ сопротивленіе обѣщаніемъ, что это есть послѣднее условіе царя для возстановленія дипломатическихъ сношеній, и въ правительственныхъ сферахъ Турціи смотрѣли съ надеждою на будущее; поэтому впечатлѣніе на Порту было самое дурное. Еще за мѣсяцъ до того въ одной изъ парижскихъ газетъ появилось извлеченіе изъ русской меморіи и оно неблагопріятно отозвалось въ Константинополѣ: въ разговорѣ съ австрійскимъ драгоманомъ Рейсъ-Эфенди выразился такъ:

„Вотъ заговорили о предоставленіи почти независимаго положенія инсургентамъ въ такое время, когда турецкому оружію удалось взять верхъ и явилась увѣренность окончательно усмирить возмущеніе. Нѣтъ! Порта никогда не согласится подписать свой смертный приговоръ“.

Конференція, собравшаяся въ Іюнѣ въ Петербургѣ, не привела ни къ какимъ результатамъ, потому что не всѣ представители были снабжены инструкціями. Затѣмъ из-

вѣстились, что Канингъ предложилъ Странгфорду воздержаться отъ соглашенія съ петербургскимъ кабинетомъ и представителями державъ, на счетъ умиротворенія. Происшедшая отъ того проволочка была на руку Австріи: чѣмъ позже предъявили-бы Портѣ составленныя требованія, тѣмъ было лучше; можетъ быть турецкимъ войскамъ удалось-бы нанести окончательный ударъ возстанію.

Въ Константинополѣ имѣли нѣкоторое предчувствіе о новомъ фазисѣ, который подготовлялся: пріѣздъ Рибопьера замедлился и турецкіе министры догадывались, что это было въ зависимости отъ русскихъ плановъ на Грецію. Выраженія Рейсъ-Эфенди были категоричны; онъ съ негодованіемъ отказался отъ всякаго посредничества, и Гентцъ дрожалъ за ту минуту, когда вопросъ этотъ будетъ оффиціально поставленъ, тѣмъ болѣе, что уже одно разоблаченіе русской меморіи повлекло за собою непріятныя послѣдствія: великій визирь Галибъ былъ смѣщенъ, очищеніе Валахіи замедлилось, Сандъ-Эфенди высказывалъ жалобы на Россію и Англію, говорилъ неблагопріятно о Франціи и Пруссіи и выражалъ надежду, что единственный другъ Порты — Австрія не будетъ вторить предложеніямъ, ведущимъ къ униженію и распаденію Турціи.

Но еще непріятнѣе были извѣстія съ театра войны; надежды Австріи не оправдались: турецкій флотъ еще разъ потерпѣлъ пораженіе, а операціи ихъ сухопутныхъ войскъ не удались. Предложеніе, развитое въ русской меморіи объ административной независимости Греціи, сдѣлалось несостоятельнымъ, прежде чѣмъ державы сошлись въ мнѣніяхъ хотя бы на одномъ пунктѣ; послѣ успѣховъ, одержанныхъ греками, нельзя уже было дѣлать предложеній въ какой бы то ни было формѣ оставаться въ подданствѣ Турціи; и ни одна держава, а тѣмъ болѣе Россія не приняли-бы на себя обязанность привести къ покорности возставшихъ грековъ.

Конференція, прерванная въ Іюнѣ, должна была возобновиться въ Февралѣ 1825 года; но Англія отказалась принять въ ней участіе. Въ концѣ Декабря предыдущаго года Каннингъ поручилъ Странгфорду объявить князю Меттерниху, что его инструкціи не позволяютъ ему быть даже безгласнымъ свидѣтелемъ переговоровъ и его путешествіе въ Петербургъ имѣетъ лишь цѣлью сообщить русскому кабинету о положеніи, которое намѣрена принять Англія и посовѣтовать отсрочку совѣщаній[1]). Старанія Меттерниха привлечь Каннинга на сторону своихъ воззрѣній, чтобы за-одно дѣйствовать въ Петербургѣ, не удались; самъ-же канцлеръ уклонился раздѣлить взгляды Англіи, хотя мало разсчитывалъ на успѣхъ конференціи.

Нельзя не сознаться, что въ греческомъ вопросѣ со стороны Австріи была сдѣлана ошибка: именно потому, что въ Петербургѣ выказывали мало сочувствія къ самостоятельности Греціи, было-бы политически благоразумно со стороны канцлера отстаивать ее. Если-бы Австрія написала на своемъ знамени независимость Греціи, то это принесло бы ей величайшую выгоду, не только потому, что она заявила-бы самостоятельную восточную политику, которая въ дальнѣйшемъ ходѣ привела-бы къ замѣнѣ русскаго вліянія австрійскимъ на югѣ Дуная, но и матеріальные интересы Австріи получили-бы новый благотворный толчокъ. Гентцъ боялся, чтобы военныя удачи грековъ не заставили державы признать независимость Греціи за неизбѣжное зло и приговорить Турцію къ смерти. Меттернихъ раздѣлялъ взгляды своего наперсника: низложеніе инсурреккціи было и осталось краеугольнымъ камнемъ его политическаго воззрѣнія. Въ предыдущемъ году, когда открылась конференція, князь Меттернихъ относился съ насмѣшкой къ Странгфорду, который не могъ понять готовности Ав-

[1]) Меттернихъ Оттенфельсу 6 Января 1825. Въ оставленныхъ запискахъ.

стріи принять въ ней участіе; онъ не раскусилъ того, что въ Вѣнѣ показывали видъ, будто поддерживаютъ петербургскій планъ, для того лишь, чтобы положить конецъ нелѣпому вопросу.

Желая узнать истинныя намѣренія Россіи, Лебцельтернъ, по совѣту Метерниха, въ началѣ конференціи бросилъ мысль о признаніи независимости Греціи. Казалось, что Нессельроде былъ этимъ озадаченъ и формулировалъ желанія русскаго кабинета въ такомъ смыслѣ, что у султана не отнимается верховная власть надъ греками, но имъ будетъ предоставлена административная независимость.

На совѣщаніи 24 Февраля, графъ Нессельроде развилъ предложеніе Россіи въ слѣдующемъ видѣ: отъ лица четырехъ министровъ пригласить Порту договориться объ умиротвореніи Греціи, давъ понять, что Порта не достигнетъ этой цѣли силою, что державы не могутъ долѣе выносить войны, и что пока она продолжается, Россія не возобновитъ съ Турціей истинно дружескихъ сношеній. При посредствѣ державъ, между турками и греками должны завязаться переговоры, и этимъ послѣднимъ въ тоже время дано будетъ знать о намѣреніи державъ дать имъ полную административную независимость, свободу вѣры и торговли, подъ условіемъ уплаты небольшой дани и признанія верховенства Порты.

Предложенія Россіи вызвали пренія и представители конференціи сошлись на томъ, что ежели въ Константинополѣ примутъ добрыя услуги державъ, то слѣдуетъ требовать перемирія; если же Порта отвергнетъ вмѣшательство, тогда посланники заговорятъ строже.

Подъ впечатлѣніемъ депешъ, полученныхъ въ Вѣнѣ о постановленіяхъ конференціи, Гентцъ выразился слѣдующимъ образомъ: „Нельзя безъ чувства стыда и негодованія смотрѣть на жалкія дѣйствія русскаго кабинета; неизлечимая кривизна его воззрѣній, вмѣстѣ съ его моральною

и умственною слабостью, составляютъ странный контрастъ съ напыщенностью его притязаній и скрытнымъ неудовольствіемъ противъ всякаго, кто не раздѣляетъ его грубыхъ разсужденій. Этотъ дворъ, постоянно ратующій противъ невѣжества и глупости турокъ, самъ по крайней мѣрѣ такъ же несвѣдущъ, бродитъ въ темнотѣ и резонируетъ, какъ султанъ Махмудъ".

Донесенія Лебцельтерна получены были въ Вѣнѣ въ то время, когда Метернихъ находился въ Парижѣ и между канцлеромъ и „чистой партіей" французскаго министерства царствовало полное согласіе, сулившее богатыя послѣдствія. Король высказывалъ ему многократно, что императоръ Францъ, какъ представитель здраваго элемента въ Европѣ, долженъ указывать всѣмъ державамъ ихъ обязанности, а этимъ слѣдуетъ съ полнымъ довѣріемъ присоединиться къ политикѣ Австріи, которая въ тяжелыя времена выказала честность и вѣрность.

Англійскій король также приглашалъ Метерниха прибыть въ Лондонъ, но этотъ счелъ свой пріѣздъ туда неудобнымъ и, желая нанести сильный ударъ англійскому министерству, отвѣчалъ королю, что появленіе австрійскаго министра въ Англіи сдѣлалось невозможнымъ.

Хотя Метернихъ былъ недоволенъ петербургскою конференціею, но окончательный результатъ ея порадовалъ его: если въ Константинополѣ не отвѣтятъ рѣшительнымъ отказомъ на предложеніе посредничества, то снова выиграется время и возможно, что въ этотъ промежутокъ греческое возстаніе будетъ сломано. Съ нѣкотораго времени Прокешъ-Остенъ въ своихъ письмахъ обрисовывалъ грековъ жалкими оборванцами, которыхъ достаточно было видѣть вблизи, чтобы убѣдиться, какъ мало могутъ они внушать опасеній. Кромѣ того, по всѣмъ вѣроятіямъ казалось, что египетскимъ войскамъ удастся въ нѣсколько мѣсяцевъ завоевать Морею.

Порта дала державамъ уклончивый отвѣтъ. „Мы знаемъ, къ чему насъ приведутъ добрыя услуги,“ говорилъ Рейсъ-Эфенди австрійскому и французскому драгоманамъ; „Россія ищетъ своихъ выгодъ и стремится провести свои честолюбивые планы тѣмъ или другимъ путемъ, и это въ порядкѣ вещей; но чего добиваются Австрія, Франція и Пруссія, содѣйствуя разрушенію турецкой имперіи, этого мы понять не можемъ“.

Отказъ непріятно подѣйствовалъ на австрійскихъ министровъ; Метернихъ сознавалъ, что со стороны Россіи не ограничатся угрозами. „Россія“, писалъ онъ изъ Парижа Гентцу, „хочетъ вмѣшательства подъ поручительствомъ союзниковъ, въ родѣ такого, какое было сдѣлано Австріей и Франціей въ Италіи и Испаніи; она, конечно, это выскажетъ и предсѣдательствуй она на конференціи, то сама-бы подняла объ этомъ вопросъ, такъ какъ въ ней перепутаны всѣ здравыя понятія“. Въ этомъ случаѣ князь предлагалъ принять слѣдующія основанія:

Россія должна гарантировать, что ни подъ какимъ предлогомъ не возбудитъ вопроса о завоеваніи, что она не потребуетъ вознагражденія за военные расходы, что торговля нейтральныхъ державъ не встрѣтитъ затрудненій и что Порта не лишится ни одного изъ своихъ верховныхъ правъ.

Вообще канцлеръ былъ недоволенъ. „Съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ свѣтъ“, говорилъ онъ, „не было еще дѣла хуже. Если-бы претензія явилась со стороны незначительнаго государства, то можно было бы посмѣяться и дать ему урокъ; но когда такой колоссъ, какъ Россія, не знаетъ, чего хочетъ, и все-таки начнетъ шевелиться, то вся политика закружится вихремъ“. Съ полною надеждою разсчитывалъ онъ на поддержку французскаго кабинета, для предоставленія Россіи инціативы въ дальнѣйшихъ предложеніяхъ на конференціи, чтобы весь грузъ возложить на

плечи кабинета, который не знаетъ, чего хочетъ, и заставить его одуматься.

Изъ Греціи вѣсти были превосходны; Метернихъ видѣлъ, что въ Августѣ 1825 года дѣла примутъ рѣшительный оборотъ. Ибрагимъ-паша овладѣлъ Мореей, и ожидали вскорѣ услышать, что египетскія войска придвинутся къ Наплін и, встрѣтивъ тамъ флотъ Капудана-паши, подавятъ возстаніе. Либералы всей Европы подняли крики противъ ужасовъ, совершавшихся въ Греціи. „Всякое зло несетъ свое наказаніе“, замѣчалъ довольный Метернихъ; „адскіе крики достигнутъ ушей императора Александра и онъ будетъ испуганъ“.

Твердая увѣренность князя дѣлала на его сотрудника большое впечатлѣніе и его опасенія, что Россія рѣшится идти самостоятельнымъ путемъ, были успокоены. Греческое правительство въ Наплін издало декретъ, которымъ Греція отдавалась подъ покровительство Англіи. По мнѣнію Метерниха, это отстраняло всѣ опасенія отдѣльнаго воздѣйствія Россіи на Порту.

Кончина императора Александра, послѣдовавшая осенью 1825 года, была жестокимъ ударомъ для политическихъ разсчетовъ Метерниха. Что при жизни этого государя Россія не предприметъ рѣшительныхъ дѣйствій, это можно было заключать по опыту послѣднихъ пяти лѣтъ, хотя извѣстно было, что многіе голоса въ Россіи раздавались въ пользу дѣятельнаго вмѣшательства. Чрезвычайно сдержанныя, хотя и въ дружеской формѣ, отношенія Нессельроде къ Лебцельтерну, иногда смущали послѣдняго, но это впечатлѣніе снова пропадало при мирныхъ обстоятельствахъ. О сближеніи Россіи съ Англіей, состоявшемся осенью 1825 года, Метернихъ не имѣлъ никакого предчувствія. Александръ цѣпко держался континентальнаго союза и ему тяжело было оторваться отъ многолѣтней системы; но медлительная политика австрійскаго кабинета

проложила дорогу противникамъ и царь пришелъ къ убѣжденію, что только соглашеніе съ Великобританіей выведетъ Россію изъ ея ложнаго положенія.

Отъ его наслѣдника Константина Метернихъ ожидалъ полнаго единодушія съ политикой, которой держалась Австрія, такъ какъ нѣкоторыя выраженія давали основаніе думать, что Константинъ въ восточномъ вопросѣ благопріятенъ австрійскимъ воззрѣніямъ [1]). Расположенный къ союзу съ Австріей, пренебрегалъ онъ англичанами, ненавидѣлъ французовъ и осуждалъ пруссаковъ, склонныхъ къ революціоннымъ мечтамъ. Объ Николаѣ, на котораго доселѣ дипломаты мало обращали вниманія, ничего не знали, въ особенности на счетъ его взглядовъ по живымъ вопросамъ дня, и потому истощались въ предположеніяхъ. Во время своихъ поѣздокъ въ Берлинъ, Николай посѣщалъ преимущественно кружки своего семейства, которые были извѣстны любовью къ грекамъ, и это вызывало насмѣшки Метерниха. Будетъ-ли Николай имѣть достаточно силы духа, чтобы видѣть благо Россіи въ поддержаніи мира? Будетъ-ли онъ такъ-же благоразумно относиться къ представленіямъ державъ, какъ это дѣлалъ Александръ въ свои лучшіе годы царствованія?

За Лондономъ наблюдали, чтобы ориентироваться въ дѣйствіяхъ Каннинга, и конечно, вѣнскому канцлеру многаго стоило признаться, что центръ тяжести всего восточнаго кризиса перемѣстился изъ Вѣны въ Лондонъ и зависитъ отъ ненавистнаго министра.

Нѣкоторые признаки свидѣтельствовали, что у англійскаго премьера какъ бы послѣдовало измѣненіе взглядовъ: Странгфордъ, представитель Англіи въ Петербургѣ, дѣлалъ тамъ безъ его вѣдома и согласія предложенія для улаженія восточнаго вопроса, которыя на столько соотвѣт-

[1]) Мнѣніе Метерниха о Константинѣ, высказанное Оттенфельсу 18 Декабря 1825 года въ депешѣ. Неизданныя депеши, Т. III, стр. 59.

ствовали австрійскимъ намѣреніямъ, что изъ Вѣны поспѣшили сдѣлать имъ горячую поддержку. Посылка Веллингтона для привѣтствованія новаго царя съ восшествіемъ на престолъ, казалось, подтверждала, что поворотъ канинговской политики есть совершившійся фактъ; хотя съ другой стороны извѣстились, что Странгфордъ-Коннингъ при своей поѣздкѣ въ Константинополь вступилъ въ сношеніе съ нѣкоторыми вожаками греческаго возстанія, что представляло явное противорѣчіе. Пока отъ Веллингтона можно было съ увѣренностью ожидать, что на взгляды русскаго самодержца онъ будетъ дѣйствовать въ духѣ умѣренности, благопріятномъ для мира, и прижметъ къ стѣнѣ всѣхъ, ратующихъ за войну.

Первыя распоряженія новаго императора возбудили надежды; его поведеніе во время военнаго смущенія вызвало въ Метернихѣ восхищеніе, а манифестъ 14 Декабря заслужилъ полное его одобреніе. Татищевъ передалъ увѣренія, что Николай ничего болѣе не желаетъ, какъ укрѣпить искренній союзъ между обоими императорскими дворами, а присылка Рибопьера въ Вѣну съ извѣщеніемъ о возшествіи на престолъ придала ему новую силу. Русскому послу, заявившему о своемъ полномъ незнаніи хода политическихъ переговоровъ по восточному вопросу, Меттернихъ далъ разъясненія, согласно своимъ взглядамъ.

Съ увѣренностью разсчитывали, что русскій царь будетъ слушать совѣты австрійскихъ государственныхъ дѣятелей. Первыя донесенія изъ Петербурга были благопріятны; Николай занялся внутренними реформами: сокращеніе числа войска, бывшаго въ несоразмѣрности съ государственными доходами, упрощеніе администраціи, измѣненіе системы обученія составляли важнѣйшіе пункты императорской программы. Въ своихъ разговорахъ съ эрцгерцогомъ Фердинандомъ фонъ Эсте, который имѣлъ въ Петербургѣ ту же миссію, что и Веллингтонъ, Николай выражался въ

мирномъ духѣ; и когда однажды онъ высказалъ, что намѣренъ во что бы то ни стало сбросить съ шеи восточный вопросъ, то въ Вѣнѣ слова эти были истолкованы въ томъ смыслѣ, что онъ желаетъ весь отдаться внутреннымъ дѣламъ.

„Нѣтъ, я ихъ зову не греками, а бунтовщиками“, говорилъ Николай эрцгерцогу, „а такимъ я никогда не дамъ поддержки, и не имѣю на то права“. Эти слова нашли у Метерниха и Гентца такое сочувствіе, что они придали мало значенія слѣдующимъ заключительнымъ словамъ: „Но между Портою и мною существуютъ затрудненія другаго рода, и эти развяжу я одинъ, такъ какъ знаю, что императоръ австрійскій ни въ какомъ случаѣ не употребитъ противъ турокъ насилія. Ежели дойдетъ до разрыва, то я не впутаю греческихъ дѣлъ въ свои“.

Въ подобномъ-же духѣ выразился и Нессельроде: „Не мѣшайте намъ“, говорилъ онъ дипломатамъ, „вы будете нами довольны и окончательно одобрите насъ“. Эти слова были загадочны и мало что объясняли, заключая въ себѣ многое; поэтому пришли къ убѣжденію, что тутъ кроется угроза, которою хотѣли подѣйствовать на Порту. Эрцгерцогъ Фердинандъ принялъ слова царя за чистую монету; и когда нѣкоторые изъ приближенныхъ высказали недовѣріе, то онъ принялъ это за оскорбленіе Николаю. Но графъ Кламъ, находившійся въ свитѣ принца, не могъ подавить своихъ сомнѣній, и въ то время, какъ прямота и откровенность царя дѣйствовали внушительно на прочихъ, онъ не могъ защититься, чтобы не найти въ немъ глубокаго стремленія къ притворству и фальши.

Общее благопріятное впечатлѣніе относительно Николая не измѣнилось, когда въ первой половинѣ Апрѣля стали извѣстны требованія, которыя поручено было Минцаки предъявить Портѣ. Это былъ родъ ультиматума, по-

сланнаго Николаемъ въ Константинополь безъ вѣдома представителей державъ. Онъ заключался въ трехъ пунктахъ: немедленное освобожденіе сербскихъ депутатовъ, добросовѣстное исполненіе восьмаго пункта Букарестскаго договора, и отправка турецкихъ уполномоченныхъ на границу для возобновленія переговоровъ 1816 года. Объ грекахъ ни слова; ясно было, что Николай стремился къ миру и возмутился-бы противъ уклончиваго отвѣта Порты. Если бы онъ желалъ войны, то не прошелъ бы молчаніемъ греческаго вопроса. Никто не подозрѣвалъ, что этотъ шагъ былъ разсчитанъ на то, чтобы сначала покончить русско-турецкія несогласія, и потомъ сильнѣе налечь на греческій вопросъ; на подобныя ухищренія Николая не считали способнымъ.

„Рѣшеніе русскаго императора“, писалъ Гентцъ Оттенфельсу, „не вмѣшиваться въ греческія дѣла, есть такое событіе, за которое турки должны бы въ мечетяхъ воспѣвать гимны“. Убѣдившись, что не предстоитъ непосредственнаго вмѣшательства Россіи во внутреннія дѣла Порты, Метернихъ усиленно воззвалъ къ уступчивости турецкихъ министровъ, убѣждая ихъ удовлетворить Николая.

Оттенфельсъ, однако, излагалъ свои донесенія въ Вѣну въ мрачныхъ краскахъ; ему казалось подозрительнымъ, что русскій императоръ хочетъ вести переговоры безъ посредства державъ. „Это не обѣщаетъ добра въ будущемъ; отстраненіе греческаго вопроса, конечно, упрощаетъ на время дѣло; но Англіи предоставляется полная свобода давить Порту изъ-за Греціи. Обѣ державы какъ-бы подѣлили между собою роли и безъ всякаго соглашенія поддерживаютъ другъ друга“.

Но Метернихъ не раздѣлялъ этихъ грустныхъ мыслей. „Прежняя Россія“, отвѣчалъ онъ, „не существуетъ, Николай призванъ искать новую. Онъ принялъ великое рѣшеніе въ жгучемъ вопросѣ дня, и если-бы Александръ пять

лѣтъ тому назадъ повелъ такъ дѣло, какъ его нынѣшній наслѣдникъ, злополучный восточный вопросъ былъ бы устраненъ, и грекамъ чрезъ то оказана большая услуга".

4 Мая было для интернунція праздникомъ: Порта приняла ультиматумъ и это рѣшеніе онъ приписывалъ впечатлѣнію, произведенному наставленіями Метерниха. „Австрія склонила вѣсы въ пользу мира", писалъ онъ въ Вѣну, „какой тріумфъ нашему уважаемому князю!" Самый тягостный пунктъ русскихъ требованій, освобожденіе депутатовъ, Порта исполнила безъ замедленій. Въ Вѣнѣ тѣшились убѣжденіемъ, что единственно Австрія содѣйствовала окончанію русско-турецкаго несогласія; и можно-ли было сомнѣваться въ томъ, что австрійскія настоянія рѣшили дѣло, послѣ того, какъ Саидъ-Эфенди высказалъ австрійскому драгоману Теста: „съ той минуты, какъ говоритъ нашъ лучшій другъ Австрія, рѣшеніе Порты не можетъ подлежать сомнѣнію".

Ликованіе въ Вѣнѣ было, однако, не продолжительно. О переговорахъ въ Петербургѣ между Веллингтономъ, Ливеномъ и Нессельроде въ дипломатическомъ мірѣ не имѣли подозрѣнія, а между тѣмъ 4 Апрѣля они были скрѣплены протоколомъ. Обѣ державы обязывалнсь взять въ свои руки посредничество въ распрѣ турокъ съ греками. Примиреніе должно было состояться на слѣдующихъ основаніяхъ: верховное владычество Порты; опредѣленіе разъ на всегда умѣренной дани; оцѣнка турецкихъ землевладѣній въ Морее и на островахъ и передача ихъ грекамъ за денежное вознагражденіе; избраніе администраціи исключительно изъ грековъ; свобода религіи и торговли и независимое управленіе.

Это было жестокимъ ударомъ для австрійскихъ дипломатовъ, когда свѣдѣніе объ „этой плачевной работѣ" достигло Вѣны. „Царь столь сильный, столь слабъ", говорилъ Метернихъ; „его правильная политика измѣнилась".

Непростительное оскорбленіе союза, какъ политическое преступленіе, совершенное противъ Австріи, тяжело легло на душу князя канцлера.

Апрѣльскій протоколъ и въ Константинополѣ произвелъ удручающее впечатлѣніе. Турецкіе министры выказали уступчивость, чтобы развязать себѣ руки относительно грековъ, какъ то давали имъ понять австрійцы, и вдругъ появляется призракъ англо-русскаго посредничества; значитъ, Странгфордъ-Коннингъ былъ правъ, когда высказывалъ мусульманамъ, что Россія не покинетъ грековъ. Теперь явились подозрѣнія, не вызываютъ-ли нарочно волненія въ Турціи, чтобы не дать ей возродиться.

Все вниманіе обратилось на донесенія, получившіяся изъ Петербурга. Когда Лебцельтернъ поздравлялъ царя съ успѣхомъ, одержаннымъ имъ въ Константинополѣ, этотъ высказался въ духѣ, устранявшемъ всякую мысль о войнѣ. „Откровенно признаюсь вамъ“, говорилъ царь, „я мало былъ посвященъ въ политическія дѣла при своемъ вступленіи на престолъ, и вы можете представить себѣ, чего мнѣ стоило ознакомиться даже съ дѣлами, исключительно касавшимися Россіи. Голова моя трудно поддается ученью, но за то она свободна отъ иллюзій. Переговоры велъ я такъ, какъ высказался объ этомъ эрцгерцогу и русскіе вопросы покончилъ; я обязанъ былъ сдѣлать это для народа, для своей чести и для памяти моего брата. Если-бы Порта не уступила, я былъ-бы принужденъ занять Дунайскія княжества; благодарю Провидѣніе, что не ошибся въ своихъ разсчетахъ“.

Въ половинѣ Іюня русскіе уполномоченные выѣхали изъ Петербурга, чтобы отправиться въ небольшое пограничное мѣстечко Аккерманъ. Порта, безспорно согласившаяся на вступленіе въ переговоры съ Россіей, отсрочила отъѣздъ своихъ посланныхъ, послѣ того, какъ темные

слухи о воинственныхъ инструкціяхъ, данныхъ Воронцову и Рибопьеру, достигли Константинополя. Усиленныя представленія интернунція успокоили, однако, Порту.

Метернихъ ожидалъ отъ переговоровъ разрыва англо-русской дружбы; по его мнѣнію, Россія и Турція имѣли общіе интересы для поддержанія мира, и, если-бы онѣ сошлись, то англійское посредничество не имѣло-бы значенія, потому что предводители грековъ, хотя и несогласные между собою, стремились лишь къ независимости, которую ни Россія, ни Англія не допускали, а народъ жаждалъ мира и готовъ былъ покориться, если-бы только представился благопріятный случай договориться съ турками.

Только по одному пункту явилось предположеніе, что при переговорахъ Россіи съ Турціей возникнутъ затрудненія: въ вопросѣ объ азіатскихъ крѣпостяхъ. Метернихъ зналъ о рѣшимости русскаго кабинета не уступать въ этомъ вопросѣ, но полагая, что русскіе уполномоченные не упомянутъ объ немъ, убѣждалъ Порту пройти молчаніемъ спорный пунктъ. Канцлеръ, однако, ошибался; русскіе возбудили пренія, заявивъ, что нечего и думать о возвратѣ мѣстности, уже двадцать лѣтъ находящейся подъ русскою властью, и что Порта должна отказаться отъ Анакреи, Сухумъ-Кале и всей области, занятой русскими; а когда турецкіе уполномоченные заявили, что не имѣютъ полномочій на эту уступку, Воронцовъ предъявилъ ультиматумъ и требовалъ безусловнаго принятія его до 7 Октября.

„Насъ приглашали для переговоровъ“, замѣтилъ меланхолически Рейсъ-Эфенди, „а послѣ трехъ незначительныхъ совѣщаній ставятъ ультиматумъ на остріе меча; право, это особый способъ переговариваться. Россія не совѣщается, но просто предписываетъ условія“. Но всѣ представленія были напрасны; державы убѣждали Порту къ уступчивости, и она подписала.

Восточную политику князя Метерниха можно назвать

комедіей, съ заблужденіями и ошибками; казалось, все сговорилось, чтобы показывать ему вещи въ ложномъ свѣтѣ. Принцъ Гессенъ-Гомбургскій имѣлъ разговоръ съ Николаемъ, по заключенію Аккерманскаго договора. „Слава Богу“, воскликнулъ царь, „теперь у меня развязаны руки и я могу заниматься другими дѣлами“. Онъ заговорилъ объ управленіи, о войскѣ, высказалъ привязанность къ союзу и свое нерасположеніе къ Англіи. Что удивительнаго, что въ Вѣнѣ изрѣченія царя приняли за чистую монету и не вѣрили возможности войны съ Портою. Мнѣніе Метерниха объ императорѣ все становилось благопріятнѣе. „Николай хочетъ мира“, говорилъ канцлеръ; „это совѣтники его убѣдили принять протоколъ 4 Апрѣля; самъ-же онъ не обманывается въ моральномъ достоинствѣ Каннинга и апрѣльскій договоръ останется бумагою безъ значенія“. Въ этихъ словахъ заключается объясненіе, почему попытки англійскаго премьера привлечь Австрію и Пруссію къ содѣйствію для усмиренія Греціи, на основаніи протокола, были отклонены. Получивъ оффиціальное извѣщеніе о протоколѣ, Метернихъ поспѣшилъ сдѣлать по нѣкоторымъ пунктамъ замѣчанія, чтобы показать, какъ дѣло непрочно и незрѣло обдуманно. Онъ спрашивалъ, что именно Каннингъ подразумѣваетъ подъ терминомъ Грецію? Пелопонезъ и острова, или всѣ тѣ области европейской Турціи, въ которыхъ большинство населенія состоитъ изъ грековъ? Онъ находилъ, что всѣ воображенія равнозначущи изгнанію турокъ изъ Европы, но умалчивалъ о томъ, что слѣдовало-бы предпринять, довольствуясь намекомъ, что благодаря апрѣльскому протоколу, Австрія получила полную свободу дѣйствій, что австрійскій монархъ врагъ всякой хлопотливости и не станетъ завидовать, если что совершится безъ его участія, и что всѣ его желанія ограничиваются тѣмъ, чтобы зло было устранено. Не на Австріи лежитъ обязанность и забота давать совѣты, и она будетъ

спокойно выжидать сообщенія плана, который составитъ англійскій премьеръ.

Метернихъ былъ слишкомъ убѣжденъ, что Россія и Англія въ дальнѣйшемъ ходѣ останутся въ потемкахъ и споткнутся, не сойдясь въ мнѣніяхъ на счетъ предстоящихъ мѣръ. Самонадѣянность ввела его въ заблужденіе и онъ пропустилъ время, когда еще можно было принять нѣкоторыя мѣры. Старанія Канинга подвигнуть пять великихъ державъ къ дружному дѣйствію были парализированы Метернихомъ, который полагалъ, что Николай потребуетъ коллективнаго дѣйствія всѣхъ державъ. О согласіи, послѣдовавшемъ между Канингомъ и королемъ Франціи, онъ не имѣлъ свѣдѣній.

Англійскій премьеръ, пробывъ въ Парижѣ въ теченіи Сентября и Октября 1826 года, съ удовольствіемъ увидѣлъ готовность Франціи сговориться на счетъ предстоящихъ мѣръ, и это еще болѣе убѣдило Канинга въ необходимости скрѣпить союзъ съ Россіей. Во время его бытности въ Парижѣ пришло полное согласіе на предложенныя мѣры: Рибопьеръ долженъ былъ получить инструкціи идти съ Стратфордомъ въ Константинополѣ рука объ руку и требовать перемирія. Съ русской стороны было лишь прибавлено, что до начала посредничества Англія и Россія должны принять твердое рѣшеніе привести его въ исполненіе, и ежели требованія ихъ не будутъ исполнены, то дѣйствовать сообща далѣе. Хотя въ отвѣтѣ Канинга Ливену оффиціально придавалось большое значеніе содѣйствію прочихъ державъ, но въ секретной нотѣ было высказано, что отказъ прочихъ державъ отъ участія не воспрепятствуетъ приведенію въ исполненіе протокола.

22 Ноября 1826 года державамъ было сообщено содержаніе акта, которымъ обмѣнялись Ливенъ съ Канингомъ. Метернихъ до послѣдней минуты основывалъ свои надежды на Россію и старался повліять на личность царя, чтобы

разрушить предубѣжденіе, которое тотъ имѣлъ противъ него. Канцлеръ послалъ принцу Гессенъ-Гомбургскому, бывшему въ Петербургѣ, частное письмо, которое предполагалось показать царю; въ немъ Метернихъ высказывалъ, что Николай имѣетъ твердый характеръ, проницателенъ, безупреченъ въ своихъ правилахъ, но, къ сожалѣнію, до сего дня не нашелъ человѣка, который, служа ему поддержкой, былъ-бы въ то-же время сильнымъ выразителемъ его воли. Находя, что Николай полонъ личнаго довѣрія къ императору Францу, онъ, однако, питаетъ нерасположеніе къ его министру. Это объяснялось тѣмъ, что канцлеръ имѣетъ цѣлый легіонъ враговъ, состоящій изъ фантазеровъ, доктринеровъ и прожектеровъ, и чѣмъ тверже его точка зрѣнія, тѣмъ многочисленнѣе его противники. Но подходы Метерниха пришли слишкомъ поздно и, во всякомъ случаѣ, были-бы безплодны.

Получивъ въ Декабрѣ англо-русскій документъ, Метернихъ, какъ мы видѣли, ставя вопросы, осуждалъ весь планъ. На критическія замѣчанія канцлера, Канингъ отвѣтилъ въ духѣ, явно показывавшемъ, что ему желательно было содѣйствіе европейскихъ державъ и, въ особенности, Австріи. Англійскій премьеръ имѣлъ пока въ виду только Морею и острова, ставя въ зависимость отъ дальнѣйшаго хода событій расширеніе или уменьшеніе этихъ земель. Какъ кажется, онъ готовъ былъ на всякое соглашеніе, которое достигло-бы цѣли, причемъ ссылался на предложеніе, сдѣланное самой Австріей на конференціи 1825 года о независимости Греціи.

Въ двухъ отвѣтныхъ тождественныхъ нотахъ Татищеву и Велеслею вѣнскій кабинетъ высказывался противъ принудительныхъ мѣръ: Австрія никогда на нихъ не согласится, но тѣмъ не менѣе будетъ стараться объ окончательномъ прекращеніи распри. Императоръ Францъ не можетъ измѣнять своимъ правиламъ; какъ-бы искренно и

душевно не желалъ онъ успокоенія Греціи, никогда не прибѣгнетъ онъ къ средствамъ, противнымъ его совѣсти, и не покажетъ малодушной уступчивости предъ фантазерами и интриганами, никогда не посовѣтуетъ султану отказаться отъ своихъ верховныхъ правъ и принять посредничество между тропомъ и возмутившимися подданными.

Поддержка, которую обѣщалъ Метернихъ мирнымъ стремленіямъ, оказывалась такимъ образомъ фразою; онъ желалъ только полнаго фіаско англійскаго кабинета и укрѣплялъ Порту въ ея уклончивыхъ дѣйствіяхъ противъ Англіи, сообщая вмѣстѣ съ тѣмъ въ Константинополь всѣ извѣстія, говорившія въ пользу мирнаго настроенія царя. „Конечно, Англія и Россія имѣютъ въ виду экзекуціонныя мѣры, но онѣ падаютъ сами собою, потому что обѣ державы не могутъ согласиться между собою. Невозможно, чтобы Турція подчинилась подобнымъ унизительнымъ и невозможнымъ условіямъ“. [1])

Ничто не могло быть Портѣ пріятнѣе такихъ наставленій вѣнскаго кабинета. Гентцъ ручался головою, что Николай не принялъ-бы участія въ этомъ предпріятіи, если-бы, по несчастію, онъ не былъ связанъ протоколомъ. Только одинъ Нессельроде, это, когда-то излюбленное дитя Метерниха, только онъ одинъ удерживалъ царя отъ отступленія и несъ на себѣ отвѣтственность за отвратительный ходъ русской политики. Русскому посланнику Метернихъ высказалъ свою готовность избрать Лондонъ центромъ соглашенія, но заранѣе объявилъ рѣшеніе не связывать себѣ рукъ никакимъ договоромъ. Въ сущности онъ имѣлъ въ виду дать Портѣ время одержать нѣкоторые успѣхи на театрѣ войны, чтобы затѣмъ взять въ руки дѣло умиротворенія и парализировать дальнѣйшія дѣйствія союзниковъ. Косвеннымъ путемъ сообщено было въ Кон-

[1]) Депеши Гентца конца 1826 и начала 1827 годовъ.

стантинополь, что Австрія не подпишетъ договора и не присоединится къ петербургскому протоколу; что султанъ можетъ разсмотрѣть и рѣшить, подъ какими условіями онъ, безъ ущерба для Турціи, согласенъ будетъ дать амнистію бунтующимъ; что это должно быть основаніемъ его дѣйствій и средствомъ къ устраненію всякихъ проэктовъ перемирія.

Противопоставляя единодушію Россіи съ Англіей свое наружное равнодушіе, Метернихъ не могъ изгнать безпокойства на счетъ дальнѣйшихъ событій. Депеша Нессельроде къ Татищеву, излагавшая проэктъ предполагаемаго договора, съ предложеніемъ вѣнскому кабинету присоединиться къ нему, казалась доказательствомъ, что Россія придаетъ большое значеніе содѣйствію Австріи; а частное письмо Стратфорда къ Оттенфельсу указывало на недовѣріе Англіи къ Россіи. Все это, вмѣстѣ взятое, укрѣпило Метерниха въ его попыткѣ стать между двумя державами, чтобы разстроить ихъ единодушіе.

Успокоительныя объясненія, представленныя Татищевымъ австрійскому императору, произвели такое дѣйствіе, что Метернихъ 26 Марта 1827 года снабдилъ Эстергази инструкціями для принятія участія въ переговорахъ. Въ нихъ говорилось: „Прежде всего необходимо прекращеніе распри на Востокѣ, но въ способахъ къ достиженію этой цѣли существуетъ разница во взглядахъ державъ; поэтому надо предложить перемиріе, какъ только Порта выскажетъ согласіе на главныя условія“.

Метернихъ допускалъ угрозу перерыва дипломатическихъ сношеній съ Портою, но возражалъ противъ вступленія въ прямыя обязательства съ повстанцами, такъ какъ подобный шагъ былъ-бы принятъ въ Константинополѣ за враждебность и грозила опасность возстановить политическую независимость Греціи, тогда какъ мѣра эта не составляла цѣли державъ. Канцлеръ отвергалъ посылку

флота для перерыва сношеній войскъ Ибрагима съ Египтомъ; еще менѣе соглашался на возможность войны съ Портою, но въ этихъ границахъ изъявлялъ готовность вступить въ сдѣлку, и только выражалъ желаніе, чтобы она не называлась договоромъ, но протоколомъ или конвенціей.

Разрывъ былъ весьма возможенъ и это объясняетъ, почему Метернихъ далъ свое согласіе; но и тутъ его смущало опасеніе, что онъ зашелъ слишкомъ далеко въ своихъ уступкахъ; поэтому въ приложеніи къ инструкціи было выяснено, что если-бы угроза осталась безъ дѣйствія, то должно послѣдовать дальнѣйшее совѣщаніе державъ, при чемъ еще разъ подтверждалось, что Австрія сохраняетъ за собою свободу дѣйствій.

Только полное незнаніе, въ которомъ находился Метернихъ относительно согласія Петербурга съ Лондономъ, объясняетъ заблужденіе его, произвести впечатлѣніе подобными предложеніями. Онъ былъ убѣжденъ, что всѣ слухи и извѣстія о воинственномъ настроеніи царя ложны, и онъ не допускалъ возможности борьбы Россіи съ Портою. Онъ указывалъ на инструкціи пословъ Россіи и Франціи, которыя были очень удовлетворительны; поэтому все заключалось въ согласіи Каннинга. „Ежели Англія желаетъ того-же, чего и мы“, писалъ онъ Эстергази, „и не захочетъ того, чего мы не хотимъ, то соглашеніе возможно; мы желаемъ подчиненія повстанцевъ власти султана и не хотимъ вести ихъ на бойню“.

Тѣмъ непріятнѣе былъ удивленъ Метернихъ, когда Бомбель увѣдомилъ его изъ Петербурга, что царь не соглашается на предложенія Австріи, а Эстергази изъ Лондона сообщилъ о разговорѣ съ Ливеномъ, причемъ русскій посолъ рѣзко возразилъ, что вовсе дѣло не идетъ о томъ, чтобы устроить совѣщаніе между пятью державами, изъ которыхъ три уже находятся въ полномъ единомысліи,

но требуется только ясно опредѣлить, на сколько Австрія и Пруссія, не давшія своего согласія на апрѣльскій протоколъ, выскажутся на счетъ своего содѣйствія. „Можно ли послѣ шестилѣтняго опыта основывать надежды на мирное рѣшеніе вопроса?“, спрашивалъ онъ. Еще яснѣе высказался Канингъ, изложивъ откровенно Эстергази, что три державы рѣшились заключить договоръ между собою.

Съ Мая стало вполнѣ ясно, что между Россіей и Англіей установилось единство мыслей, а 13 Мая Татищевъ доставилъ канцлеру объявленіе, не оставляющее ничего желать въ ясности. Аппони изъ Парижа извѣщалъ, что Франція, послѣ нѣкотораго колебанія, согласилась приступить къ протоколу, причемъ сообщилъ проэктъ договора, который составлялся.

Метерних не удовольствовался рѣзкимъ отклоненіемъ предложенія, сдѣланнаго Франціей, приступить къ договору; онъ критически разобралъ пустоту знаменитаго проэкта, безпощадно выказывая его несообразности [1]); затѣмъ прибавилъ, что австрійскій императоръ окажетъ болѣе услугъ дѣлу мира, не отступая отъ своихъ правилъ, чѣмъ жертвуя ими призраку союза. Къ тому-же императоръ не въ состояніи примкнуть къ договору, который заключаетъ въ себѣ неизвѣстную будущность какъ для всеобщаго спокойствія, такъ и въ частности для Австріи.

До послѣдней минуты канцлеръ льстилъ себя надеждою, что соглашеніе потерпитъ фіаско. Парламентскія происшествія въ Великобританіи и выходъ Веллингтона изъ кабинета казались ему признаками, что Канингъ стѣсненъ въ дальнѣйшемъ ходѣ. Нѣсколько общихъ выраженій англійскаго премьера къ Эстергази, что ему недосугъ заниматься греческими дѣлами, были приняты за чистую

[1]) Письмо Метерниха къ сыну, 11 Іюня 1827: «Проэктъ договора превосходитъ всякую глупость».

монету. Каждая недѣля, прошедшая безъ результатовъ, служила подтвержденіемъ, что соглашеніе разстроивается. Тѣмъ глубже было впечатлѣніе, когда наконецъ получилось извѣстіе объ заключеніи іюльскаго договора, въ которомъ участвовала и Франція.

Мрачное настроеніе вѣнскаго кабинета временно прояснилось, однако, благодаря внезапной смерти Каннинга. Гентцъ указалъ на кончину британскаго дѣятеля, какъ на событіе, счастливое для Европы. Метернихъ также бросилъ нѣсколько камней въ могилу скончавшагося премьера, сказавъ, что приговоръ исторіи надъ Канингомъ будетъ легокъ: онъ все пошатнулъ, многое разрушилъ и ничего не построилъ: грустная эпитафія человѣку подобнаго значенія; Англія избавлена теперь отъ бича. Въ противоположность этому убійственному приговору, Метернихъ воспѣвалъ хвалу Веллингтону, привѣтствуя его горячими пожеланіями.

Но ожиданія, что смерть Каннинга повліяетъ на политику царя, не исполнились. Въ Петербургѣ поспѣшили ратификовать договоръ, чтобы предупредить всѣ догадки и сомнѣнія, хотя и въ этомъ дѣйствіи канцлеръ не обвинялъ Николая, объ которомъ былъ далеко не высокаго понятія. По его мнѣнію, Нессельроде, Ливенъ и Поццо подвигали царя на торопливые поступки.

Посланники трехъ союзныхъ державъ въ половинѣ Августа получили инструкціи и представили Портѣ подписанную ими коллективную ноту; но Рейсъ-Эфенди отказался отъ принятія ея. Тогда драгоманы положили ее на диванъ и удалились. На сдѣланный чрезъ день запросъ, драгоманъ Порты извѣстилъ, что отвѣта не дадутъ не только чрезъ назначенные четырнадцать дней, но и чрезъ четырнадцать лѣтъ. Тогда посланники обратились за поддержкой къ прусской и австрійской миссіямъ. Прусскій министръ, баронъ Мильтичъ, высказался за союзниковъ,

но интернунцій уклонился, ссылаясь на отсутствіе инструкцій и на замѣчаніе Стратфорда-Коннинга, что Австрія обѣщала дѣйствовать на Порту въ дружескомъ тонѣ, отвѣчалъ, что это не частныя предложенія, а общая декларація, въ которой его государь не участвуетъ.

30 Августа посланники потребовали отъ Рейсъ-Эфенди немедленнаго отвѣта; этотъ снова извѣстилъ, что не могутъ дать никакого отвѣта. Тогда посланники представили вторую ноту, въ которой требовалось прекращеніе военныхъ дѣйствій; Рейсъ-Эфенди снова отказался отъ принятія ея и снова она была оставлена на софѣ; султанъ даже выразилъ Рейсъ-Эфенди свое неудовольствіе, что это было допущено. За послѣдовавшими затѣмъ переговорами Рейсъ-Эфенди выслушалъ объясненіе на счетъ дальнѣйшихъ дѣйствій союзниковъ; они высказали намѣреніе сблизиться съ возставшими греками, учредивъ у нихъ консульства, и принудить стороны къ перемирію, ежели посредничество будетъ отклонено. Не смотря на это, Рейсъ-Эфенди не измѣнилъ своихъ намѣреній.

Поведеніе интернунція укрѣпляло упорство Порты, но, конечно, еще болѣе тому содѣйствовали взаимныя отношенія державъ, измѣнившіяся со смерти Канинга. По увѣренію вѣнскихъ кружковъ, каждый изъ союзниковъ усмотрѣлъ при этомъ возможность выкинуть за бортъ іюльскій договоръ. Изъ разговоровъ, которые имѣлъ въ Теплицѣ Метернихъ съ французскимъ посломъ ла-Ферроне, возвращавшимся изъ Петербурга, онъ создалъ себѣ убѣжденіе, что русскій и французскій кабинеты раздѣляютъ взгляды Австріи, что царь строилъ свои восточные планы на дѣятельности Канинга и вслѣдствіе его смерти увидалъ себя безъ прочныхъ основаній, что войну онъ будетъ вести лишь въ крайнемъ случаѣ. Въ Лондонѣ лордъ Дудлей высказалъ Эстергази, что Англія не можетъ уже отступить и Порта должна, вслѣдствіе торжественнаго обязательства

трехъ державъ, склониться къ уступчивости; но Австрія можетъ выказать дѣятельность въ Константинополѣ, для того, чтобы упрямство Порты не повело къ крайностямъ; времени однако терять нечего; энергическія представленія Австріи могутъ остановить большія бѣдствія.

Эти извѣстія на столько ободрили канцлера, что онъ могъ сдѣлать опытъ стать посредникомъ между Турціей и державами—участницами іюльскаго договора и взять въ свои руки рѣшеніе восточнаго вопроса.

Въ первыхъ числахъ Октября Оттенфельсу были посланы инструкціи въ этомъ смыслѣ: „Затрудненія настоящаго положенія“, значилось въ нихъ, „лежатъ въ двухъ фактахъ, повидимому несогласимыхъ: въ революціонномъ движеніи, прямо или косвенно угрожающемъ цѣлости турецкой имперіи, и въ томъ, что Порта не обладаетъ достаточными средствами для усмиренія движенія. Безъ сомнѣнія, она успѣла-бы подавить возстаніе, если-бы первоклассныя державы Европы оставались въ теченіи этихъ лѣтъ спокойными. Но прошлаго воротить нельзя: лондонскій договоръ существуетъ и ультиматумъ трехъ державъ есть совершившійся фактъ; теперь рѣчь идетъ о томъ, чтобы предотвратить крупное столкновеніе. Австрійскій кабинетъ не намѣренъ предлагать средства для успокоенія Греціи; это есть вопросъ, значенія котораго никто не отрицаетъ. На первомъ планѣ стоитъ политическое соперничество державъ, посредничества которыхъ Порта не допускаетъ. Разлученіе враждебныхъ элементовъ является въ подобномъ случаѣ первымъ условіемъ успѣха. Порта можетъ въ дружественной формѣ обратиться къ вѣнскому кабинету, давъ ему поводъ объясниться съ союзниками; однимъ словомъ, пріобрѣсти право на добрыя услуги Австріи“.

Эта депеша пришла 20 Октября въ Константинополь и тотчасъ-же была сообщена Портѣ. Члены Дивана собра-

лись въ домѣ великаго визиря, гдѣ Петревъ-Эфенди предложилъ проэктъ письма, адресованнаго къ Метерниху, который и былъ единогласно одобренъ. Султанъ собственноручно написалъ на проэктѣ: „Австрійскій императоръ нашъ старинный другъ и заслуживаетъ полнаго нашего довѣрія, такъ какъ далъ намъ дѣйствительныя доказательства своего доброжелательнаго расположенія. Я также издавна знаю замѣчательныя качества князя Метерниха. Имѣя въ виду дружескія предложенія и увѣренія интернунція, я одобряю письмо великаго визиря". 25 Октября нота была отправлена въ Вѣну.

Въ тотъ же день, какъ Оттенфельсъ исполнялъ данныя ему порученія, грозный бой подъ Навариномъ уничтожилъ мирную миссію князя. Извѣстіе объ этомъ проявило въ Вѣнѣ сильнѣйшее возбужденіе; императоръ воскликнулъ: „Какое коварное смертоубійство!" Казалось, что изчезла всякая надежда остановить грозу. Въ самыхъ мрачныхъ краскахъ изображалъ канцлеръ послѣдствія событія. Еще за нѣсколько дней до этого писалъ онъ интернунцію, что войны не будетъ, ежели только Порта облегчитъ державамъ возможность выбраться изъ лабиринта; теперь-же онъ ссылался на то, что предсказывалъ съ самаго начала, что іюльскій договоръ разрѣшится или ничѣмъ, или войною. Снова указывалъ онъ на новую эру: „Константинополь потерянъ, Балканы не представляютъ непроходимой преграды; остается одна надежда на то, что турки не выйдутъ изъ своей апатіи". Императору Францу Метернихъ изобразилъ положеніе дѣлъ слѣдующими словами: „Настоящее время похоже на землетрясеніе, и все это есть слѣдствіе либеральной политики".

На докладѣ Францъ собственноручно надписалъ: „Кажется, дѣло идетъ къ войнѣ; дай Богъ, чтобы это не было работой либераловъ, желающихъ занять державы, въ то

время, какъ сами они поднимутся во Франціи для осуществленія своихъ намѣреній".

Извѣстія изъ Константинополя поддерживали тревогу; нотою отъ 9 Ноября Порта требовала вознагражденія за флотъ, удовлетворенія за происшедшее и воздержанія отъ всякаго вмѣшательства. Австрійскому послу на Босфорѣ удалось повліять на составленіе документа; какъ турки ни были возмущены поступкомъ трехъ державъ, они скрыли свое негодованіе и обратились за совѣтомъ къ интернунцію, чтобы доказать ему, что, несмотря на совершившееся событіе, они готовы принять посредничество Австріи.

Но посредническое настроеніе Метерниха все таки не получило удовлетворенія; относительно Порты канцлеръ принялъ сдержанное положеніе, потому что посланіе великаго визиря вращалось въ общихъ мѣстахъ, не выказывая уступчивости. Конечно, Австрія готова была поддержать Турцію, но принять посредничество при этихъ условіяхъ было невозможно.

Въ Петербургѣ составилось убѣжденіе, что Метернихъ настраиваетъ Порту къ войнѣ и русскій кабинетъ далъ ему понять, что происки его въ Греціи, Египтѣ и Константинополѣ извѣстны, но что онъ заблуждается, разсчитывая разорвать союзъ трехъ державъ и сломить энергію царя. Спрашивалось, желаетъ ли Австрія войны между Россіей и Портой? въ такомъ случаѣ, идя такимъ путемъ, она, конечно, достигнетъ своей цѣли. Если же нѣтъ, то Метернихъ долженъ измѣнить свой образъ дѣйствій и стараться подвигнуть Порту подчиниться іюльскому договору.

Это объясненіе озадачило канцлера, произведя на него потрясающее впечатлѣніе; обычное спокойствіе оставило его. Отрицая всѣ обвиненія, Метернихъ обѣщалъ дать чрезъ нѣсколько дней отвѣтъ, который, однако, не удовлетворилъ русскаго посла.

Татищевъ письменно требовалъ отвѣта на вопросъ, желаетъ ли Австрія объявить Портѣ, что она не можетъ разсчитывать на поддержку и исполнить требованіе трехъ державъ? Наконецъ Татищеву дана была аудіенція, на которой императоръ Францъ высказалъ торжественное увѣреніе, что Австрія не раздуваетъ огня въ Константинополѣ. Онъ оспаривалъ право державъ вмѣшиваться въ дѣла Турціи съ повстанцами, но въ заключеніе далъ ручательство, что Австрія будетъ рекомендовать на Босфорѣ принятіе требованій державъ.

Вслѣдствіе этого объясненія императора съ русскимъ посломъ, Николай написалъ Францу письмо, въ которомъ прямо указывалъ на нейтральное положеніе Австріи. Прекращеніе нейтралитета отстранитъ сомнѣнія, которыя возникаютъ изъ этого положенія; царь твердо держится духа договора 6 Іюля и рѣшился не отступать ни предъ какими препятствіями для приведенія его въ исполненіе, и объ этомъ рѣшеніи своемъ увѣдомилъ кабинеты лондонскій и парижскій. Главныя основанія союзнаго договора будутъ строго исполнены, въ особенности же статья, воспрещающая державамъ дѣлать на счетъ Турціи завоеванія или требовать новыхъ выгодъ; Австріи нечего опасаться нарушенія равновѣсія [1]).

Вновь блеснулъ обманчивый лучъ надежды на мирное разрѣшеніе распри. Вслѣдствіе отставки Вильеля, въ Парижѣ послѣдовала перемѣна министерства и новый министръ иностранныхъ дѣлъ высказался въ духѣ австрійской политики. Являлся лишь вопросъ, будетъ-ли онъ имѣть достаточно вѣса, чтобы склонить на свою сторону остальныхъ членовъ министерства, и необходимую ловкость для управленія парламентскимъ большинствомъ. Изъ Лондона тоже получились благопріятныя вѣсти: англійскіе

---

[1]) Николай къ императору Францу 7—19 Января 1828 г. У Прокешъ-Остена Т. V.

министры предвидѣли большія опасности въ столкновеніи Россіи съ Портою и съ опасеніемъ смотрѣли на дальнѣйшія послѣдствія; спрашивалось лишь: съумѣютъ ли они сорвать петлю, въ которую сами попали по милости іюльскаго трактата?

Вслѣдствіе министерскаго кризиса 8 Января 1820 года, король Георгъ поручилъ герцогу Веллингтону составленіе новаго кабинета. Метернихъ привѣтствовалъ этотъ шагъ, какъ побѣду истины надъ заблужденіемъ: герцогъ не одобрялъ іюльскаго договора и порицалъ отъѣздъ англійскаго посла изъ Константинополя; по этимъ признакамъ можно было ожидать съ увѣренностью измѣненія англійской политики. Эстергази имѣлъ частыя конференціи съ Веллингтономъ, стараясь перебуксировать его въ австрійскія воды, но эти ожиданія не исполнились: герцогъ высказалъ русскому послу, что іюльскій договоръ остается въ своей силѣ, а Метерниху послано было приглашеніе настоятельно дѣйствовать въ Константинополѣ, что онъ и исполнилъ: „Турція можетъ“, писалъ онъ на Босфоръ, „отнять всякій поводъ къ враждѣ, если предложитъ организацію Мореи такого рода, что, оставаясь подъ верховнымъ владычествомъ Порты, она управлялась бы выборными князьями, а въ крѣпостяхъ ея стояли турецкіе гарнизоны. Подобный планъ будетъ, безъ сомнѣнія, сочувственно принятъ въ Парижѣ и Лондонѣ; Россія будетъ принуждена уступить всеобщему желанію мира и всѣ предположенія коалиціи уничтожатся разомъ“.

Это предложеніе, однако, оказалось мыльнымъ пузыремъ: Лафероне объявилъ, что Карлъ X видитъ лишь въ строгомъ исполненіи договора средство успокоить Грецію и поддержать европейское равновѣсіе, что путь, избранный Австріей, не ведетъ къ цѣли, и что даже отпаденіе Англіи не повліяетъ на Францію въ исполненіи принятыхъ обязательствъ. Грустнѣе всего было то, что и въ Константинополѣ Австрія

утратила вліяніе: когда Рейсъ-Эфенди переданы были австрійскія мирныя предложенія, тотъ прямо отвѣтилъ, что не приметъ на себя труда представлять ихъ султану. Послѣдовавшее за тѣмъ рѣзкое объясненіе заключилось объявленіемъ австрійскаго драгомана, что ни совѣтами, ни посѣщеніями онъ не будетъ болѣе утруждать Порту.

Метернихъ чувствовалъ себя неловко въ своемъ одиночествѣ; онъ готовъ былъ уже помириться съ іюльскимъ трактатомъ, который такъ осуждалъ; канцлеръ усмотрѣлъ въ немъ моральную преграду для Россіи тѣмъ, что лишалъ ее права дѣлать пріобрѣтенія, и нѣсколько недѣль спустя отправилъ въ Лондонъ памятную записку въ пользу полной самосостоятельности Греціи. „Возвратъ къ положенію дѣлъ, бывшему до возстанія“, писалъ онъ, „теперь уже невозможенъ, такъ какъ греки, благопріятствуемые географическимъ положеніемъ и превосходствомъ морской силы, могутъ защищаться съ успѣхомъ. Поэтому новое политическое устройство составляетъ необходимое условіе успокоенія страны; всѣ предшествующія усилія союзныхъ державъ дѣйствовать на основаніи іюльскаго трактата остались тщетными и слѣдуетъ искать новыхъ комбинацій. Греки стремятся къ полной независимости, чему донынѣ державы противились, но въ жизни человѣка бываютъ минуты, когда самая упорная воля и полноправное сопротивленіе должны уступить желѣзной необходимости. Случается, что самыя вредныя по своему происхожденію революціи имѣютъ успѣхъ, и самыя строгія и безукоризненныя правительства вступаютъ въ близкія сношенія съ похитителями престоловъ. Предложеніе признать Грецію независимою заключаетъ въ себѣ большія выгоды; оно произведетъ впечатлѣніе на Порту и, въ то же время, устранитъ грозящую опасность, предупредивъ убійственную войну. Только слѣдовало бы скорѣе сговориться на счетъ опредѣленія границы мѣстностей, о которыхъ будетъ идти

рѣчь; я полагалъ бы ограничиться Мореей и нѣкоторыми островами".

Метернихъ льстилъ себя надеждою произвести въ Лондонѣ и Парижѣ большое впечатлѣніе, но еще разъ ошибся. Изъ Парижа ему сдѣлали колкое возраженіе: „Князь предлагаетъ въ случаѣ сопротивленія Порты принять независимость Греціи; но если Порта не будетъ сопротивляться предложеніямъ, а несогласіе явится со стороны Греціи, что тогда?"

Герцогъ Веллингтонъ отвѣтилъ Эстергази, что онъ не стремится къ политической самостоятельности Греціи, и это стоитъ даже въ противорѣчіи съ трехстороннимъ договоромъ.

Отвѣтъ царя вращался въ странномъ противурѣчіи; онъ говорилъ, что свято держится договора и будетъ самымъ горячимъ партизаномъ священнаго союза. „Я повторяю", прибавилъ онъ тутъ-же „что не сочувствую грекамъ и ненавижу ихъ, хотя они мои единовѣрцы; они поступили измѣнически, зловредно; я считаю ихъ подданными, находящимися въ открытомъ возмущеніи противъ законнаго государя и не желаю ихъ освобожденія; это былъ бы пагубный примѣръ для другихъ, еслибы имъ удалось освободиться". Затѣмъ слѣдуютъ увѣренія въ мирномъ настроеніи, высказывается готовность выслушать мирныя предложенія; потомъ, обращаясь къ памятной запискѣ Метерниха, императоръ Николай говоритъ, что ему потребовалось много, много времени повѣрить тому, что Австрія говоритъ серьезно. „Впрочемъ", заключаетъ онъ, „когда союзники соберутся въ Лондонѣ и согласятся на предложенія, то я не буду имъ противиться".

Послѣдняя попытка канцлера помѣшать войнѣ не удалась: прежде, чѣмъ изъ Петербурга былъ посланъ отвѣтъ на меморандумъ, появился манифестъ царя и 14 Апрѣля 1828 года русскія войска перешли Прутъ. Гентцъ предался

самымъ мрачнымъ размышленіямъ: „Война можетъ погубить двѣсти тысячъ русскаго войска“, писалъ онъ, „но остальные со своимъ самодержцемъ войдутъ въ Константинополь“. Прокешъ старался разсѣять его тревоги, доказывая невѣроятность успѣховъ со стороны русскихъ; онъ ссылался на большія опасности, грозящія имъ при движеніи впередъ къ турецкой столицѣ. Что касается сангвиническаго канцлера, то и онъ былъ не въ розовомъ настроеніи; іюльскій договоръ, столько разъ имъ осмѣянный, сдѣлался теперь для него святыней; онъ рекомендовалъ Лондону и Парижу крѣпко держаться за него, такъ какъ онъ связываетъ Россію.

Уничтоженіе тройственнаго союза для изолированія сѣвернаго колосса казалось ему единственнымъ исходомъ, и этого можно было достигнуть непосредственнымъ соглашеніемъ Порты съ Англіей и Франціей на основахъ лондонскаго договора. Когда Греція сдѣлается фактически свободною, то тройственный договоръ будетъ исполненъ и, слѣдовательно, сила его прекратится. Тогда всѣ соображенія и усилія Европы на будущее время должны быть направлены на великую задачу спасти остатки Турціи.

Военныя событія между тѣмъ шли своимъ чередомъ; апатичная натура мусульманъ выказала на войнѣ такую силу сопротивленія, что удивила враговъ Турціи и друзей. Можно-ли было предполагать, чтобы войска, напрасно истощавшіяся противъ сборища греческихъ бродягъ, высказали столько мужества въ борьбѣ съ русскими войсками. Первый походъ не оправдалъ тѣхъ ожиданій, которыя повсемѣстно возлагались на силу русскаго оружія; кровавое отступленіе отъ Шумлы и Силистріи было жестокимъ урокомъ для русской самонадѣянности. Понятно, что ходъ военныхъ событій вызвалъ въ Вѣнѣ лишь насмѣшки и злобную радость; опасались только, какъ бы Франція не приняла участія въ ходѣ военныхъ событій, и канцлеръ дѣ-

лалъ все возможное, чтобы предупредить эту случайность. Французскому правительству совѣтовалъ онъ не слишкомъ спѣшить, а подобравъ паруса, изучать море, усѣянное подводными камнями.

Но совѣты эти не привели ни къ чему; легкомысленный парижскій кабинетъ вмѣшался въ борьбу, пославши въ Морею экспедицію. Когда вѣсть о томъ достигла Метерниха, онъ началъ стараться мѣшать рабской услужливости Франціи къ Россіи; въ Петербургѣ указывалъ на непрочное положеніе французскаго правительства, а въ Парижъ писалъ, что вѣра французскаго кабинета въ Николая неосновательна. Въ Константинополѣ онъ убѣждалъ султана развязаться съ греческимъ вопросомъ и чрезъ то дать свободу Англіи и Франціи, доказывая, что такъ какъ этого вопроса нельзя задушить, то лучше добровольно съ нимъ покончить.

Посылка трехъ уполномоченныхъ союзныхъ державъ въ Корфу для переговоровъ съ греками на счетъ будущихъ границъ, чтобы затѣмъ обязать Порту приступить къ общей конференціи, была, по мнѣнію Гентца, „безсовѣстной уловкой, разсчитанной на то, чтобы протянуть время, то есть, работать на пользу русскихъ; Россія одна ловко ведетъ свою игру, тогда какъ другія державы пляшутъ подъ ея дудку. Благоразуміе и сила покинули кабинеты; къ сожалѣнію, Австрія стоитъ одиноко и не можетъ остановить теченія“.

Результаты перваго похода выяснились въ Сентябрѣ; проницательность Метерниха видѣла опасное положеніе Турціи, хотя Россія и не извлекла еще никакихъ выгодъ. „Зима должна быть употреблена для серьезныхъ переговоровъ“, писалъ онъ своему сотруднику; „если дворы будутъ по прежнему дѣйствовать жалкимъ образомъ, то въ 1829 году возникнутъ компликаціи и послѣдуетъ полное разру-

шеніе прежнихъ политическихъ отношеній. Тогда можно будетъ разсчитывать на многіе годы войны".

За день до этого письма, Метернихъ имѣлъ двухчасовой разговоръ съ принцемъ Вильгельмомъ прусскимъ, нынѣшнимъ императоромъ; онъ произвелъ на него такое-же впечатлѣніе, какъ еслибы предъ нимъ находился двойникъ Николая. Принцъ не сказалъ ни слова, котораго-бы русскій императоръ не призналъ своимъ.

Не смотря на свою политическую опытность, Метернихъ имѣлъ недостатокъ неудобный для дипломата — насмѣшливость: часто беззаботныя выраженія канцлера, отражавшія настроеніе минуты, не ограничивались кружкомъ, для котораго были назначены, а доходили до ушей заинтересованныхъ лицъ. Остроты его и колкости передавались въ Петербургъ личностями, состоявшими на жалованьи русскаго правительства, которое выливало чашу досады на голову австрійскаго министра, и Николай высказывалъ свои горькія чувства въ выраженіяхъ, иногда весьма рѣзкихъ. Это вредило отношеніямъ двухъ державъ. Въ русской столицѣ опасались, что Австрія вмѣшается въ пользу Турціи; отовсюду получались извѣстія, что въ Вѣнѣ дѣлаются приготовленія и соображенія, чтобы выставить въ Галиціи или на югѣ Дуная корпусъ войскъ; трезвыя разсужденія русскаго посла въ Вѣнѣ имѣли на Нессельроде менѣе вліянія, чѣмъ желчныя корреспонденціи посланниковъ въ Лондонѣ и Парижѣ.

Въ сущности, въ Вѣнѣ одно время явилась мысль вооружиться, но она тотчасъ же была оставлена, и Метернихъ вѣрно опредѣлилъ настроеніе Австріи, сказавъ Татищеву, что если Россія соберетъ на границѣ хоть сто тысячъ войска, Австрія не двинетъ ни одного барабанщика; война между обѣими имперіями невозможна. Порта предлагала Австріи вступить съ нею въ оборонительный и наступательный союзъ, выражая при этомъ готовность усту-

нить ей земли вдоль границъ Молдавіи и Валахіи, чтобы составить преграду русской жадности, но и это не вывело Австріи изъ ея недѣятельности. Въ этомъ предложеніи Метернихъ подозрѣвалъ испытаніе, и отвѣтилъ, что его государь не желаетъ расширенія имперіи, но ищетъ мира и Порта должна договариваться съ Россіей. Но всѣ мирныя увѣренія вѣнскаго кабинета не находили вѣры въ Петербургѣ, гдѣ имѣли неопровержимыя доказательства, что Метернихъ раздувалъ вражду противъ Россіи и натравливалъ на нее.

На берегахъ Невы нѣкоторое время даже занимались возможностью войны съ Австріей, если-бы состоялись приписываемыя ей намѣренія двинуться изъ Семиградіи въ Молдавію и Валахію. Подполковникъ Кржановскій имѣлъ отъ великаго князя Константина порученіе изслѣдовать правый берегъ Вислы, чтобы опредѣлить удобнѣйшій пунктъ для наводки моста, и ему было объяснено, что царь намѣренъ объявить войну Австріи и предполагаетъ двинуться съ польскою арміею тремя колоннами на Вѣну. Но такъ какъ Австрія не препятствовала переходу русскихъ войскъ за Балканы, то всѣ эти соображенія оказались излишними *).

Походъ 1829 года привелъ русскія войска подъ Адріанополь. Посылка прусскаго посла Мюффлинга въ Константинополь была принята Метернихомъ, какъ подтвержденіе того, что царь высказываетъ рѣшительную наклонность къ миру. Послы четырехъ державъ соединились, чтобы подвигнуть Порту къ уступчивости, а Дибичъ подъ стѣнами Адріанополя продиктовалъ сей миръ, хотя теперь извѣстно, что въ то время русскія войска были въ очень невыгодномъ положеніи. Въ числѣ прочихъ условій договоръ передавалъ Россіи устья Дуная и лежащіе на немъ острова.

Докладъ, представленный Метернихомъ императору, характеризуетъ лучше всякаго документа, какъ отозвался этотъ миръ на Австріи.

*) Основано на сообщеніи Кржановскаго. Рукопись.

„Священный союзъ до самой смерти императора Александра представлялъ существующій фактъ, не смотря на Англію, измѣнившую ему въ 1823 году. Подписаніемъ петербургскаго протокола 4 Апрѣля 1826 года союзъ этотъ былъ фактически порванъ; новый тройственный союзъ являлся безпорядочнымъ хаосомъ разнородныхъ элементовъ. Европу посѣтила нравственная чума, и только одна Австрія осталась безукоризненно вѣрна прежнимъ обстоятельствамъ“. Затѣмъ слѣдуетъ сознаніе, что восточный вопросъ никогда не былъ бы въ поминѣ, или по крайней мѣрѣ не пришелъ бы къ такимъ печальнымъ результатамъ, если-бы Австрія находилась въ иномъ положеніи, нежели то, въ которое поставилъ ее тринадцатилѣтній періодъ разныхъ сокращеній и экономіи. Россія не пустилась бы въ столь рискованное предпріятіе, если бы ей приходилось оглядываться на Австрію.

Никто не заслужилъ болѣе рѣзкаго приговора за направленіе политики этого десятилѣтія, какъ самъ министръ, кормчій австрійскаго корабля. Десятилѣтній покой не укрѣпилъ Австріи на столько, чтобы она могла положить на вѣсы силу своего значенія въ вопросѣ, касающемся ея жизненныхъ интересовъ; на восточную распрю приходилось смотрѣть со связанными руками, и если-бы Россіи удалось уничтожить Турцію, то величайшее событіе девятнадцатаго вѣка совершилось бы безъ участія Австріи: восточный вопросъ засталъ ее неподготовленною.

Другой австрійскій государственный дѣятель, Прокешъ, лучше понималъ интересы своего отечества, когда совѣтовалъ обратить вниманіе, чтобы Сербія и Дунайскія княжества не превратились въ русскія провинціи. Но въ Вѣнѣ интересы востока были отодвинуты на второй планъ, и взоры обращались преимущественно на отношенія къ Европѣ, довольствуясь тѣмъ, что удалось отстранить опасность общей войны и устоять противъ либеральнаго теченія.

Не одни дипломаты предвидѣли вредное вліяніе адріанопольскаго трактата на Австрію; даже Радецкій высказалъ по этому поводу, что „положеніе и вѣсъ Австріи значительно поколеблены; заключенный миръ сталъ угрожать существованію государства, низводя Австрію въ рядъ второстепенныхъ державъ Европы. Адріанопольскимъ миромъ Россія положила основаніе греческому королевству и поставила Молдавію, Валахію и Сербію въ такое положеніе, что зависимость ихъ отъ Порты сдѣлалась чисто номинальною; всѣ три области эти могли уже теперь считаться какъ бы отторгнутыми отъ Турціи и быть приняты за отдѣльныя государства. Молдавія, Валахія, Сербія и Грецію представляютъ основаніе балканской федераціи, стоящей въ зависимости отъ Россіи“.

Сама Европа, совершивъ большіе политическіе промахи, доставила Россіи перевѣсъ, и эта держава могла утратить его развѣ только по собственной винѣ. Для Австріи свободный выходъ изъ Дуная въ Черное море былъ въ такомъ же положеніи, какъ для Россіи проходъ чрезъ Геллеспонтъ. Значеніе великой водной артеріи, кажется, никогда не было вполнѣ оцѣнено Австріей; обладаніе обоими берегами Дуная до самыхъ устьевъ, улучшеніе теченія его и перворазрядная крѣпость, поставленная при выходѣ въ Черное море, составляли государственную задачу, за которую уже сто лѣтъ назадъ слѣдовало взяться и непремѣнно преслѣдовать. Въ обладаніи этимъ воднымъ путемъ болѣе значенія, чѣмъ въ германской имперской коронѣ или въ правахъ на испанское наслѣдство. Всѣ договоры, заключенные съ Портою, утратили значеніе вслѣдствіе адріанопольскаго мира; устья Дуная сдѣлались русскимъ достояніемъ—турки отъ нихъ были отстранены—и Россія могла запирать Дунай по желанію. Благосостояніе Австріи и развитіе ея силъ отнынѣ стало въ зависимость отъ Россіи.